

а

№ 5 (87) 2010

абазжур

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

**Вельмі простая
лінія 2**

Сёння альтэрнатыва ў выглядзе «недзяржаўных» СМІ ёсць, рэальнасць ужо адзначаная дзясяткамі ўласных «Уотэргейтаў» (горшай якасці, але таксама нішто сабе!), а нашыя калегі з дзяржаўных СМІ вымушаныя паводзіць сябе гэтак, як быццам за апошнія сто гадоў нічога не змянілася.

**Пра этыку,
«голую» праўду
і камуфляж 24**

У нашай працы самае галоўнае — не падмануць. Таму што ёсць рэчы, маштаб якіх ты здолееш зразумець і асэнсаваць толькі тады, калі ў цябе душа за гэта баліць.

**Узыход да сваёй
Сапраўднасці 17**

Быццам эпохі і тысячагоддзі праходзяць паўз нас, абмінаючы гэты заварожаны край: нічога не зварушваецца на плыні нашае свядомасці, застылай недзе ў пракаветных сховах ад сябе саміх.



У Мінску адбылася прэзентацыя кнігі «Мы помнім», укладальнікам і адным з аўтараў якой стаў вядомы беларускі журналіст, пісьменнік і кінадраматург, сябра ГА «БАЗ» Уладзімір Халіп. У выданні змешчаны 24 расповеды-споведзі родных, блізкіх і сяброў зніклых без вестак аператара расійскага тэлеканала ОРТ, сябра БАЗ Дзмітрыя Завадскага, былога віцэ-спікера Вярхоўнага Савета Беларусі Віктара Ганчара, прадпрымальніка Анатоля Красоўскага, былога міністра ўнутраных спраў генерала Юрыя Захаранкі, а таксама памерлага пры загадкавых абставінах экс-намесніка старшыні Вярхоўнага Савета Генадзя Карпенкі.

«Свет змяняецца, мы змяняемся, не змяняюцца толькі тыя, хто ўжо больш не з намі, — Віктар Ганчар, Анатоль Красоўскі, Дзмітрый Завадскі, Юрый Захаранка і Генадзь Карпенка. Яны застаюцца такімі ж, якімі мы іх ведалі адзінаццаць гадоў таму. Яны застануцца такімі і ў кнізе, якую мы стварылі, таму яна так і называецца «Мы помнім». Гэта кніга пра памяць, і гэта кніга аб любові», — сказала на прэзентацыі Ірына Красоўская, адна з аўтараў праекта.

Гэта была трэцяя прэзентацыя кнігі «Мы помнім». Першыя дзве прайшлі ў Осла (Нарвегія) і Нью-Ёрку (ЗША).

а абазур

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

ТРЫМАЙСЯ ПРАУДЫ!

Выдавец: ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
Перыядычнасць: 1 раз у 2 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
№ 5 (87) 2010 г.

Галоўны рэдактар
Уладзімір Барысавіч Дзюба

Фота
Photo.bymedia.net,
Юліі Дарашкевіч

На вокладцы –
Арцём Лява
Фота Аляксандра Зянкова,
Сяргея Балая

Выданне зарэгістравана
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь,
рэгістрацыйны № 833 ад 04.12.2009 г.

Падпісана да друку
Дата выхаду
Фармат 60x84 / 8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк.
Наклад 600 асобнікаў.
Заказ №
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
вул. Камсамольская, 7–32.
Тэл./факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
E-mail: abajur@baj.by,
baj@baj.by
Сайт: www.baj.by

Друкарня СТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП № 02330/0150444 ад 19.12.2008 г.
Адрас: 220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,
(029) 623-74-10
medisont@gmail.com
www.medisont.com

У адпаведнасці з Законам аб друку
аўтары нясуць адказнасць
за падбор і дакладнасць фактаў,
прыведзеных у артыкулах.

Рэдакцыя можа публікаваць матэрыялы
ў парадку абмеркавання, не падзяляючы
пункту гледжання аўтараў.

Вельмі простая лінія	2
А. Гуляеў	
Апытанні і пытанні выбарчай кампаніі	6
С. Вазняк	
Журналіст — гэта гучыць горка?	8
Я. Мельнікава	
Хто і наколькі давярае інтэрнэту?	10
Л. Міхейчыкаў	
АБ'ЕКТЫЎна: Рэпарцёры і выбары	12
С. Балай	
БРСМ у дапамогу	14
К. Быхоўскі	
Узыход да сваёй Сапраўднасці	17
А. Хатэнка	
Даніна Вячаслава Дубінкі	20
С. Ваганаў	
Пра этыку, «голюю» праўду і камуфляж	24
Т. Гусева	
Рамяство без ідэалогіі	27
Х. Марчук	
Журналістыка і таталітарызм	29
А. Гужалоўскі	
«Бобруйскі курьер»: гісторыя задушэння	34
А. Санаценка	
Уільям Хорслі: «Праблемы грамадства вырашае адкрытая дыскусія ў незалежных СМІ»	36
Жаночая прырода змянілася. Зараз жанчыны — «моцны пол»	41
Н. Нарышкіна	
Пад абазурам. Вершы	46
С. Нефідовіч	
Прыгоды італьянцаў і кітайцаў у Беларусі	48
С. Печанко	
Чаму «60»?	53
К. Скуратовіч	
НКУС — гестапа: шлюб па разліку	56
І. Кузняцоў	

Очень прямая линия



Анатолий ГУЛЯЕВ

По данным мониторинга Белорусской Ассоциации журналистов, государственные СМИ, информируя о предвыборной кампании, более 70% газетных площадей и эфирного времени отдают действующему президенту, почти всю оставшуюся часть — избирательным комиссиям, наблюдателям, местным властям... На альтернативных кандидатах практически ничего не остается: Ярославу Романчуку уделено полтора процента «внимания», Владимиру Некляеву — 0,503... То есть их как бы нет. Но они ведь есть! Значит, объективная информация подгоняется государственными СМИ под «линию» власти, направленную исключительно на победу Александра Лукашенко. Как и раньше.

Раньше

...Это 1985 год. Партийные средства массовой информации (а непартийных нет!) осуществляют «линию» на выполнение продовольственной программы. Она должна в короткие сроки обеспечить продовольствием страну, именуемую Советским Союзом и стоящую в очередях за колбасой.

Все местные «Правды» (партийные газеты почти всегда именовались «Правдами» с добавлением названия региона — Могилевская, Гомельская...) пишут исключительно о привесах и надоях. Колбасы от этого больше не становится, но люди из идеологических служб (тогда их тоже было много) с оптимизмом ставят задачи.

— В Чаусском районе Могилевской области родился замечательный почин в идеологической работе, — звонят из обкома компартии. — Срочно нужна статья в газету!

Несемся в район — я, фотокор Витя Кожемякин и двое из сельхозотдела — ударная команда «Могилевской правды». А «замечательный почин» сводится к тому, что местный райком компартии Беларуси (для тех, кто тогда не жил: райкомы, обкомы — то же, что сегодняшние исполкомы, только мощнее!) принял решение выставлять передвижные флагштоки возле домов механизаторов, которые за день намолотили больше других.

Добираемся до нужного колхоза, едем в поле и идем по стерне к красной «Ниве», тархтящей невдалеке. Насквозь пропыленный небритый мужик в замасленном «комбезе», в чью честь в деревне вчера поднимали флаг, останавливается и спускается с мостика своего «корабля хлебной нивы», как любят величать этот агрегат люди из сельхозотдела. Кстати, «корабль» ненадежен, капризен и просыпает на стерню от 5 до 10 процентов намолота... Но об американских «Джон Дирах», теряющих в 10 раз меньше, среди аграрников пока только ходят легенды — как об НЛО. И потом — когда не с чем сравнивать, «Нива» тоже очень даже ничего... Как единственная в деревне девушка... Пусть даже контуры ее фигуры напоминают очертания вобразного двухрядного дизельного двигателя В-2...

— Вы стали победителем соревнования «27-му съезду КПСС — 27 ударных вахт»?

— Абы-што нешта... — чешет голову мужик, но не возражает. — Вы пишете, что там надо... Вы лучше знаете.

Мы, конечно, свое дело знаем. Я уже набрасываю в блокноте контуры стандартного интервью на вторую полосу под рубрикой «Передовой идеологический опыт». Важна только фамилия, а остальное — как у всех: школа, армия, колхоз, «червивка» уже с 11-ти утра... Я мог бы строчить такие интервью десятками, не вставая из-за письменного стола...

— Ну ты возмись за эту железку, мужик! Не так... Ты за бабу свою тоже так берешься?

Это уже наш фотокор Витя Кожемякин мучает мужика, ставит его так и эдак, лова какой-то, только ему ведомый, ракурс. Это непросто, потому что мужик должен получиться не очень грязным и не слишком неприятным. Хорошо бы излучать оптимизм! Но для этого нужно улыбаться, а большей части зубов у мужика, как у нормального деревенского жителя в таком возрасте, просто нет. Но Витя большой мастер делать «из г... конфету».

— Подожди, мужик, стань на ступеньку и смотри в бункер...

Комбайнер изворачивается в какой-то немислимой позе. В объектив теперь попадает только та половина лица, где во рту еще сохранились зубы. Улыбка в наличии, забота об урожае — тоже: мужик беспокоится и заглядывает в бункер. Витя доволен.

— Учитесь, как надо работать!

У Вити свои методы. В командировки по колхозам он возит с собой белый халат, в который потом одевает свинарок. И заставляет их перед объективом прижимать к груди младенческого возраста поросятки.

Самое интересное — снимки публикуются, что называется, «со свистом». Хотя все понимают, что на утопающих в навозе свинофермах, где любой белый халат через пять минут становится черным, их не носят. Как в парижском «Мулен руж» не носят фуфаяк и кирзовых сапог.

...Мы даем в номер интервью с мужиком — героем однодневного поднятия флага. А тем временем появляется новый почин: в Мстиславле идеологический активист-«политинформатор» (не знаю, есть ли такие сегодня) должен на ходу садиться в кабину движущегося по полю комбайна и рассказывать комбайнеру последние новости из партийной печати... Все это всерьез обсуждается на высоких совещаниях и всерьез поощряется. А мы потом проводим «линию», подгоняя под нее цифры, лица, мнения — словом, текстовую информацию и «картинку». Но колбасы, повторяю, больше не становится.

Теперь

...Миновало два с лишним десятка лет. Читаю сообщение в несвижской «районке»: «С 21 июля 2010 года на базе отдела идеологической работы Несвижского районного исполнительного комитета создан пресс-центр «Урожай-2010». Актуальную информацию о ходе уборки зерновых в районе, области, стране можно получить по телефону 5-13-22 с 8.30 до 9.30».

Это надо только представить себе: Несвижский район, утро, половина девятого. Местное население, давно уже подоившее коров и давно уже работающее — кто в поле, кто на фермах, — разом достает «мобильники» из карманов пропитанных машинным маслом «комбезов» и пропахших навозом халатов и с душевным волнением пытается дозвониться в пресс-центр идеологического отдела местного исполкома: «Какова урожайность зерновых на эту минуту? Как выглядит родной район в социалистическом соревновании среди районов области?»

Эта сюрреалистическая картинка греет душу воспоминаниями молодости и параллельно вызывает тихую, но злобную ярость: неужели за столько лет в сознании людей, именуемых



«идеологами», ничего не изменилось? Это какими же... надо быть, чтобы верить, будто кто-то станет звонить в этот самый пресс-центр? Но идеологи — в прежние времена часто незамужние и потому активные женщины — секретари райкомов по идеологии, а нынче такие же точно заместители председателей исполкомов... Эти деятельницы вообще, как бы это помягче, отличаются неадекватным восприятием действительности. Бог с ними...

А вот коллегам из государственных СМИ хуже. Теперь, как и прежде, проводя «линию» власти, они вынуждены писать о демократии, которой больше, чем в Европе, — это в стране, где частью уничтожены, а частью вышвырнуты из системы распространения независимые СМИ. Пишут об успехах экономики — при почти полностью изношенных основных средствах... То есть подгоняют информацию под «линию» и под всеми этими глупостями ставят свои фамилии.

Им даже хуже, чем нам в прежние времена, потому что тогда не было никаких альтернатив. Мы верили, что «не бывает литераторов беспартийных», все СМИ не более чем «приводные ремни», а слово «Уотергейт» воспринималось как выдумка буржуазной пропаганды.

Сегодня альтернатива в лице независимых СМИ есть, реальность уже отмечена десятками собственных Уотергейтов (поплоше качеством, но тоже ничего!), а нашим коллегам из государственных массмедиа приходится вести себя так, как будто за последние сто лет ничего не изменилось.

Еще раньше

Необходимость подгонять информацию под «линию» власти сформировалась, когда СМИ на земном шаре становились все более свободными, а в Советской России всякая альтернатива была ликвидирована в корне. Вспомним: одним из первых декретов Совета Народных Комиссаров Советской России (с Беларусью в том числе) был **Декрет о печати**, датированный 27 октября 1917 года. На его основе были закрыты все небольшевистские газеты, а их типографии реквизированы и переданы большевистским изданиям.

А 8 ноября 1917 года председателем Совета Народных Комиссаров В. Ульяновым (Лениным) и народным комиссаром по просвещению А. Луначарским (считавшимся интеллектуалом и демократом!) был подписан второй важный документ в области СМИ — **«Декрет о введении государственной монополии на объявления»**. Это означало, что все негосударственные издания лишались доходов и, соответственно, возможности выжить. (В этой связи вспоминается, как через много лет, 26 марта 1998 года главный советник Управления социально-культурной политики Совета Министров Беларуси Б. Боложинский разослал в органы власти и управления служебное письмо **«Об усилении контрпропаганды выступлений оппозиционной прессы»**, которое призывало не размещать в негосударственных СМИ рекламу и постановления правительства.)

3 апреля 1918 года было принято **«Постановление Президиума ВЦИК об обязанности газет печатать все декреты и распоряжения ВЦИК и СНК, а также распоряжения и приказы местных Советов»**.

После этого в отношении СМИ руководством страны если и принимались, то не такие серьезные документы, никак не отменявшие необходимость (под страхом очень сурового наказания) соблюдать «линию». То есть на территории СССР взаимоотношения СМИ и власти в течение многих десятилетий при полном отсутствии Закона о СМИ регулировались несколькими упомянутыми выше декретами и постановлениями времен военного коммунизма. Журналистика выступала даже не в качестве «второй древнейшей профессии», поскольку это предполагает хоть какой-то выбор клиентов. И не в качестве верной жены, поскольку жена, как известно, в не поддающемся учету количестве случаев не столько подчиняется, сколько руководит сама. Журналистика была скорее бесправной наложницей.

А последние изменения в принятый наконец в 90-е годы белорусский Закон о печати неуклонно возвращают нас опять туда же — к послереволюционным декретам.



Очень прямая линия

Безусловно, в государственных СМИ есть множество толковых коллег с самыми благими намерениями. И бывают, конечно, моменты, когда им разрешается позволить себе даже некоторую такую «оппозиционность», послав читателю (зрителю, слушателю) многозначительный намек — мол, не все так просто! Можно изящно пофрондировать, сказав что-нибудь не ругательное о Куропатах. Можно даже пригласить на свои страницы беглого демократа, не нашедшего в оппозиции «счастья и чинов». И многих это впечатляет: особенно тех, кто смотрит со стороны... Не так давно в Вильнюсе от редактора русскоязычного «Литовского курьера» Валерия Третьякова, лично знакомого с белорусскими коллегами, довелось услышать: «Хорошо, что в Беларуси редакторы крупнейших государственных газет такие демократы!»

Но вот приходит момент истины: выборы, очередной референдум или еще что-то в этом роде. И уж тут-то — будьте добренькие: «линия» должна быть очень прямой, и никакие отклонения не допускаются! «Госдемократы», наученные горьким опытом последних лет, послушны! И уважаемой «демократичности» как не было: любые попытки альтернативных кандидатов пробиться на страницы государственных СМИ и в эфир телевидения сверх отведенных «двух раз

по несколько минут» невозможны. В участковых избирательных комиссиях только 0,25% представителей оппозиции — и никто из госредакторов и их сотрудников не протестует.

Это в «негосударственных» СМИ пытаются давать слово тем и этим, поскольку и то, и другое есть ее величество Информация. Пытаются сравнивать Некляева с Санниковым и Рымашевского с Уссом, часто окончательно запутывая и без того растерянных избирателей.

А в государственных СМИ, совсем недавно почти уже демократичных, опять «порядок и дисциплина». Ах, эта госдемократичность! До чего слаба она, до чего ранима, до чего непрочна — как лепестки сакуры ранней весной! Самый легкий ветерок из «красного дома» — и они осыпаются... Как в стихах японского поэта Кицунэ Миято:

*Белой сакуры
в небо летят лепестки,
чтобы вернуться...*

Но они не возвращаются. И правильно делают, потому что наша жизнь жестока и сильно отличается от японских хокку. Собственно говоря, я бы не стал сравнивать ее даже с местными припевками...

Какие там припевки, когда в Беларуси до сих пор (10 лет!) ничего не известно о судьбе нашего коллеги Дмитрия Завадского, недавно вдруг оказался в петле журналист Олег Бебенин, за малейшее отклонение редакции независимых СМИ штрафуются судами. А на днях в Куропатах под Минском опять сломали 38 крестов. А в соседней России избивают с выламыванием пальцев коллегу из «Коммерсанта» Олега Кашина...

И еще одна деталь: известные российские журналисты и редакторы ряда изданий подписали обращение к Медведеву с требованием найти нападавших на Олега. Не подписали его только люди с первого канала российского телевидения и РТР, с когда-то любимого НТВ, из официальной «Российской газеты» и прочие — все те, кто обязан выдерживать «линию».

...Собственно говоря, «линия» есть не что иное, как интерес группы чиновников, находящихся у власти. Чья основная задача, безусловно, не в том, чтобы обеспечить народу счастливую жизнь, а в том, чтобы удержать власть, даже если ради этого потребуются создать народу счастливую жизнь! Под это их стремление журналисты государственных СМИ и «подгоняют» информацию, часто придавая ей характер, прямо противоположный

действительности. Равно как, между прочим, небольшая часть коллег из негосударственных СМИ, так же отстаивающих чей-то чужой интерес. Тогда оказывается, к примеру, что твой материал для данного издания недостаточно негативен. И редакторская рука без твоего ведома вписывает в статью заголовки и выводы, приводящие потом тебя в такой ужас, которого не испытывал не имеющий опыта семейной жизни Хома Брут из повести Николая Гоголя «Вий» при виде прекрасной панночки, вдруг ставшей злобной ведьмой...

Читая такого рода штуки, понимаешь, насколько актуально звучат слова замечательно остроумного поляка Ежи Леца: «*Прямо не верится, что ложь существовала еще до изобретения печатного станка.*»

...То есть, для коллег из государственных СМИ, защищающих интерес людей от власти, объективность невозможна совершенно — какие бы нравственные богатства ни таились в их душах. Людям из негосударственных СМИ, работающим в интересах разных издателей, она доступна лишь частично. И всем нам, барахтающимся в водоворотах чужих интересов, очень часто не хватает ни времени, ни сил осознать, что есть еще и собственный интерес СМИ. А он в том, чтобы собирать и распространять объективную информацию, — как просто! Это то, за что наши издания покупают. Это, собственно говоря, и есть наша очень прямая линия!

Правда, за это сажают в тюрьму, штрафуют, выгоняют с работы, иногда ломают пальцы, иногда суют в петлю. И все это в нашей профессиональной жизни вперемешку, как кусочки колбасы, горошины и порезанный маленькими кубиками картофель в салате «Оливье». Конечно, если очень сильно постараться, можно разделить компоненты. А можно даже, экономя майонез, вообще не смешивать их. Но тогда это будет уже не салат «Оливье», а просто картошка, и просто колбаса, и просто зеленый горошек.

Как и журналистика: если в ней нет риска, связанного с распространением объективной информации, это уже не журналистика, а шоу-бизнес.





Сергей ВОЗНЯК,
редактор газеты
«Товарищ»

Опросы и вопросы

избирательной кампании

На днях возвращался домой после важной деловой встречи, связанной с выборами. Ехал на такси. Было поздно, за полночь. Таксист — мужик предпенсионного возраста — оказался необычайно говорливым. Рассказал об аварии, случившейся на его глазах на МКАДе. Поведал о прогнозе погоды на месяц вперед. Потом повздыхал о тяготах текущего бытия.

По всему было видно, что таксисту нужен собеседник. Но я устал за день и был совсем не склонен поддерживать разговор. Лишь вяло поддакивал, чтобы не обидеть человека полным своим равнодушием к его беспредметной болтовне.

— А голосовать за кого будем? — вдруг задает таксист вполне предметный для меня вопрос.

Знал бы он, что везет заместителя руководителя инициативной группы Владимира Некляева.

Я оживился:

— Да вот думаю еще. То ли за Санникова, то ли за Некляева...

Провокация удалась. Таксист принялся с энтузиазмом втолковывать мне, что Санников — человек, конечно, тоже неплохой, но голосовать лучше за Некляева. Мне очень интересно было послушать аргументы постороннего человека в пользу того, к чему я весь последний год приложил и некоторые свои усилия.

Посмеялись, когда пришло мне время «раскрыться». Я извинился за провокацию. Таксист все понял и не обиделся. А в заключение сказал следующее:

— Я спрашиваю всех своих пассажиров, и еще ни один не сказал мне, что будет голосовать за Лукашенко.

Лично я верю в достоверность таксистского «соцопроса». Действительно, люди, которые могут позволить себе ездить по Минску на такси, в большинстве своем не поддерживают нынешнюю власть. Те, кто занимался сбором

подписей за выдвижение кандидатов в президенты в нынешнюю избирательную кампанию, должно быть, уловили тенденцию: чем успешнее и богаче люди, тем сильнее среди них оппозиционные настроения; а лояльности к Лукашенко больше там, где люди бедные и забытые. Такой вот парадокс современного белорусского социума.

Впрочем, он объясним. Успешный человек (здесь я оставляю за скобками построивших свое благополучие на монопольном контроле финансовых потоков и «крышевании» придворного бизнеса) лучше образован, лучше информирован. В силу этого он понимает, что в случае политических и социально-экономических перемен в стране перед ним откроются совершенно новые возможности реализации своего потенциала. Напротив, нищего и забытого легче посадить на наркотик государственной пропаганды, легче сделать для него нормой мизерные социальные стандарты и при этом убедить, что живется в Беларуси неплохо. И он искренне боится перемен, страшится потерять это свое «неплохо». А вдруг станет хуже? А вдруг грянет война?

Нечто подобное Карл Маркс заметил во Франции 1851–1852 годов, когда анализировал, выражаясь современным политологическим языком, факторы электоральной поддержки бонапартизма. В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» он отмечал, что главной опорой наполеоновского племянника, когда тот стал душить молодую демократическую республику и разворачивать Францию назад — к «надежному» монархизму, стало реакционное крестьянство. Маркс, если не ошибаюсь, употребил более корректный термин: «консервативное крестьянство». То есть не то крестьянство, которое стремится вырваться из оков обыденности и застоя в пользу нового качества жизни и передовой агрокультуры, а то, которое

прочно связало свое будущее с патриархальностью и живот по принципу «лишь бы не было хуже».

Ну прямо как про современную Беларусь написано.

В период сбора подписей я это проверил экспериментальным путем. Выбрал день и с еще двумя сборщиками подписей сделал «выездной тур» по Минской области. Решили посетить небольшие города и населенные пункты, где активность избирательной кампании гораздо ниже среднестатистической.

Начали с Фаниполя. Выставили пикет на центральной улице. За час собрали около трех десятков подписей. Обстановка была, конечно, не такая, как в Минске, где надо сильно постараться, чтобы встретить на улице убежденного сторонника действующей власти. Но подходившие к нам эти сторонники количественно вполне уравновесились оппонентами властей.

Та же картина и примерно тот же результат по собранным подписям и в соседнем Дзержинске. Тут тоже дела у власти не ахти какие. По разговорам с подходившими к пикету людьми сложилось ощущение, что никак не набирается у Лукашенко больше половины голосов.

Отъезжаем, в общем-то, недалеко, но существенно в сторону от «цивилизации» — в Узду. С точки зрения избирательных технологий, нога человека здесь еще не ступала, даже за Лукашенко пикетов не было.

Ставим свой пикет у местного рыночка. Люди добрые! Я такого количества очарованных президентом на одном квадратном метре не видел с 1996 года! За час собрали за Некляева пять подписей, причем одним из подписантов оказалась молодая женщина из промышленного Молодечно, находившаяся здесь в командировке.

Как бы это поточнее описать Узду... Маленький городишко, через который проходит одна приличная асфальтированная дорога. У дороги стоит нелепо огромное для здешнего архитектурного ландшафта здание райисполкома. А по другую сторону компактно расположились домики местных жителей. Складывается впечатление, что из кабинета районного мэра каждого гражданина видно насквозь.

В отличие от Фаниполя и Дзержинска, железной дороги здесь нет, в Минск на работу ездить не получается. Следовательно — заработки существенно ниже, люди беднее, патриархальнее, ко всяким там спутниковым тарелкам и прочим интернетам непривычные.

Остановил проходившую мимо пикета молодую маму с колясочкой. Говорит, что живут они в Узде неплохо, другие кандидаты им не нужны, голосовать будут за Лукашенко. Пробовал ей рассказать, что не так уж и далеко, в той же Литве, например, с которой Беларусь еще 20 лет назад находилась на сопоставимом уровне социально-экономического развития, живут гораздо лучше.

— Нет, — отвечает. — Видела по телевизору, как там люди камни в парламент швыряли.

— Естественно, — говорю. — Там зарплата маленькая, всего 1000 евро, а им хочется, чтобы 2000 была. Вот и бузят у парламента. А вы сотней лукашенковских долларов довольны, и — «лишь бы не было войны»...

Через час практически бесполезного стояния решил изменить план и уехать за 70 километров в промышленный

Солигорск. Опять как в другую страну попали. Только начали разворачивать неклеяевский пикет, как тут же образовалась очередь из желающих подписаться. Постояли чуть больше часа. Результат — за полсотни подписей. Критики в адрес действующего президента насмотрелся-наслушался в бесконечном количестве вариантов.

Такой вот и у меня получился своеобразный соцопрос. Я понимаю: как и опрос таксистом своих пассажиров, мой некорректен с точки зрения социологической науки. Однако общую электоральную тенденцию не заметить трудно.

Она такова. Поддержка Лукашенко выше там, где проводимая им политика дала самые негативные результаты — в наиболее депрессивных регионах, среди наиболее обездоленных и забытых нынешней жизнью людей. Напротив, крупные промышленные центры, где проживают «продвинутые» по белорусским меркам люди, более склонны к поддержке альтернативных власти политических программ и кандидатов.

Такой расклад крайне плох для Лукашенко. В Минске живет каждый пятый гражданин Беларуси. В крупных городах и прилегающих к ним территориях — две трети населения. Они в большинстве своем проголосуют 19 декабря против действующей власти. И они составляют большую часть белорусского электората.

Власть понимает это и борется с этим по-своему. Государственная социология периодически обнародует данные официальных исследований, проводимых по заказу Администрации президента, согласно которым рейтинг Лукашенко составляет 65–70 процентов, а у его соперников по избирательной гонке — менее 1 процента у каждого.

С такими цифрами все понятно. Достаточно вспомнить вопиюще безлюдные лукашенковские пикеты в городах во время сбора подписей, чтобы отнестись к такой социологии не иначе, как с иронией.

Большого доверия вызывают другие данные. Они закрытые, но интернет уже демонстрирует утечку. Согласно этой информации, в октябре спецслужбами будто бы был проведен реальный замер электоральных настроений граждан. Рейтинг Лукашенко по стране — в пределах 35 процентов, в Минске — чуть за 20 процентов. И это очень похоже на правду. Это вполне совпадает со стихийными наблюдениями разговорчивого таксиста и нашими собственными ощущениями по результатам выездного пикета.

И что же получается?

За Лукашенко 19 декабря проголосует менее 40 процентов избирателей. Это много, но этого недостаточно для победы в первом туре.

Центризбирком объявит о 70–75 процентах. Это тоже понятно.

И интрига предстоящих выборов только в одном: как воспримут официально объявленный результат граждане, не голосовавшие за Лукашенко? Их будет большинство. Но почувствуют ли они себя большинством? И найдут ли в себе силы защищать свой выбор?

Я сейчас не знаю ответов на эти вопросы. Мы их узнаем в декабре.

Журналист — это звучит горько?



Янина
МЕЛЬНИКОВА

Вы никогда не задумывались, почему нас, журналистов, часто не любит аудитория, для которой мы работаем? Хотя, казалось бы, в наши дни на медиа разве что не молятся: утром, едва открыв глаза, вместо «Отче наш» современный человек включает радио, телевизор, просматривает любимые сайты в интернете.

А нас все равно не любят. И даже не жалуют...

Приходилось ли вам когда-нибудь искать в интернете афоризмы про журналистов? Печальное, надо сказать, чтиво. «Журналист — получатель гонорара за ловкий пересказ чужих мыслей». «Искусство журналиста: используя весь запас своего невежества, написать абсолютную ложь о неоспоримой истине». «Не иметь ни одной мысли и суметь ее выразить — вот как становишься журналистом». «Пресса полезна уже потому, что она учит нас не доверять прессе»...

Хотелось бы думать, что так считают лишь отдельные недалекие и за что-то обозленные на нашего брата люди. Хотелось бы, да не получится. Придется посмотреть правде в глаза и признаться самим себе: в недоверии и откровенном презрении к нам отчасти виноваты мы сами. При чем, судя по авторству найденных в интернете

афоризмов, самые крупные камни летят в сторону прессы с постсоветского пространства...

Отношение к нашему брату, надо сказать, нередко выливается во «взаимность». Пришлось недавно слышать от одного из коллег оценку собственной аудитории. Дескать, люди эти недалекие, в происходящем вокруг мало что понимают, так не будем же их смущать правдивой информацией о том, что делается в демократическом стане, дабы совсем не запутались бедняги.

Откровение прозвучало во время одного из заседаний пресс-клуба — такие встречи организует БАЖ в рамках кампании «За качественную журналистику». Говорили о работе журналистов в условиях выборов. Задача перед организаторами стояла не простая: не только дать старт широкой дискуссии в журналистском сообществе о стандартах профессиональной деятельности, но и поддержать попытки критически оценить состояние белорусской журналистики сегодня.

В условиях, когда власть не упускает случая для очередной болезненной шпильки в адрес независимых журналистов, подливать масла в огонь сродни мазохизму. Хотя первые встречи в Минске и Могилеве показали: тема стандартов качества работы журналистов задевает за живое и тех, кто обеими руками за чистоту профессии, и тех, кто считает высокий уровень журналистики вопросом



второстепенным. Мол, главное — добиться демократических изменений в стране всеми доступными способами и любой ценой. Даже если это чревато перевоплощением в пропагандистов от оппозиции.

«Мы рекламировали и будем рекламировать оппозицию на страницах своей газеты. Потому что критиковать ее есть кому. Это делают власти», — рефреном звучал аргумент, направленный на безусловную поддержку демократических кандидатов, участвующих в нынешней президентской избирательной кампании.

Впрочем, кого именно «рекламировать» в условиях, когда кандидатов не менее десятка, многие из коллег пока не определили. А потому — на всякий случай — либо придерживаются скупых цифр статистики, выжидая, когда придет момент истины, либо вовсе избегают темы выборов на страницах своих изданий. И речь, увы, не только о малотиражной прессе, которую нередко возглавляют местные политики — активисты и журналисты в одном лице (такие СМИ, скорее, можно отнести к партийным, нежели к общественно-политическим). Такая позиция и у некоторых более массовых изданий. Что ни говори, а плавание в отдельных от политиков лодках многие журналисты воспринимают как развод супругов — болезненный и бесперспективный.

Медиаэксперт Павлюк Быковский предлагает коллегам не ждать милостей от природы, а точнее — информационных поводов от политиков, а формировать повестку дня самостоятельно. Адресуя лидерам нынешней президентской кампании те наболевшие вопросы, которые действительно волнуют электорат. Аргумент прост — кто, если не мы, журналисты, обязаны по роду профессиональной деятельности служить обществу?

«Не просто идти на поводу у политиков, цель которых — максимально использовать СМИ для самопиара, не занимать реакционную позицию,

реагируя на каждый шаг кандидата, а самому формировать повестку дня, делая свое издание привлекательным для читателя», — советует журналистам Павлюк Быковский.

Впрочем, по его собственному признанию, в ответ коллеги часто кивают головой, почти соглашаются, но продолжают писать о выборах через призму календарного плана, подготовленного в штабах кандидатов. Косвенно это подтверждает и мониторинг освещения выборов в СМИ, который проводит БАЖ: независимые СМИ хоть и уделяют больше газетной площади и внимания избирательной кампании, но часто дальше констатации фактов и перечисления нескольких фамилий кандидатов идти не хотят. А если и уделяют больше внимания кому-то из претендентов, то ограничиваются дежурными либо «удобными» вопросами. Опять-таки, дабы не смущать умы читателей...

Председатель БАЖ Жанна Литвина видит в этом небезопасную практику, которая уже принесла свои неприятные плоды не только белорусской журналистике, но и обществу в целом.

«Пришло время, когда мы, журналисты, должны взять на себя ответственность за то, что за 16 лет так и не дали людям ответа на вопрос: «Кто, если не он?» — подчеркнула Жанна Литвина во время заседания пресс-клуба в Могилеве.

Ответственность вкупе с объективностью и сбалансированностью информации — вот основные звучавшие во время этих встреч рекомендации коллегам, освещающим выборы. Впрочем, выполнить эти рекомендации будет не просто.

«В этой предвыборной кампании отдельные штабы дают нам столько информационных поводов, что перекося в освещении деятельности того или иного кандидата просто неизбежен», — сетует журналист Радио «Свобода» Виталий Цыганков.

Его поддерживает главный редактор интернет-газеты «Салідарнасць» Александр Старикевич: «Признаться, прощаем демократическим политикам больше, чем должны были бы». Хотя, по признанию Александра, ситуация с освещением выборов в СМИ все же меняется к лучшему, ведь раньше и вовсе было «не принято критиковать «своих».

Найти оптимальную «формулу любви» в треугольнике журналист — политик — читатель в условиях белорусской действительности не просто. И даже если этот брак все же будет счастливым, на «свадьбе» все равно будут кричать: «Горько!» Это наш, если хотите, журналистский крест...

Главное — сохранить свои перья чистыми, потому что один из самых оптимистичных афоризмов, найденных мною в интернете, гласит: «Одно чистое журналистское перо двух острых стоит».



Во многих странах мира интернет стал неотъемлемой частью жизни граждан. Свое стремительное развитие Всемирная сеть начала в 90-е годы прошлого столетия. И за четыре года интернет собрал аудиторию в 50 миллионов пользователей. Телевидению для этого потребовалось 13 лет.



Леонид
МИХЕЙЧИКОВ

Кто и насколько доверяет интернету



Достаточно стремительно интернет развивается и в Беларуси. Каждый второй гражданин республики с той или иной периодичностью обращается к услугам Всемирной паутины. А среди детей и подростков, по крайней мере — городских, уже проблематично найти таких, которые бы не знали, что такое интернет.

Сотрудники социологического центра ООО «ЗЕРКАЛО-ИНФО» регулярно изучают общее отношение граждан Беларуси к «сети». В ходе общенационального опроса, проведенного в сентябре текущего года, горожанам и сельчанам было предложено ответить на вопрос: «Скажите, как часто Вы пользуетесь интернетом?» (рис. 1).

Выяснилось, что как минимум 50% опрошенных граждан пользуются услугами Всемирной паутины. 41% респондентов не пользуются «сетью», а 9% затруднились указать частоту своего обращения к интернету. То есть более половины взрослых жителей страны — поклонники Всемирной паутины. Причем как число пользователей «сети», так и интенсивность обращения к ее услугам в Беларуси ежегодно увеличивается.

Если в марте 2009 года 43% граждан пользовались интернетом, то в сентябре 2010 года — уже 50%. В марте прошлого года 18% респондентов ежедневно посещали «сеть», в этом году — уже 21%. Рост очевиден. И это только среди взрослых жителей страны.

Естественно, не все возрастные и социальные слои взрослых горожан и сельчан одинаково относятся к интернету. Среди ежедневных пользователей Всемирной паутины в Беларуси более половины — мужчины (52%), три четверти — люди от 18 до 40 лет (75%) и практически все — лица со средним и выше уровнем образования (96%). В профессиональном плане половину пользователей «сети» (54%) составляют: ИТР (9%) и работники творческих профессий (13%), предприниматели (9%) и студенты (19%).

Треть ежедневных посетителей интернета — жители белорусской столицы (32%), и чуть ли не каждый пятый проживает в Гомельской области (17%).

Среди граждан, которые никогда не пользуются услугами Всемирной паутины, 58% — люди 50 лет и старше. Практически каждый пятый — человек с базовым образованием (18%). И около половины — пенсионеры (40%) и работники сельского хозяйства (9%). Среди «индифферентных» к интернету заметно выделяются жители села (36%).

Одним из показателей отношения к Всемирной паутине является степень доверия к сведениям, получае-



Рис. 1. Частота обращений к интернету (один ответ, в %)

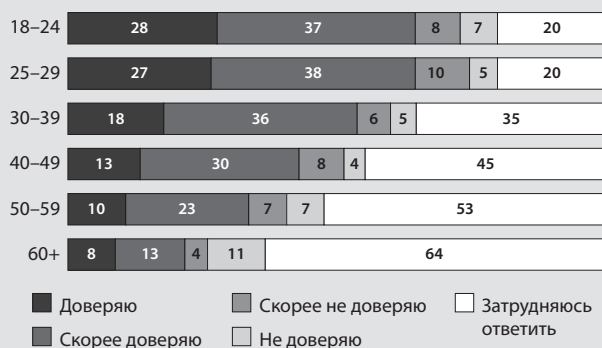


Рис. 2. Доверие интернету людей различных возрастных групп (один ответ, в %)

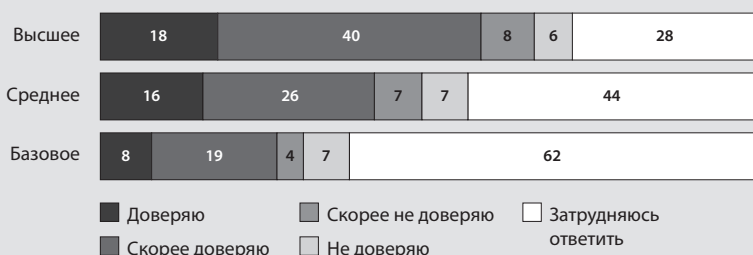


Рис. 3. Доверие интернету представителей различных образовательных групп (один ответ, в %)

мым из «сети». 44% респондентов отметили, что в той или иной мере доверяют сообщениям интернета (16% — полностью и 28% — «скорее доверяют, чем нет»). Практически столько же граждан (42%) затруднились ответить на вопрос: «В какой степени Вы доверяете интернету?» Только 14% горожан и сельчан не доверяют Всемирной паутине (7% «не доверяют» однозначно и 7% — отчасти).

Уровень доверия к интернету зависит от возраста респондентов (рис. 2). Более половины опрошенных граждан в возрасте до 40 лет в той или иной мере доверяют Всемирной паутине. Особенно — юноши и девушки 18–29 лет (65%). После 40 лет доверие к сообщениям «сети» снижается — до 21% в возрастной группе 60 лет и старше.

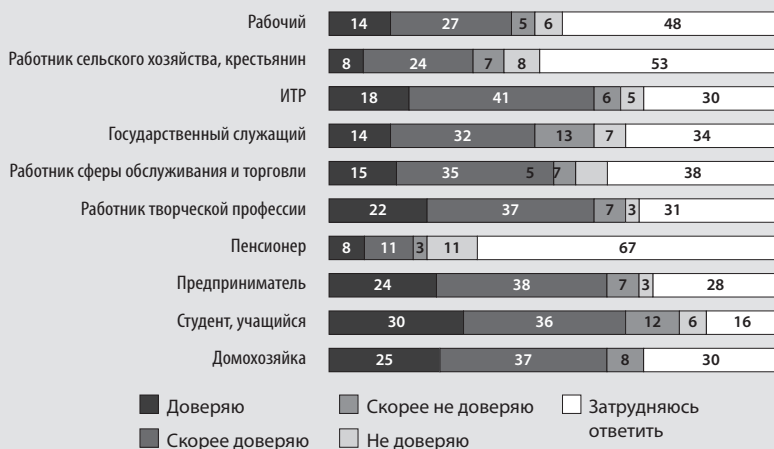


Рис. 4. Доверие интернету представителей различных профессий (один ответ, в %)

Степень доверия к сообщениям Всемирной паутины зависит также от образования граждан страны (рис. 3). Если среди лиц с высшим образованием интернету доверяют 58% респондентов, то среди лиц с базовым образованием — лишь четверть (27%).

Доверие к сведениям «сети» зависит и от социально-профессионального положения граждан страны (рис. 4). Больше всех Всемирной паутине доверяют студенты (66%). В той или иной мере информации интернета доверяют более половины предпринимателей и домохозяек (по 62%), ИТР и работников творческих профессий (по 59%).

Наименьшее количество лиц, доверяющих Всемирной паутине, среди пенсионеров (19%). Большинство пенсионеров (67%), однако, просто искренне затруднились оценить то, чего не знают.

Исследование показало, что, чем активнее граждане пользуются интернетом, тем больше они доверяют его сообщениям. Например, сведениям из Всемирной паутины доверяют 84% ее ежедневных пользователей. А среди обращающихся к услугам интернета несколько раз в месяц «сети» доверяют 66% респондентов, т. е. на 18% меньше.

Итак, развитие интернета — объективный, поступательный процесс. Количество его пользователей в Беларуси постоянно увеличивается и будет расти с каждым годом. Не только и не столько вследствие вступления в жизнь новых поколений людей, сколько в связи с перманентным замещением лиц старших возрастов молодежью, которая без интернета уже не представляет свое общественное бытие и профессиональную деятельность.

Можно прогнозировать и дальнейший рост доверия к сообщениям Всемирной паутины. Средняя школа готовит пользователей интернета, и довольно скоро общение с ним перестанет быть привилегией лиц с образованием выше среднего. Услугами «сети» будут пользоваться представители всех профессиональных и возрастных групп населения Беларуси.

Примечание:

Республиканский зондаж общественного мнения проведен 24 августа — 8 сентября 2010 года социологическим центром ООО «ЗЕРКАЛО-ИНФО». Метод опроса — интервьюирование-анкетирование жителей Беларуси 18 лет и старше. По пропорционально-квотной выборке опрошено около 1 500 респондентов. Контролируемые параметры: область проживания, тип населенного пункта, пол, возраст, образование. Ошибка репрезентативности около 1%.

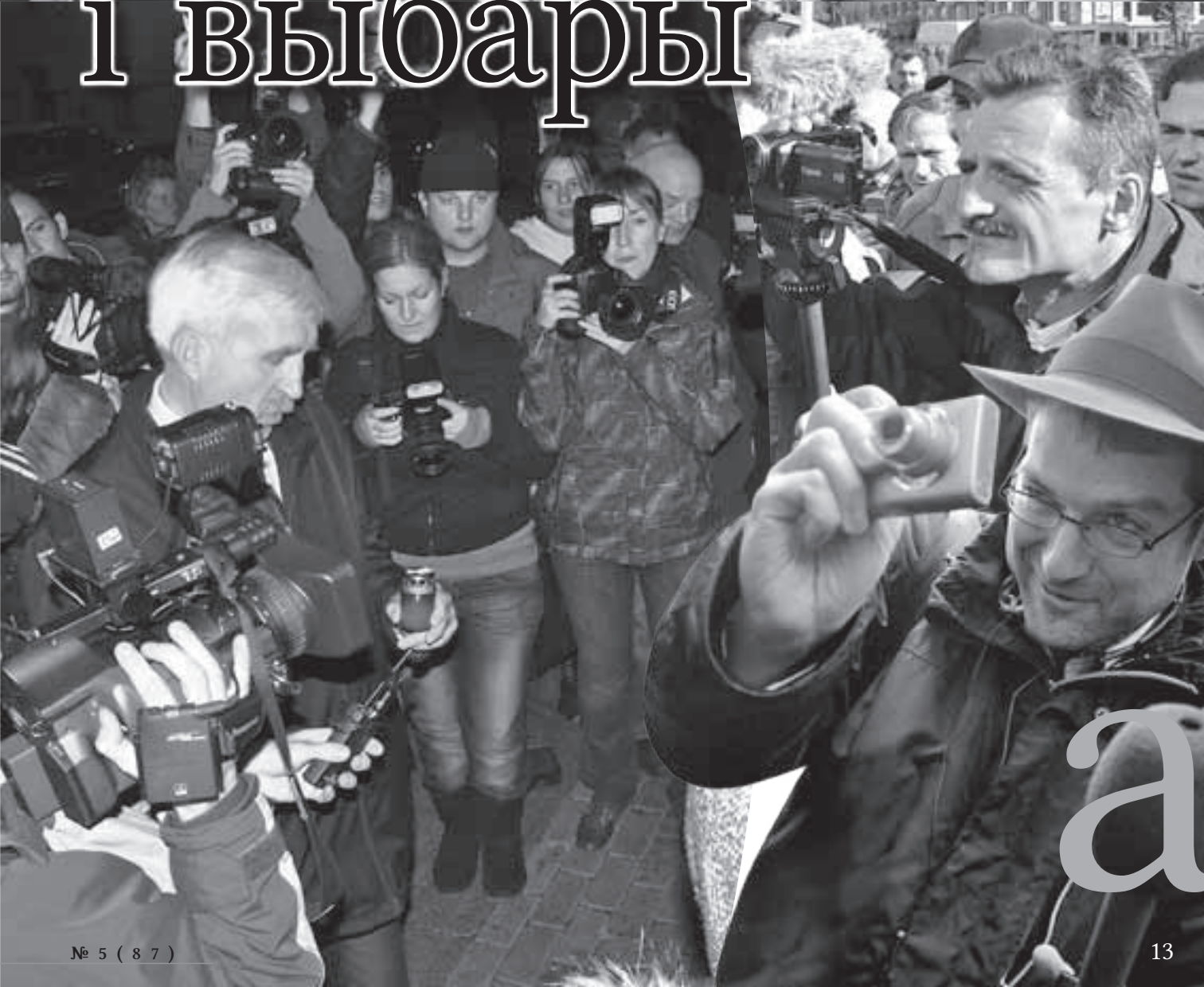


Рэпарцёры





і вибары



БРСМ в ПОМОЩЬ!

Константин
БЫХОВСКИЙ

В преддверии президентских выборов в Беларуси вновь обострилась дискуссия по вопросу, что делать с добром нашим. Держать при себе, продавать, кому продавать?

И, как это часто бывает при разнообразии высказываемых точек зрения, непримиримые политические противники сходятся в неприятии сторонников деятельного подхода к решению данной проблемы. Например, так было, когда Зенон Позняк в Верховном Совете в пылу дискуссии назвал необходимую для реформирования экономики приватизацию «прихватизацией». Дефиницию тут же подхватил депутат Александр Лукашенко, возглавив борьбу с «прихватизаторами», которая через несколько месяцев привела его на вершину власти.

Позняку же пришлось познать горечь изгнания, сторонников реформ просто затуркали, выставили на публичное осмеяние, а к «самым буйным» применили педагогические меры: им были определены вполне реальные наказания в виде лишения свободы.

Несколько лет назад «Молодой фронт» усилил очень молодых в то время политиков организовал у проходной МАЗа пикеты против алчных намерений российских олигархов заграбастать завод при корыстной (а как же!?) поддержке местных недобитых либералов-космополитов. Разумеется, если бы молодофронтовцы протестовали против контрактной системы, распространение которой на каждое рабочее место надежно держит в узде общественных активистов на предприятиях, их бы и близко не подпустили к заводу. А против «прихватизации» МАЗа пусть протестуют. Как говорится, БРСМ им в помощь!

На сей раз гневную отповедь вызвала экономическая программа Владимира Некляева, который заявил: «Российский капитал должен скупать здесь то, что и так, по существу, зависит от России. И что, по большому счету, кроме России никому не нужно!» Руководитель некляевского штаба Андрей Дмитриев уточнил, что «теперь капитал не имеет национальной принадлежности». А Светлана Наумова заявила, что российский капитал, который намеревается прийти в Беларусь, не обязательно будет олигархическим, поскольку за прошедшие годы в этой стране поднялась вторая волна предпринимательства, субъекты которой хотят вести дела «открыто и прозрачно».

Россияне будут вести дела прозрачно? Первым постарался опровергнуть эту нелепицу Андрей Дынько в «Нашей Ніве», указав, что Россия опустилась на последние позиции в рейтинге

коррупции. По этой и ряду других причин не-кляевская программа гораздо хуже лукашенковской, и ее осуществление привело бы белорусское общество к коррупции и социальной деградации.

Возможно, что и так. Но все дело в том, что некляевской программе не суждено быть реализованной. Случись такое, что поэт победит на выборах и станет президентом, действовать ему придется в реально существующих политических и экономических условиях. Эти условия позволяют осуществить множество самых дерзких проектов, но они напрочь исключают прожектерство как таковое. Они не располагают ни к тотальной распродаже, ни к тотальному запрету доступа в страну российского капитала. Господин Дмитриев прав, утверждая, что сегодня капитал не имеет национальности. Более того, он никогда не имел национальности и был категорией интернациональной. Даже олигархический российский капитал действует в Европе как наднациональная сила, которая руководствуется мотивами, отличными от соображений, доминирующих в Кремле или «Бандитском Петербурге».

Да, встречаются нарушители конвенции, но более подробно под настроение об этом может сказать Павел Бородин.

На самом деле в Некляеве поэт ощущается больше, чем политик. Любит резонанс, вспоминает, очевидно, о тех временах, когда поэты собирали стадионы и площади. Хотя это и не с ним было, а с другими — Евтушенко, Вознесенским. Но и Некляеву что-то перепало от восторгов жителей «самой читающей страны в мире». Вот он и взял быка за рога, схватил цепкими пальцами сочащееся «черным золотом» вымя белорусской «нефтянки». Нефтепроводы, требующие капитального ремонта, на который у Беларуси нет денег,



нефтеперегонные заводы, работающие на российском сырье, — и потому «если туда российские компании придут как собственники, то с ними проще будет решить вопросы, которые сегодня не решаются».

«Чего в этой позиции больше, цинизма или наивности?» — задается вопросом Андрей Дынько. Не исключено, что присутствуют и одно, и другое, но вместе с тем есть и здравый смысл. К сожалению, он напрочь отсутствует у оппонентов Некляева. Во-первых, программа последнего может быть осуществлена при условии исполнения всех многочисленных «если». Если Некляев победит, если его поддержат в правительстве, если не просаботируют чиновники, если программу подпишет парламент, если общество не заявит активный протест, если Некляев не разочаруется в своих экономических советниках. А главное условие — если российские компании согласятся все это покупать.

Дело в том, что некогда самая читающая страна в мире стала самой считающей. Хотя считать хорошо пока еще не научилась. В таких случаях помогает статистика, однако большинству она представляется скучной и невыразительной. Но ведь, рассуждая о качестве предмета, следует знать его финансовые характеристики. Иначе важность, значимость, цена, наконец, того или иного предприятия будут определяться не по состоянию его бухгалтерского баланса, а по количеству труб над котельной и цвету дыма над ними.

Чем чернее, тем дороже?

Если бы видимость совпадала с сущностью, не было бы необходимости в науке. А сущность такова. За восемь месяцев прошлого

(кризисного) года в торговле товарами Беларусь имела отрицательное сальдо в размере 4,65 млрд долларов, за аналогичный период нынешнего — более 5 млрд. То есть оживление промышленности привело к активизации внешней торговли, но одновременно усилился ее дисбаланс. Чтобы больше производить, нам надо больше покупать, но выручаем мы за продажу товаров меньше, чем тратим. Чем больше производим — тем большие в конечном счете получаются убытки.

То есть с экономической точки зрения народное хозяйство Беларуси представляет собой начало (вложение ресурсов), не имеющее конца (прибыли). Это живой труп в том смысле, что жизнь в нем все еще теплится, но ее поддержание с каждым годом стоит все дороже.

Такое может быть, когда речь идет о человеческой жизни (на самом деле бесценной — нравственно), но не о колхозах, фабриках и заводах. Пусть даже и нефтеперегонных.

Как сказано в отчете Белстата, «основным источником формирования отрицательного сальдо внешней торговли являются экспортно-импортные операции с промежуточными товарами (энергоносители, сырье, материалы и комплектующие)». В январе-августе 2010 года в Беларусь их ввезено на сумму 15.164,7 млн долларов, или на 16,5% больше, чем за соответствующий период прошлого года. Экспорт промежуточных товаров составил 9.758,9 млн долларов, что на 5,7% больше, чем в январе-августе 2009 года.

Величина отрицательного сальдо внешней торговли промежуточными товарами увеличилась с 3.781,9 млн долларов в январе-августе 2009 года до 5.405 млн долларов в январе-августе 2010 года.



То есть «дефицит массы» внешнеторговой прибыли увеличился на 1.623,9 млн долларов.

Обратим внимание: в структуру промежуточных товаров входят энергетические (собственно электрическая энергия, нефть и продукты ее переработки, газ, уголь и прочее). Их экспорт за восемь месяцев текущего года составил 3.776,2 млн долларов, а импорт — 6.872,1 млн. Таким образом, величина отрицательного сальдо в торговле энергетическими товарами достигла 3,096 млрд долларов (за восемь месяцев прошлого года оно было меньшим на 0,9 млрд долларов).

Подчеркнем: вся эта цифра взята с официального сайта Белстата. После ознакомления с ней возникает желание провести рейтинговое голосование на предмет того, какой вид бизнеса является самым прибыльным в Беларуси. И, если социологи окажутся честными, боюсь, им никто не поверит. Ведь окажется, что шансы быть безубыточными имеют только воровство или коррупция, с которой так успешно борется власть.

Но если жить не должно, а живет, то за счет чего? Именно побуждающая к таким вопросам цифра больше всего омрачает отношения между Россией и Беларусью. И, кстати, определяет точку зрения тамошних компаний на «фамильное серебро» белорусов. Она такая же, как и на собственное. Целых два десятилетия ушло у России на ликвидацию своих собственных фабрик и заводов, работавших «под себя» — на обеспечение занятости населения, социальных гарантий, регионального развития и прочих нужных вещей. Но слишком дорогой ценой.

Надо ли говорить, что покупать белорусскую промышленность россиянам нет никакого резона.

Белорусский трактор или автомобиль они всегда могут приобрести по выгодной для себя цене. К этому их обязывает положение монополиста на рынке сбыта белорусской продукции. Если кто покупает товары по цене, которую считает нужным предложить, он на самом деле является настоящим собственником предприятия, которое этот товар производит.

Лукашенко все это хорошо понимает (не одни же глупцы в его окружении), и потому легко обещает всем и каждому, что Беларусь он никогда не продаст. Если бы он указал на причину, то всем стало бы легко. Но от такой недоговоренности все начинают друг с другом ссориться. А Лукашенко быстро реагирует и советует людям внимательно присмотреться ко всем кандидатам в президенты. Мол, появился кандидат, который за год готов отдать России трубопроводные артерии, нефтеперерабатывающие заводы: «Когда я это читаю, мне страшно становится и обидно. Это наше достояние, как его отдать?! У кого ты спросил?»

Очевидно, что у Андрея Дынько не спрашивал. Как говорится, БРСМ ему в помощь.

« Мы прыходзім сюды зь цемры і вяртаемся ў цемру, а таму належыць берагчы ўсё дадзенае жыццём, якое ёсць адзіным узапраўду сьвятлом...»

Узыход да сваёй Сапраўднасці

У задуменым залатым садзе, пад ціхае шапаценне лістоты, што ахвярна прыпадае долу, я слухаю роздум чалавека, які, пэўна ж, лепей за мяне самую, куды танчэй адчувае прысутнасць вечнасці ў імгненні: жыве ён у вёсцы, каля самых каранёў і пад самаю кронаю схаванае існасці. Я пагаджаюся й квола аспрэчваю. Але далей мой субяседнік высноўвае: «Ніхто ня ведае, што там, за даляглядам нашых зямных лёсаў, — завершанне ці працяг. А мне падаецца, што стуль няма шляху. І я радуся дню, падоранаму тут. Адживу й знікну — чаго шкадаваць. Абы добры след і спамін па сабе пакінуць...»

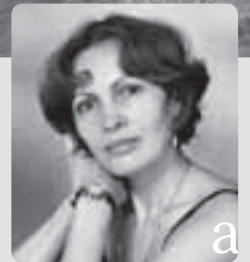
«Вось-вось, — ухапілася я, — пра след, аднак жа, турбуеся». Ці не азначае гэта, што ўсё-ткі вечныя мы й зьяўляемся ў сьвет не аднойчы, вандруем з жыцця ў жыццё, скідаючы целы-апанкі й сягаючы па сьмерці нейкіх іншых, тамных, краёў. Каб затым зноў недзе нарадзіцца на плянэце. Тады й паўстане зь нетраў памяці, ШТО ня гэтак на зямлі чыніў: адплочваць давядзецца, прапаўляць.

Відаць, усярэдзіне нас гэтае веданне жыткуче й выводзіць на думы пра след, пра годнасць, пра адказнасць. Бо, калі б знікалі назаўсёды, хто рупіўся б, ШТО і ЯК застанецца пасля нас: хоць трава не расці...

Прышла мне згадка пра тую сустрэчу й бяседу ў конадзень Дзядоў — старажытнага памінальнага сьвята. Здаецца, гэтак і жывём: хоць трава не расці. Адны, магчыма, сьпяшаючы чым больш пазнаць цягам адзінага непаўторнага жыцця. Іншыя — вызнаючы законы несмяротнасці: маўляў, усё пасьпею калі-небудзь. А трэція — ніколі не задумляючыся, скуль яны ды куды падзенуцца потым.

Дзівуюся, як удаецца нам, беларусам, глядзючы на скрыжаванні Захаду і Ўсходу, дзе сыходзяцца крывяносныя сасуды розных мэнтальнасцяў і культур, каторы ўжо век гібець у халадэчы нязьменнасці. Быццам эпохі й тысячагодзьдзі праходзяць паўз нас, абмінаючы гэты заварожаны край: анічога не зварушваецца на плыні нашае сьвядомасці, застыглай недзе ў пракаветных сховах ад сябе саміх.

Менавіта засьцярожлівае памкненне ўнікнуць свае сапраўднасці, адсланицца ад сябе, адрознага ад іншых, дзіўным чынам паслугавала нам аж дагэтуль захаваць нескранутымі шмат якія абрады й звычаі, даўно-прадаўна пазабываныя суседзьмі: мы іх трымаем у сусеках, шчыльна пазачыняўшы вечкі. Каб нікому й няўздогад было, што нешта



Антаніна ХАТЭНКА

маем за душою свайго, адметнага. Гэтак, у нашых каваных куфрах ляжыць сабе спачывае градыця, па якой зазвычай пазнаюць народы адзін другога. Затое ж ня зношваецца, не руйнуецца. І калі трэба, то і людзям пакажам, і самі ўдосталь налюбуюся. Потым зноў загорнем, зачынім — ды будзем спраўна засвойваць чужое, выдаючы яго за ўласнае.

Тым часам усё ў гэтым сьвеце рухаецца, зьменліва й зманліва, патрабуючы ад людзтва дараства да саміх сябе. І састарэлае, аджылае, як нам падаецца, раптам набывае іншы сэнс, выглядае сучасным і нават паратункавым. Якраз гэтак адбылося й зь Дзядамі. Хто й калі ў тым, прамінулым ужо, стагодзьдзі думаў, што з адрачэнскага забыцця, якое апанавала намі ў дарозе да сьветлае будучыні, бязь веры й бязь храмаў, выйдучь празрыстыя цені памерлых і расплюшчаць нам сасьлепленыя вочы, каб убачылася павязь — часоў і пакаленьняў, жыцця і сьмерці, дабра і ліха?..

А сталася так, што аднойчы, у 1988-м, з воньскага памінаньня роду мы распачалі хаду да сьведамленьня сябе народам: неяк надзвычай хутка дзядоўскі абрад прыжыўся ў хатах і зьяднаў у супольнасьць разгубленых у паняверцы, стомленых барацьбітоў за шчасьце чалавечтва. І аказалася, шчасьце зусім побач, сьвеціць табе з уласнае покуці, а ты прымружваеш вочы, адхіляючыся — ад продкаў, ад набыткаў, ад падмогі й моцы, што праменьць зь вякоў радаводнае дрэва.

Бо як ні шукай, а выходзіць на тое, што даражэйшага на зямлі нічога няма за свой дом, свой, прыцягальны праз усе адлегласьці, парог і людзей, зь якімі злучаны ў род. Празь якіх, напэўна, адно й маеш шанец не згубіцца ў сьцюдзёнай вечнасьці, але плыць у цёплай рацэ памяці. Заўжды, бясконца. Павяртална. Быць несьмяротным, знаходзіцца ўсярэдзіне бязмежнасьці, што прасьціраецца паўсюль і неадменна, абдымаючы цябе рукамі радзіны.

Кожнай істоце страшна быць адзінокай, непатрэбнай. І пакуль чалавек памятае сябе зьвяном у вянку, што змыкае пачатак і край, зьвершваючы распачын новага з утравелае глебы збытнага, датуль ён мае дзеля чаго жыць, здабываць, спасьцігаць. Простая, аж да сьмяхоўцы, формула. Ды, адрывушы яе, мы ператварыліся ў бадзьякаў, якія, маючы хату й агмень у ёй, не адольваюць ні абгрэцца, ні нажывіцца, ні каго парадаваць прыдбаным.

За нечый выбар ня памятаць і ня верыць дакорам глядзяць у нашыя сэрцы спустэленыя, парослыя бур'яном, сьсірацелыя могілкі, на якіх папрытульваліся цяпер бясхатнікі, абраўшы сьвет нежывых за лепшы, чым уладаваны стварэньнямі жывымі й разумнымі. Пагорбленапанявечана ўзіраюцца ў маўклівую пустэлю

бязьлюдзьдзя колісь гаманкія вясковыя хаты, у якіх даўно ніхто не жыве й да якіх раз-поразціха-спамінна падыходзіць, як да суразмоўцаў, каторая з удоў-мацярок, выбраўшы застацца спасярод гэтага кінутага ўскрайку зямлі, чым ехаць у родны, але іншамоўны, чужамысьлярны асяродак нашчадкаў.

Тут рыхтык і сутыкаецца наша ўсходняя сьвяздомасьць з эўрапейскаю, заходняю: усходні аскетызм не прызнае за першасьць цела, і могілак там няма, бо ў іх няма прысутнасьці Духу; заходняе ж грамадства даглядае апошні чалавечы прыстанак як магічную кропку судакрананьня сьветаў — папярэднікаў і наступнікаў. Але ж паўсюль па белым сьвеце род трымаецца першапачатку й зьберагае чыстымі ваканіцы дамоў, за якімі сьнавалася некалі паяднаньне пакаленьняў, празь часы перамог і згубаў, празь вякі набыткаў і ліхалецьці страт. Папроста праз усе крыжавыя дарогі зьмнога пабытаваньня.

Што ж з намі робіцца на сваім, угрэтым эрамі, грунце, сярод сваёй правечнае радзіны? Хто мы — з нашай містыкай дзядовае начы, калі Духаў чакаюць да найбагатшага ў годзе гасьціннага стала і ўсяляк ім дагаджаюць, гатуючы ўлюбёныя іхныя стравы, калі вычышчаюць-выбельваюць усю прастору дому й падворку насустрач Дзядам, якія маюць агледзець гаспадарку на захаваньне ўсталяваных традыцый? Як зрасьліся, укарэніліся ў нас магія памятливага белага колеру, што заклікае продкаў да родных станішчаў, і няўмельства дагледзець, упарадкаваць сваяцкі грудок ці памятаць айчынных мысьляроў і творцаў, каб мець апірышча й дараду?

Так ёсьць — мы не кранаемся сваіх вытокаў і ня надта дбаем пра сьвятарныя месцы СІЛЫ, яшчэ ня ўзьняўшыся да тае духовае вышыні, скуль умелі б гаварыць наўпрост з Духам, беручы веды зь Неба. Мы лянуемся нахінуцца да Зямлі, каб учуць ейнае дыханьне, нажыўленае энэргіяй продкаў. Вольнае поле нашай генэтычнай памяці зьнікавала маўчыць у разгубе перад інэрцыяй рухавага, ледзь ня мэтанакіраванага, цэнтрабежнага адцуранья. Бо мала каму з нас, этнічнае грамады, злучанай наймагутнай, зашыфраванай у ДНК, Ведаю, ахвота зь нейкае пары хоць нешта сатвараць сабе ў насалоду, як тое задумана недзе ў абсягах непазнанай, затое гэткай адчувальнай у штодзённых турботах Цэласьці. І як бы тая мудрая Цэласьць ні намагалася вывесці адчуваную ад яе заблудлую адзінку да цэнтрапамкнёнага руху ўтлыб існасьці, часьцінка-адзінка блукае сабе па неўразумелай крывой, прымыкаючы хоць да каго, абы не з сабою ў зладзе-згодзе. Абы не ў ахоўнай тканцы роду-народу...

А няўзнак нам, загнаным ажно да нямой пакры, застрашаным Курапатамі й дыпляматыч-



нымі пераследамі, зняважаным паўстаўненнем «велькага русскага языка» над «мужыцкай брыдкай» мовай, што гэта ж мы самі й ёсць тымі бязлітаснымі катамі, якія занеслі над уласнымі галавамі меч кары й паслухмяна перадаюць яго сынам-унукам. Хітры й лёгка прыстасавальны мутантны вірус адчужэння ад абярожнага энэргетычнага Цела разьядае цяпер ужо з самай сярэдзіны нацыянальны Дух. І якраз пакліканьне на паратунак вядзе да нашых выспаў беларушчыны, зрэдзьчасу зьяўляных у дрымучай тарабаршчыне падлававаньня пад хіжага суседа, міласэрных Дзядоў, упэўненых і дасюль, што як няма сьмерці індывіду, так і не настае ніколі сьмерць этнасу. А толькі згортваньне здараецца, пераўтварэньне — дзеля новае павароткі, новага ўздому на шляху вялікага Пазнаньня Сябе ў сьвеце і Сьвету ў сабе.

...А шлях перад Дзядамі высланы бела, празрыста, акрылена. Дык ці ня варта запаліць сьвечкі да першае зоркі ў дзядовую ноч, сабрацца супольна сям'ёю ды спамянуць усіх, чым скарбам, пакінутым нам у спадчыну, і сёньня карыстаемся, чыёю моцай сілкуемся ў далечы Быцьця? Ці ня

час прычасьціцца да рытуальнае куцці, чэраючы жменькай неадольную пераможнасьць зэрня-сутнасьці?

Сваёй думкай мы прыцягваем патрэбны нам, хай сабе й з найсуровымі ўрокамі ўсяленскага навучаньня, падзеі — гэты закон усюдысны. Дык няхай жа завітае ў хаты нашы, пад нашы маркотныя цяпер стрэхі, да нашых абрадавых блінцоў з грыбным квасам сьветлая надзея Сусьвету, у якім недзе сьцярожка чакае свайго сьпяленьня дабро, назьбіранае ў агульнакасьмічныя сховішчы нашымі Дзядамі — дбайцамі пра Род вечны, неўміручы, здатны да перамен і пераўвасабленьняў. Каб ствараць Бытнасьць наноў, чэпка трымаючыся тае ўсяўладнае й відушчае Ніты ДНК, што памятае, ведае й перадае ў прышласць інфармацыю нягаснай любові. На Зямлі й у Небе.

Бо ня цемра драпежная перад намі й за намі, але сьвятло, якое здольныя запаліць сёньня нашы сэрцы й нашы рукі, злучанья ў прасторы ў Адно. Сьвятло, якое заўсёды мае магуту прабіць наскрозь бяспомнасьць, каб узышлі мы да сябе Сапраўдных.



Даніна Вячаслава Дубінкі



Сяргей ВАГАНАЎ



На дзясяты жнівеньскі дзень сёлетняга спякотнага лета пайшоў з жыцця Вячаслаў Андрэевіч Дубінка. Пайшоў раптоўна, нечакана для жонкі і дачок, сваякоў і безлічы сяброў.

Мы сябравалі амаль паўстагоддзя, з таго часу напрыканцы 60-х гадоў, калі былы вясковы хлопчык са Случчыны працаваў фотарэпарцёрам «Звязды», а я засвойваў прафесію журналіста ў «Знаменцы». І зараз магу з упэўненасцю сцвярджаць, што мой сябра быў чалавекам і творцам, без якога немагчыма ўявіць сабе Беларусь. Не, вельмі сціплы ў побыце і наогул у жыцці, ён не быў так званым публічным чалавекам, яго шырокая вядомасць яшчэ наперадзе. Але Бацькаўшчына так моцна і шчыра віравала ў яго крыві, што ўсё зробленае ім можна назваць данінай роднай краіне. І даніна гэта вялікая. Складаецца яна з безлічы нарысаў, фотаздымкаў, аповесцяў, успамінаў, выдадзеных ім кніг іншых беларускіх пісьменнікаў, ці не тысяч аздобленых нацыянальнымі выяўленчымі матывамі розных вырабаў са скуры, гледзячы на якія цяжка правесці мяжу паміж рамяством і мастацтвам. Я не кажу ўжо пра выцінанкі — тут няма ніякай мяжы. Гэта сапраўднае мастацтва. І адраджэнне яго ў Беларусі менавіта Вячаслаў Дубінка...

Увогуле ён быў сапраўдным чалавекам працы, з вялікай літары Майстрам. Чым бы ён ні займаўся, усё ператваралася ў ягоных руках у нейкі чуд. А займаўся ён чымсьці штодня, кожную хвіліну. Нават калі вы з ім проста размаўлялі, было заўважна, як працуюць яго рукі, у заўсёды ветлівых, з добрай усмешкай вачах — няспынная думка...

Я напісаў у «Абазур» успамін толькі пра адзін з эпизодаў нашага са Славай сяброўства. Прапаную таксама пазнаёміцца, наколькі гэта магчыма на старонках часопіса, з разнастайнай яго творчасцю, з адной са шматлікіх насычаных добрым гумарам, любоўю да людзей і непаўторнай мовай карацелек — так Слава называў кароткія апаведы, якія пісаў усё жыццё. Дарэчы, зараз рыхтуецца да друку кніга ягоных карацелек.

У снежні яму б споўнілася 69 гадоў...

Дрэва над сховішчам

Працяг размовы і адной незавершанай працы

...не, не атрымліваецца ў мяне працягваць размову з табой па-руску. Не таму, што ты, як, мо, камусьці падавалася, пагардліва ставіўся да рускай мовы, прымушаючы суразмоўцу збянтэжана падпарадкоўвацца то разважлівай, то вірліва-ўсмешлівай плыні тваёй беларускай гаворкі. Не. Проста я чую твой голас, тваё, з падвышэннем на апошнім складзе, быццам ты хацеў упэўніцца, што цябе чуюць, «Прывітанне!». І згадваю, як мы аднойчы наладзіліся з табою паехаць у Польшчу, каб паўдзельнічаць у аўтамабільным ралі журналістаў Еўропы. Я ў якасці кіроўцы, ты — штурмана, а насамрэч — фоталетапісца нечаканай падзеі ў нашым жыцці...

Было тое ў 1989 годзе, у сонечным кастрычніку, на пачатку цёплага бабінага лета. Памятаеш, як на нейкай заводскай базе адпачынку пад Жэшувам, дзе збіраліся ўдзельнікі тых аматарскіх спаборніцтваў, мы сустрэлі нашых калег з маскоўскага часопіса «За рулем» і тальяцінскай шматтыражкі? З Тальяці хлопцы былі сціплыя і чулыя, адразу пачалі спачуваць, бо над намі нависла пагроза недапушчэння да спаборніцтваў праз тое, што я не захпіў з сабой шлемы.

Давай патлумачым чытачам: я ведаў пра тое, што трэба было мець шлемы, аднак пакінуў іх у Мінску. Па-першае, каб з імі нічога не здарылася — так неахвотна пазычылі іх знаёмья аўтагоншчыкі... А па-другое, ім увогуле не знайшлося месца ў «Волзе», дзе мы прыхавалі розныя бытавыя прылады, як ты казаў, *бехехі*. Па чутках, на рэчы хатняга ўжытку ў тагачаснай Польшчы быў вялікі попыт. Якое ралі?! Ні я, ні ты ніколі не былі аўтагоншчыкамі, аднак атрымаўшы прапанову Саюза журналістаў, са зразумелай ахвотай паехалі паглядзець на краіну, якая толькі-толькі выблыталася з камуністычнай няволі і рабіла першыя крокі на новым шляху. На паездку, зразумела, патрэбны былі грошы, а зарабіць іх можна было на продажы дробязяў. Так нам здавалася. Ведаючы пра твой недасягальны досвед вандроўніка, я тады спытаў у цябе, ці прадаваў ты хоць што калісьці такім чынам. Адказу я не пачуў, толькі нейкі ўсмешлівы гук, маўляў, не хвалойся, усё будзе файна... Пра тое, чым гэта

скончылася, трохі пазней. А пакуль згадаю (ты мусіш памятаць тую сцэну), як поўзаў па «Волзе» мытнік, пакуль я не тыцнуў яму ледзь не ў твар пасведчанне тады яшчэ ўсесаюзнай газеты «Труд». Непрыгожа, але што было рабіць?!

Дык вось: дасталі мы бутэльку «Белавежскай», шматок сала, цыбулю, яшчэ тое-сёе з пахам часова пакінутай радзімы, сядзім з тальяцінскімі хлопцамі, добра сядзім, чакаем, пакуль масквічы з'явіцца. З'явіліся апоўначы, маладыя, амбіцыйна вёрткія — і адразу ў камандзірскі тон: «Пачему без шлемов?» Высветлілася, што адзін з іх узначальвае так званую «команду СССР», у якую быццам уваходзім і мы. Вось тут ты і пачаў размаўляць з імі на роднай мове.

Тады падалося мне, што ёсць у гэтым нейкая непавага. «Навошта так?» — спытаўся я ў цябе, калі ўсе разышліся. Ты неяк сумна паглядзеў на мяне: «А хай не лічаць беларускую мову «плохой русской»...» І дадаў: «Што, табе падабалася, як яны з намі размаўляюць?» І то праўда: масквічы хуценька згрэбліся і без усялякіх добрых пажаданняў на ноч загадалі нам раніцай ехаць «в разведку» па першым этапе спаборніцтваў, а гэта 350 кіламетраў у адзін бок. Інакш, маўляў, не выдадуць камандзіровачныя і паведамаць пра нашы паводзіны кіраўніцтву ў Маскве. Як кіроўца, я адмовіўся. Бо заўтрашні дзень быў вольны, палякі абяцалі найцікавейшыя экскурсіі. Якая «разведка»? Ды і навошта...

— Вам что, не дорога честь команды?

— Не-а...

— Может, и честь страны не дорога?

— Не-а... Мы не спортсмены, проедем, как сможем...

Заўважу: ніякіх «команд» у тых спаборніцтвах не было, кожны змагаўся, ці проста руліў, як мог, сам за сябе. Прычым тут «честь страны»?

Я бачыў, як ты ледзь утрымліваўся ад рогату, калі слухаў гэты «дыялог». Мяне таксама душыў смех ад таго, як чырванее, нібыта грэбень у пеўня, твар «капітана каманды». Ды непатрэбны нам твае грошы, вунь, уся «Волга» будучымі «грашым» панапіхана...

І ўсё ж шчыра, аж да поўначы, хвалюваліся мы назаўтра, калі вярнуліся з экскурсіі, а масквічоў яшчэ не было. Ты памятаеш, як увайшлі яны з перавязанымі галовамі ў пакой, кульгаючы і падтрымліваючы адзін аднаго... А наступным днём з'ехалі паціху ў Маскву, хаваючыся ад ветру за прарэзаным, як у танку, лістом фанеры замест шкла. Шкада іх было. Але ж засталіся нам ад іх два шлемы...



Выцінанкі В. Дубінкі



Вось аб чым я думаю зараз, Слаўка, узгадваючы твая нязначныя, на першы погляд, падрабязнасці польскага сюжэту. Быў тое, паўтаруся, 1989 год, мы ўжо паспелі з табой пабываць у Вільні на Першым з'ездзе БНФ і адчуць на Дзяды мярзотны пах амапаўскай «чаромхі» ля Маскоўскіх могілак і на шляху ў Курапаты... Штуршкі нацыянальнай свядомасці ўжо ператвараліся ў тэктанічныя зрухі, і ты адчуваў іх лепей за мяне. Не таму, што быў актыўным, так бы мовіць, палітбайцом, ці мудрагелістым аналітыкам, ці, барані Божа, прарокам. Проста Беларусь жыла ў табе ад нараджэння, і ты не мог не адчуваць, як выпрастоўваецца яна з-пад імперскай навалы, як па-новаму, пад ціскам новай крыві, б'ецца яе сэрца. Яшчэ не было аніякіх вонкавых прыкмет таго, што праз якія два гады савецкая імперыя, якую ты ледзь не пешшу, з адным запlechнікам, прайшоў, як тады казалі, «от Буга до Курил», разваліцца, быццам картэчнае збудаванне. Але ты ўжо адчуваў набліжэнне развалу «команды СССР». Мо, дзякуючы таму, што гэты распад адбыўся спачатку ў свядомасці мноства людзей, абышлося без «югаслаўскай» крыві...

Тут, мусіць, трэба сказаць, чаму мы распавядаем чытачам менавіта пра польскую эпопею, хаця маглі б узгадаць яшчэ нямала цікавага. Ну, напрыклад, як наведвалі ў Лунінецкім раёне Івана Бушылу, мясцовага селяніна, які пасля вяртання з вайны больш за сорок гадоў хаваўся ў лесе ад супрацоўнікаў савецкага КДБ. Але ж ты ўжо пісаў пра гэта, друкаваў той успамін, і мне няма чаго дадаць. А вось пра ралі... Тут, дарагі дружа, я проста не магу не завершыць распачатую табой працу — твой (прабач, пазычу адну з тваіх карцелек) «мумуар».

Я доўга, амаль з паўгода, не мог уцяміць, навошта ты раз-пораз прапануеш нешта напісаць пра... мяне. Я ўжо чытаў у габрэйскай газеце «Авіў», з якой ты супрацоўнічаў у апошнія гады, твае нарысы-ўспаміны пра нашых калег, сяброў, пра часіны нашай маладосці. Гэтыя аповеды падабаліся мне, хаця я заўважаў некаторыя памылкі і недакладнасці. Ну, напрыклад, светлай памяці Алег Белавусаў ніколі не працаваў у «Знамени юности», а вядомы зараз маскоўскі кнігавыдавец Барыс Пастарнак не мог у 1963 годзе пасылаць табе з той жа «Знаменкі» ліст з запрашэннем супрацоўнічаць, бо яго тады ў газеце і блізка не было. Але ўсе гэтыя недарэчныя дробязі можна было дараваць табе за тое глыбокае адчуванне часу і абставін мінулага жыцця, якое таілася ў толькі табой захаваных падрабязнасцях і было аздоблена тваім непаўторным гумарам.

Я не ведаю, што мяне ўтрымлівала ад таго, каб пагадзіцца на тваю прапанову. Мабыць, недахоп часу. Мабыць, лягота. А хутчэй за ўсё, неразуменне таго, што нішто, як пелася калісьці ў вядомай песні, «не проходить бесследно», усё, нават

самае будзённае, мае свой сэнс, які з цягам часу, як пад павелічальным шклом, набывае глыбіню, шырыню і вышыню, адным словам, аб'ём. Не, гэта не той аб'ём, які ствараецца сёння з дапамогай лічбавых тэхналогій, — камусьці, магчыма, і падаецца, што тое можна зрабіць «тут і цяпер». Не, дзеля гэтага трэба пражыць жыццё, прычым так таленавіта, як пражыў яго ты. І толькі тады, як пісаў другі, дакладней, першы Барыс Пастарнак, атрымаецца «прывлечь к себе любовь пространства, услышать будущего зов...».

Як бы там ні было, ты ўсё ж выцягнуў мяне на першую размову і фатаграфаванне, бо ўсе твае нарысы-ўспаміны абавязкова павінны былі ілюстравацца фотартэрамі, на якія ты быў выдатным майстрам. Павесіўшы на шыю сваю, прабач, фотазбрую, ты скіраваў мяне ў старадаўні гарадскі сквер, што недалёка ад тваёй майстэрні па вуліцы Ленінградскай. Распытваючы пра мінулае, ты павёў мяне да старога, магутнага, у некалькі абхватаў, дрэва, здаецца, таполі, адышоў на які дзясятка метраў і, не спыняючы гаворкі, пачаў здымаць мяне з розных бакоў. Я ведаў, што ты любіш здымаць людзей на фоне старых дрэў, цябе прыцягвала іх спрадвечная памяць. Дзіўна, але тое дрэва вымахала, учапіўшыся за пагорак, пад якім і сёння месціцца яшчэ даваеннае бомбасховішча. Памятаеш, я расказаў табе, што падчас першых налётаў на Мінск у гэтым сховішчы хаваліся ад бомбаў мае сястра і маці, шосты месяц цяжарная мною. «Так?» — трохі здзіўлена перапытаў ты, працягваючы здымаць мяне на фоне таго дрэва. А я тады толькі пра адно думаў: за што ж трымаюцца яго карані?..

Мы дамовіліся сустрэцца праз тыдні два, калі, спадзяваліся, спадзе амаль невыносная сёлетняя спякота.



Вячаслаў Дубінка шмат здымаў падчас вандровак

Праз два тыдні ты быў ужо на нябёсах, сярод зорак Млечнага шляху, па якім доўжыцца зараз твая няспынная вандроўка...

А на Зямлі засталася тваё дрэва над сховішчам, якое трымаецца каранямі за ўсё пакуль затоенае ў нашай гісторыі і ў нашым жыцці.

Р. С. Але ж размова наша, як бачыш, не скончылася. Ад тваёй жонкі Тані я даведаўся, што ты ўжо пачаў пісаць той успамін. І вось яны ляжаць перада мной — тры з паловай, ад рукі, старонкі паметак і запісаў, з якіх бачна, што тая наша вандроўка ў Польшчу цікавіла цябе больш за ўсё. На жаль, друкаваць іх асобна не выпадае, наўрад ці гэта было б табе даспадобы. Вось я і вырашыў завершыць распачатую табою працу. І распавесці чытачам, як ірванулі мы з-пад Жэшува ў Кракаў да знаёмага, еўрапейскай вядомасці археолага Казіміра Гадлоўскага, бацька якога згінуў у Катыві. Як апынуліся мы на зладжанай ім вячэры ў гонар двух аўстрыйскіх калегаў і, седзячы ў пацёртых джынсах побач з імі і рэктарам Ягелонскага ўніверсітэта, апранутымі ў фракі, падмацоўваліся грэчневай кашай, закусвалі вогнепадобны крупнік, які Казік усё падліваў і падліваў нам пад круглым дубовым сталом... Як углядаліся мы ў посткамуністычную Польшчу, дзе ў крамах нічога не было, акрамя гумавых ботаў, а за тое, каб прыкурыць, трэба было аддаць 20 злотых, бо і запалак тады не было. Але ж высіліся над малымі гарадамі і скрыжаваннямі вясковых дарог новыя, фантастычнай архітэктуры, касцёлы, а ў вёсках пакрысе будаваліся сучасныя двух- ці трохпавярховыя дамы. Памятаеш, як абагналі мы на дарозе ржавы «Паланез», да якога былі прычэпленыя сялянскія, на гумавых колах, драбіны, даверху набітыя новенькай цэглай? А доўгія чэргі ля бензазаправак? Тут нам трохі пашанцавала, і мы здолелі, па-руску кажучы, «толкнуць» каністру паліва, нават не далі сябе абдурыць. А вось з *бэбехамі*... Памятаеш, як да самага цямна чакаў я цябе ў нейкім варшаўскім завулку і як не мог спыніць рогат, калі, нешта мармычучы, ты вярнуўся з кірмашу, так нічога і не прадаўшы? Высветлілася, што канкурэнты ўвогуле пагналі цябе адтуль, бо ты пачаў збіваць іх цану... У сваіх запісах ты таксама згадваеш гэты момант, нават тое, чым менавіта спрабаваў гандляваць: помпай для калодзежа і бульбадзёрам завода «Чырвоны барацьбіт». А я памятаю яшчэ пыласос і мытнік на мяжы, таго самага, якому два тыдні таму тыцкаў пасведчанне. І помсту ягоную помню — як задаволена круціў ён пальцам ля скроні...

Так, Слаўка, ледзь не забыўся: усё ж занялі мы з табой на тым ралі «Pi miejsce w klasie V», абставіўшы «Сааб», два «Мерседэсы» і адзін «Нісан». А іншых, акрамя яшчэ аднаго «Сааба» і нашай «Волгі», у тым «V klasie» і не было.

Абставілі, дарэчы, атрымаўшы ў якасці прыза чудаўны, неверагодна бліскучы, новенькі шлем...

3 канцэртам да маткі

Вячаслаў Дубінка

...За трыццаць гадоў працы таксоўшчыкам вялікі горад у сваёй тачцы я дакладна перавазіў. Жмурыкі, закідоншчыкі, фарцоўшчыкі, гулякі з шалёнымі грашмыма, дэванькі з кавалерамі. Трапляліся і тыя, хто фомкай шчыкатаў за каўнерыкам, — капейку яму гані. Таксіст, як і пажарнік, — рызыконт, нервы зношваюцца хутчэй за пакрышкі. У першыя гады з вахты ішоў, як п'янтос пасля пахмелкі, у рот ежа не лезла, рукі дрыжэлі.

Ды што я расплакаўся, не на рубель з дробнымі зарабляю. Паслухайце, што за кент мне патрапіўся, паўгода прайшло, а не забываецца.

Стаю на вакзале, кліента чакаю. Матораў збеглася, нібыта на прафсаюзную сходку. Гудзім, дым пускаем, жарты, анекдоты. Шыбуе да майго матора фраер з футаралам, пэўна, скрыпку заныкаў, ого, карміліца! Апануты фаргова, сівая барада, на галаве шапка — стаўбун, пад восень пахаладала. Пытаецца барадач, ці паганю на Слуцк, цана яго не калыша. Паказваю растапыраныя пальцы: паўсотні туды, столькі ж назад.

— Лады, газуем! — фраер у машыну, скрыпачку на калені.

Газую, люблю харошага кліента. Маўчым, мой пасажыр трывожна пазірае на дарогу, адчуваю: душа ў неспакоі, выгаварыцца трэба. Я кідаю яму кладачку:

— На канцэрт? — пытаюся. — Скрыпачка?

— На канцэрт, — згаджаецца ён, а ў голасе хваляванне. — Спазніўся, даўно спазніўся.

— Не бяды, пачакаюць, — бадзёра супакойваю барадача.

— Не, браток, спазніўся...

Я газую, маўчу, пачакаю, думаю, музыкант і сам раскажа. Не памыліўся...

— Я прыляцеў з Манрэаля, гэта чысты, багаты горад у Канадзе. А сам у Маскве працую, у сімфанічным аркестры пры Вялікім. Прыляцеў, а тут маці, спаць не магу, аж да слёз ручаінамі... Я ж некалі зблатнаваўся, цягаўся па свеце, ад турмы Сымон Васільевіч выратаваў, музыцы вучыў, у мяне ж адмеціна ад Бога, ягоныя словы! А маці не пачула мой першы сольнік, не давялося, не дакалася. Вось і еду пайграць матулі.

Каля могілак на вуліцы 14 Партызан спыніліся.

— Браток, пачакай, сёння ж мне гнаць у Маскву, а там зноў у Канаду.

Я не слюнявенькі хлапчук, але не стрымаў слязіну, слухаючы, як плакала скрыпка над магілай маці...



Про этику, голую правду и «камуфляж»



Татьяна ГУСЕВА

«Решая, публиковать новость или нет, журналист и его редакция не должны руководствоваться мыслью о том, кто может выиграть или пострадать от этой публикации, — гласит одна из заповедей журналистики от Эрика Фихтелиуса. — Определяющим фактором для принятия такого решения должны быть критерии достоверности и значимости новости для нашей аудитории».

С одной стороны, все правильно. Вот только на практике часто получается, что сугубо из этических соображений мы руководствуемся принципом: «Не навреди».

Журналистика — не сфера услуг

История первая. Если корреспонденты мировых агентств или республиканских изданий могут себе позволить не авторизовать текст, подготовленный для публикации, то их коллеги из региональных СМИ, отказавшись дать источнику информации статью на вычитку, могут навсегда потерять этот источник.

С минчанкой Дашей мы познакомились в маршрутке. Даша — из династии медиков. Ее папа — зубной техник, и сама она пришла в медицину не случайно.

Выпускница медуниверситета, которая проходит интернатуру в регионе, была удивлена, когда после окончания вуза ей пришлось забыть о том, чему ее учили. «Мы работали с современными материалами, использовали новые технологии, — рассказала Даша. — А в районной больнице я словно вернулась лет на двадцать назад. Мы работаем с цементами вместо фотополимеров. Во время учебы не было таких материалов и инструментов, поэтому мы спрашивали у седовласых врачей, как этим пользоваться».

Я решила продолжить разговор о проблемах бесплатной медицины. Вскоре мы встретились с Дашей и ее коллегами в неформальной

обстановке. Получилась отличная беседа, во время которой интерны откровенно рассказали о том, почему выпускники вузов уходят из медицины, как государство «заботится» о молодых специалистах. Расшифровывая диктофонную запись, я испытывала чувство эйфории. Интерны поднимали те проблемы, которые волнуют каждого.

— Я представляла, как стану спасать жизни, буду внимательной к каждому пациенту, — говорила в интервью будущий терапевт. — А на самом деле все оказалось далеко не так. Если ты будешь уделять внимание каждому, ты просто физически не успеешь всех осмотреть. Это меня больше всего угнетает. Нет времени подумать, потому что такой конвейер сумасшедший!

Рассказали интерны и о том, что фактически их содержат родители. В предоставленном общежитии нет нормальных бытовых условий, и поэтому приходится арендовать жилье. Вспоминали молодые врачи и своего однокурсника, которого распределили в деревню в Могилевской области. Руководство медучреждения предложило интерну поселиться в отдельной больничной палате...

Обещание дать почитать статью перед публикацией я сдержала. Но не могла и предположить, что пожалею об этом. Одна из героинь заявила: «Я не хочу «светиться» в этой статье. У меня возникнут проблемы с начальством». Другая посетовала, что в Беларуси у нее только вид на жительство и что ее могут депортировать за резкие высказывания. Даша предложила «кое-что изменить в тексте». Когда мы начали вносить правки, я поняла, что вместо актуального и проблемного материала вырисовывается сюжет для Белорусского телевидения. «Все, — решила я после правки очередного «резкого высказывания». — С меня достаточно!» Я заявила, что меняю в тексте имена собеседниц и место их работы. Как думаете, какой была реакция? «Если так, то можно оставить первоначальный вариант и даже сделать его пожестче».

Руководствуясь принципом «не навреди герою публикации», я оказала себе медвежью услугу. Мои собеседники, которые сетовали на то, что пациенты воспринимают врачей исключительно как обслуживающий персонал, точно так же отнеслись к моей профессии журналиста.

«Телезвезды», телешавки и журналисты

История вторая. 13 января. Деревня Семежево Копыльского района. На колядный обряд «Цари», внесенный в список объектов нематериальной культуры ЮНЕСКО, съехались десятки журналистов из печатных и онлайн-изданий, телевизионщики. Корреспондентов было больше, чем участников обряда и местных жителей, которые ходили по пятам за колядовщиками. Чтобы сделать

удачный кадр, снять интересную картинку, некоторые фотокоры и операторы в буквальном смысле расталкивали коллег локтями. Видеооператор одного из телеканалов, жестко заехав аппаратурой по голове моей коллеге, и не подумал извиниться. «Куда лезешь?» — прошипел он.

Участники обряда ходили по домам местных жителей. Журналисты снимали, расспрашивали бабушек, помнят ли они, как в их деревне колядовали раньше. Доверчивые старушки, польщенные вниманием телевидения, предавались радостным воспоминаниям. Но не тут-то было. Журналистка прерывала их на полуслове: «Спасибо, мы уже все сняли». Разворачивалась и направлялась к следующему дому. Вдруг там картинка поинтереснее, и бабуля не такая словоохотливая? Моя коллега из Сморгони Светлана Станкевич была потрясена методами работы телевизионщиков. Помню, как она подошла к семежевской долгожительнице и продолжила беседу, начатую «телезвездой». Видели бы вы, как осветилось лицо этой бабушки! Мы со Светланой потом обсуждали эту ситуацию и пришли к выводу, что никогда наши собеседники не должны чувствовать, что их просто используют. Для той молодой особы, которая готовила новость о колядном обряде, люди — всего лишь отработанный материал.

Если душа не болит...

История третья. Новости, как известно, рассказывают о людях. О тех, кто стал участником каких-то событий, или о тех, кого эти события затрагивают. У каждого из нас, журналистов, свое представление о том, что этично, а что нет. Рассказывая о происшествии, унесшем человеческие жизни, журналист обращается к очевидцам, официальным источникам и родственникам жертв.

Летом прошлого года произошла утечка аммиака на Слуцком мясокомбинате, пострадали люди. Мой коллега делал репортаж для сайта, а на следующий день позвонила врач со станции скорой помощи и рассказала о том, как до приезда МЧС сотрудник предприятия вынес женщину из цеха, где концентрация аммиака превышала норму в сотни раз. Я приехала в больницу, но разговор с героем не получился. Парень еще не оправился от шока. Ему тяжело было вспоминать события того дня, и он не мог общаться. Сказать, что я чувствовала себя неудобно, — ничего не сказать. Человек оказался в эпицентре трагедии, а тут я со своими вопросами...

...Недавно смотрела документальный фильм, где журналист во время уличной акции подходит к сыну похищенного 10 лет назад телеоператора Дмитрия Завадского — тогда еще совсем ребенку — и спрашивает: «Где твой папа?» Юра плачет. Вы вот как считаете, этично поступил

журналист, задавший такой вопрос? Лично меня это резануло. По-моему, верх цинизма — доводить ребенка до слез, чтобы получить картинку для ТВ.

«Когда журналисту приходится идти в семью, где погиб ребенок, близкий человек, мы можем предположить, что первой реакцией родных будет: «Сволочь! Пошел вон!», — рассуждает Евгений Волошин, заведующий отделом расследований газеты «Звезда». — На самом деле это неправда».

В практике Жени было несколько подобных историй. Работая в «Комсомолке», Волошин получил задание сделать материал о гибели рабочего на строительстве Национальной библиотеки. Девятнадцатилетний парень погиб из-за грубейшего нарушения правил техники безопасности. Сведения о погибшем скрывались.

«Чтобы узнать его имя, я переделался рабочим и проник на стройку, — вспоминает Женья. — Потом я встретился с семьей погибшего. Я объяснил его матери, что мне не нужна сенсация. Сказал, что меня возмутила эта страшная история, которая произошла с ее сыном, и спросил, кто, по ее мнению, виноват в том, что случилось. Она хотела выговориться. Между нами установился доверительный контакт, и мы общались и после публикации».

Бывали и другие случаи, когда родственники погибших не хотели общаться с журналистом. В этом году в Рогачеве милиционер застрелил девушку. Через несколько дней после того, как вышли первые материалы об этом случае, я решил, что поеду туда, чтобы узнать всю правду и поговорить со свидетелями. Сестра погибшей девушки восприняла меня в штыки. До меня у нее побывали журналисты другого издания, которые, по ее словам, не исполнили своих обязательств. «Вы можете мне не доверять, и я не могу на вас давить, — обратился я к ней. — Я вам очень сочувствую и хочу написать правду. Обещаю, что не обману. Я пойму, если вы не пожелаете говорить. Простите, что потревожил вас в тяжелую минуту. Если вы передумаете — позвоните». Она перезвонила и предложила приехать. Это был нелегкий разговор...»

По мнению Евгения Волошина, в такой ситуации важно, чтобы журналист не терял человеческую сущность, сочувствовал своим собеседникам. «Я знаю журналистов-циников, которым плевать на людей. Они хотят написать материал, за который получают гонорар, и удовлетворить свои амбиции».

В нашей работе самое главное — не обмануть. Потому что есть вещи, масштаб которых ты сможешь понять и осознать только тогда, когда у тебя душа за это болит».

Ты уверен, что это твое?

Моя коллега Ася Дорофеева, журналист электронной газеты «Ежедневник», когда разговор зашел об этике, вспомнила эпизод из книги Чака Паланика «Колыбельная».

«Перед тем как ты получаешь диплом журналиста, тебе предлагают такое задание: представь, что ты репортер. Работаете в ежедневной газете в каком-нибудь большом городе. И вот, в канун Рождества, редактор тебе говорит, что нужно сделать заметку».

Несчастный случай со смертельным исходом.

Ты приезжаешь на место... В квартире, под новогодней елкой, рыдают молодые родители. Их малыш подавился елочной игрушкой, задохнулся и умер. Ты записываешь все детали, имя ребенка, возраст и все такое и мчишься обратно в редакцию — время близится к полуночи, — чтобы успеть написать экстренную заметку в утренний выпуск. Ты приносишь заметку редактору, и он говорит, что статья не пойдет, потому что ты не указал, какого цвета была игрушка. Красная или зеленая? Посмотреть было нельзя, а спросить ты как-то не подумал. Статья прямо просится на первую полосу, и у тебя есть выбор. Позвонить родителям и спросить. Или же не звонить и потерять работу».

Герой Паланика стал репортером ежедневной газеты и долго не мог понять, для чего было это задание: «Гипотетическая ситуация на выпускном по этике. Этот вопрос задают в конце курса по журналистике именно потому, что тогда уже поздно его задавать. Ты уже заплатил за обучение. Только годы спустя я понял, что нас спрашивали о другом: ты уверен, что это действительно именно то, чем тебе хочется заниматься в жизни?»



Рамяство без ідэалогіі



Хрысціна МАРЧУК

Калі ў мяне запытваюцца пра адукацыю, заўжды адказваю, што ў мяне іх дзве: акадэмічная і нефармальная. Першая – філалагічны факультэт дзяржаўнага ўніверсітэта. Другая – «Школа маладога журналіста» (ШМЖ). І справа не толькі ў тым, што менавіта тут я навучылася рамяству, якім зарабляю на жыццё. За тры гады працы кардынатарам «Школы» я зразумела, што спалучэнне ў навучальным працэсе пэўных метадаў дае шанц маладым людзям у нашым зменлівым жыцці стаць псіхалагічна гнуткімі і свядомымі: самастойна будаваць кар’еру, крытычна ацэньваць сваю дзейнасць, талерантна ставіцца да розных меркаванняў і асобаў, зусім непадобных да цябе.

Спадзяюся, што досвед, які мы назапасілі за 13 гадоў рэалізацыі праекта, прыдасца тым, хто сёння пры рэдакцыях арганізуе навучанне для сваіх карэспандэнтаў-пачаткоўцаў.

Праект «Школа маладога журналіста» працуе ў выглядзе 7-месячнага курса нефармальнага навучання для гродзенцаў ва ўзросце ад 16 да 25 гадоў. Першапачатковай ідэяй асветніцкага праекта была падрыхтоўка карэспандэнтаў для мясцовых і рэспубліканскіх СМІ. Аднак арганізатары хутка заўважылі, што навучанне ў ШМЖ не толькі дапамагае маладым людзям авалодаць асновамі прафесіі, але і развівае іх грамадзянскія кампетэнцыі. Многія выпускнікі ШМЖ паспяхова рэалізавалі сябе ў якасці актывістаў і валанцёраў недзяржаўных грамадскіх і палітычных арганізацый. Такім чынам, «Школа маладога журналіста» выконвае яшчэ адну вельмі важную функцыю: развівае грамадзянскую актывнасць і далучае маладзёнаў да ўдзелу ў жыцці грамадства.

Дарэчы, гэта вынікае з місіі самога аб’яднання «Цэнтр «Трэці Сектар»: *«...развіццё на аснове нацыянальных каштоўнасцей грамадзянскай актывнасці сярод розных слаёў насельніцтва шляхам інфармацыйнай і адукацыйна-асветніцкай падтрымкі дэмакратычных грамадскіх ініцыятываў».*



Інтэрактыўныя метады навучання

Большасць школ і ўніверсітэтаў практыкуе аднабаковую мадэль камунікацыі, дзе роля выкладчыка — даць гатовую інфармацыю, а вучняў — яе засвоіць. У ШМЖ культывуецца мадэль шматбаковай камунікацыі. Заняткі вядуць журналісты-практыкі і трэнеры. Стасункі праходзяць у форме свабоднай гутаркі. Як правіла, эксперт не настроены чытаць гадзінную лекцыю. Выніковаць такіх заняткаў шмат у чым залежыць ад актывнасці самога ўдзельніка: наколькі ты зацікаўлены тут і цяпер даведацца як мага больш сакрэтаў прафесійнага майстэрства ад дасведчанага калегі. Навучэнцы ШМЖ ведаюць, што варта загадзя пацікавіцца біяграфіяй запрошанага журналіста, пачытаць яго артыкулы і падрыхтавацца да сустрэчы.

Трэнер стварае пазітыўную атмасферу ў групе і стымулюе актывнасць удзельнікаў. З дапамогай адмысловых інструментаў і практыкаванняў ён прапануе новае і, разам з тым, дае навучэнцам магчымасць абмяняцца досведам, які яны ўжо набылі. Абавязковыя складнікі кожнага трэнінгу — рэфлексія і падвядзенне вынікаў.

Свабода ў выбары тэм публікацый

Важная частка навучання ў ШМЖ — практыка. Без напісання ўласных артыкулаў і падрыхтоўкі радыё- і відэасюжэтаў немагчыма ўбачыць прафесійны рост курсантаў. Цягам некалькіх гадоў навучэнцаў ШМЖ ахвотна прымалі на практыку рэдакцыі гродзенскіх газет «Пагоня» і

«Биржа Інфармацыі». Пасля іх закрыцця сябры «Цэнтра «Трэці Сектар» стварылі сваю «медыйную пляцоўку» — онлайн-газету (t-styl.info) і онлайн-радыё (tstyl.fm) «Твой Стыль».

Маладыя людзі самі выбіраюць тэмы публікацый, крыніцы інфармацыі і фармат яе падачы. Рэдактары ацэньваюць прафесійны ўзровень матэрыялаў з улікам журналісцкай этыкі.

Дэлегаванне адказнасці

З самага першага занятку арганізатары робяць акцэнт на тое, што плённасць навучання ў ШМЖ залежыць ад саміх удзельнікаў. Курсанты самі ладзяць нефармальныя гасцёўні, запрашаюць цікавых людзей, ездзяць на экскурсіі і наведваюць рэдакцыі СМІ. Арганізатары толькі ствараюць умовы для гэтага (арандуюць памяшканне, замаўляюць транспарт і г. д.).

Двойчы (у сярэдзіне і канцы праекта) мы праводзім апытанне ўдзельнікаў. У анкетах абавязкова ёсць пытанні: «Што ты лічыш паспяховым у ШМЖ?», «Што можна было б палепшыць?», «Як ты ацэньваеш работу каардынатара?», «Як ты ацэньваеш работу трэнераў і экспертаў?» Некаторыя ідэі навучэнцаў мы паспяхова выкарыстоўваем ужо некалькі гадоў (напрыклад, падзел на радыё- і газетную рэдакцыі).

Аналіз уласнай работы і яе параўнанне з досведам калег

З нядаўняга часу мы практыкуем функцыю так званага «дзжурнага назіральніка». Штотыдзень на планёрках курсанты не толькі вызначаюць тэмы будучых матэрыялаў, але і абмяркоўваюць артыкулы і перадачы, што выйшлі на тыдні. Навучэнцы



ведаюць, што ім да планёркі трэба прачытаць / паслухаць гэтыя публікацыі, паглядзець, як распавялі пра гэтую ж падзею ў іншых СМІ і падрыхтаваць свае водгукі і рэкамендацыі аўтару.

Апрача гэтага істотная вартасць праекта «Школа маладога журналіста» — павага да роднай мовы. Сябры аб'яднання «Цэнтр «Трэці Сектар» карыстаюцца пераважна ёю. Па-беларуску праводзяць заняткі большасць трэнераў і экспертаў. На роднай мове выходзяць газета і радыё «Твой Стыль».

Як вызначыць, ці дасягнулі мэты

Развіццё грамадзянскай актыўнасці — гэта задача, выканання якой цяжка дамагчыся ўсяго за 7 месяцаў працы ШМЖ. Для нас паказчыкамі паспяховасці ў першую чаргу служаць: колькасць і актуальнасць публікацый, падрыхтаваных курсантамі, іх актыўнасць у стварэнні навучальных газет, удзел у іншых праектах арганізацыі. Штогод у выніковых анкетах мы чытаем пра тое, што хтосьці дзякуючы ШМЖ зразумеў розніцу паміж «афіцыйнай» адукацыяй і «жывой», хтосьці па-іншаму пачаў уяўляць жыццё свайго горада, хтосьці навучыўся лепш планаваць свой час і наладжваць камунікацыю з людзьмі.

Але галоўнае тое, што нашы выпускнікі навучыліся глядзець на духоўныя, культурныя і сацыяльна-эканамічныя праблемы краіны без ідэалагічных шораў.

Аляксандр
ГУЖАЛОЎСКІ

І. Таталітарызм Журналістыка

Палітычны
кантроль
перыядычнага
друку ў БССР
у 1920–30-я гады

На працягу стагоддзяў перыядычны друк быў галоўным складнікам сусветнай сістэмы камунікацый. Газеты і часопісы сталі крыніцамі, якія спрыялі фарміраванню грамадскай свядомасці, станаўленню дзяржаўнасці, развіццю мовы, літаратуры, мастацтва.

Свабода слова (друку) абвешчалася ва ўсіх партыйных праграмах і канстытуцыях СССР і лічылася адным з галоўных дасягненняў сацыялістычнай дэмакратыі. Увага камуністычнай партыі да развіцця і эфектыўнай дзейнасці друку была бесперапыннай. Паводле расійскага даследчыка Б. І. Варэцкага, за 70 гадоў існавання савецкай улады выйшла 130 пастаноў ЦК партыі па перыядычным друку.

1920–30-я гг. у гісторыі савецкага перыядычнага друку займаюць вызначальнае месца. НЭП, нацыянальнае будаўніцтва, індустрыялізацыя, калектывізацыя, культурная рэвалюцыя, палітычныя працэсы, культ асобы Сталіна — усё гэта, як у люстэрку, увасобілася ў газетных і часопісных публікацыях. Адначасова яны сфармавалі прынцыпы савецкага перыядычнага друку на некалькі дзесяцігоддзяў наперад.

Цэнзура — гэта толькі частка вялікай і поўнай драматызму тэмы — журналістыка ва ўмовах таталітарызму.

Падмурак ва ўзаемадачыненні паміж уладай і СМІ ў СССР заклаў «Дэкрэт аб друку» ад 26 кастрычніка (9 лістапада) 1917 г., які выклікаў шквал пратэстаў нават з боку прадстаўнікоў сацыялістычнага друку. Па задуме аўтараў дэкрэта выкладзеныя ў ім жорсткія меры ў дачыненні да іншадумцаў павінны былі быць часовымі. Але ўжо ў сакавіку 1919 г. VIII з'езд РКП(б) у рэзалюцыі «Аб партыйным і савецкім друку» канстатаваў: «...прэса з'яўляецца магутнай зброяй прапаганды, агітацыі і арганізацыі, незаменным сродкам уздзеяння на самыя шырокія масы». Упершыню быў вызначаны асноўны метада кіраўніцтва савецкай прэсай: «...партыйныя камітэты павінны даваць рэдакцыям агульныя палітычныя дырэктывы і ўказанні і сачыць за выкананнем дырэктыў». Усе рэдакцыі партыйных і савецкіх газет трэба было тэрмінова ўмацаваць дасведчанымі партыйнымі работнікамі, якія «абавязаны фактычна весці работу ў газеце».

На XI і XII з'ездах РКП(б) таксама актыўна абмяркоўваліся становішча і задачы прэсы, у т. л. пытанні дыферэнцыяцыі друку ў мэтах найлепшага абслугоўвання разнастайных груп чытачоў, з'яўленне руху рабочых і сялянскіх

карэспандэнтаў, фабрычна-заводскіх і насценных газет. Распрацоўку «генеральнага» курсу развіцця тагачасных газет і часопісаў завяршыла рэзалюцыя XIII з'езда РКП(б) «Аб друку», дзе пералічваліся тыпы выданняў, якія павінны былі ўтварыць адзіную сістэму друку краіны. Гаворка ішла пра ўмацаванне сялянскага, вайсковага, маладзёвага, жаночага друку, пераход прэсы рэспублік на нацыянальныя мовы, фінансаванне СМІ, падрыхтоўку журналісцкіх кадраў.

Аднак у ніводным з дакументаў вы не знойдзеце нават згадкі пра цэнзуру. Слова «цэнзура» было табуявана, адпаведнае ж ведамства хавалася пад мала каму зразумелым найменнем «Галоўліт», а цэнзары, якія працавалі ў перыядычных выданнях, называлі сябе палітрэдактарамі.

У першыя гады савецкай улады папярэдняй цэнзуры ўвогуле не існавала: дарэвалюцыйныя газеты і часопісы наўпрост закрывалі з прычыны іх контррэвалюцыйнасці. Сітуацыя змянілася пасля стварэння ў 1922 г. Галоўнага ўпраўлення па справах літаратуры і выдавецтваў (Галоўліт). У яго задачы ўваходзіла не дапускаць у друк антысавецкія, дзяржаўных тайнаў і парнаграфіі, што азначала ўвядзенне папярэдняй цэнзуры. З 1927 г. у цыркулярах Галоўліта сустракаецца фраза: «Галоўліт паведамляе, што ўсялякае парушэнне выкліча прыцягненне да адказнасці па судзе па арт. 58-10 КК РСФСР». А з 1933 г. Галоўліту надалі правы Упаўнаважанага СНК СССР па ахове ваенных і дзяржаўных тайнаў у друку.

Пасля ліквідацыі «буржуазнай» прэсы і іншых апазіцыйных выданняў («Сацыяліст-рэвалюцыянер», «Мінскае жыццё», «Мінскі веснік») у БССР пачаўся працэс стварэння савецкай журналістыкі. У ліпені 1917 г. у Мінску пачала выходзіць першая ў Беларусі легальная масавая большавіцкая газета «Звязда» (орган ЦК КП(б)Б). З 1920 г. выходзіць газета «Савецкая Беларусь» (орган ЦВК БССР), з 1921 г. — «Беларуская вёска» (орган ЦК КП(б)Б) і «Чырвоная змена» (орган ЦК ЛКСМБ), з 1927 г. — «Рабочы» (орган ЦК КП(б)Б), шэраг цэнтральных газет на мовах нацыянальных меншасцей. З 1917 г. у Віцебску пачынаецца выданне газеты «Зара Захаду» (орган Віцебскага абласнога і гарадскога камітэтаў КП(б)Б і гарадскога савета народных дэпутатаў), а ў Гомелі — «Палескай праўды» (орган Гомельскага абласнога і гарадскога камітэтаў КП(б)Б, гарадскога і абласнога савета народных дэпутатаў). З 1918 г. у Магілёве выходзіць «Саха і молат» (орган Магілёўскага абласнога і гарадскога камітэтаў КП(б)Б, гарадскога і абласнога савета народных дэпутатаў).

У 1920 г. Наркамсветы БССР пачынае выпускаць літаратурна-мастацкі і навуковы часопіс «Вольны сцяг», у 1922 г. кааператыўнае выдавецтва «Савецкая Беларусь» — літаратурна-мастацкі і грамадска-палітычны часопіс

«Польмя», у 1923 г. ЦК ЛКСМБ — часопіс «Маладняк», у 1925 г. Цэнтральнае бюро крэйзнаўства — часопіс «Наш край», у 1927 г. літаратурна-мастацкае аб'яднанне «Узвышша» — аднайменны часопіс. У 1921 г. у Мінску выдавалася 13 газет і часопісаў на чатырох мовах агульным накладам 66,5 тыс. асобнікаў. Абсалютнымі лідарамі былі «Беларуская вёска» (15 тыс.) і «Звязда» (10 тыс.). У павятовых гарадах БССР выходзілі 10 газет агульным накладам 18,2 тыс. асобнікаў. У 1917–1922 гг., у т. зв. «дагалоўлітаўскі перыяд», змест беларускіх перыядычных выданняў кантраляваўся рознымі ведамствамі: Рэвваенсаветам, Галоўпалітасветай, ДПУ.

Першая палова 1920-х гг. была часам цяжкіх выпрабаванняў для маладой беларускай савецкай прэсы — недахоп паперы, слабая паліграфічная база, адсутнасць прафесійных журналісцкіх кадраў. У найбольш складанай сітуацыі апынуліся раённыя газеты, дзе ўсё — ад збору матэрыялаў да выпуску і распаўсюду накладу, які часта не перавышаў і тысячы асобнікаў, — выконваў адзін рэдактар. Але было галоўнае — адноснае свабода слова, абумоўленая ліберальным нэпаўскім перыядам. У час першых пяцігодак атрымалі развіццё амаль усе формы масавай работы, якія выкарыстоўваліся на працягу ўсёй гісторыі айчынай журналістыкі савецкага перыяду. Многія з іх нарадзіліся падчас барацьбы за рэжым эканоміі, зніжэнне рознічных цэн, за рацыяналізацыю вытворчасці. Да найбольш папулярных форм масавай работы належалі вытворчыя агляды, пераклічкі, выязныя рэдакцыі. Неад'емнай часткай кампаніі па рацыяналізацыі народнай гаспадаркі з'яўлялася барацьба за эканамічны дзяржаўны апарат, за спрашчэнне яго структуры, у звязку з чым савецкі перыядычны друк распачаў масавы паход супраць бюракратызму.

Лепш зразумець інтэлектуальную атмасферу ў БССР на працягу кароткага ліберальнага нэпаўскага перыяду дазваляе рэзалюцыя, прынятая на паседжанні аддзела друку ЦК КП(б)Б, якое адбылося 23 снежня 1925 г. і было прысвечана абмеркаванню работы часопіса «Польмя». Па выніках абмеркавання было вырашана дазволіць змяшчаць у часопісе артыкулы навукоўцаў-немарксістаў і творы аўтараў, якія належалі да ўсіх літаратурных плыняў, пры ўмове публікацыі рэдактарскага каментарара да кожнага з «ідэалагічна варажых» матэрыялаў. Іншадумцы яшчэ мелі шанц быць пачутымі сваім народам.

Гаворачы пра лібералізацыю грамадска-палітычнага жыцця ў БССР у 1920-я гг., мы павінны мець на ўвазе дзейнасць створанага ў студзені 1923 г. Галоўлітбела, які цалкам падпарадкоўваўся маскоўскаму Галоўліту і ЦК КП(б)Б. Галоўлітбел забараняў друкаваць у газетах інфармацыю пра час і месца выступленняў членаў



палітбюро ЦК і ўрада, мясцовыя бюджэты, ураджай, бандыцкія налёты, павышэнне цэн, дэвальвацыю чырвонца, пажары, згвалтаванні і інш. У жніўні 1926 г. з'явіліся «Правілы па праглядзе абвестак замежных гандлёвых і прамысловых фірм», паводле якіх у газетах забаранялася рэкламаваць іншаземныя адзенне, абутак, харчовыя прадукты, інструменты, фота- і радыёгавары, медыцынскія прэпараты і інш. 7 красавіка 1928 г. Галоўлітбел разаслаў у акруговыя «літы» і палірэдактарам газет спіс дзяржаўных тайнаў — усяго іх было 41. Яны тычыліся бюджэту, работы наркаматаў, біржаў працы, назваў вайсковых часцей, міжнародных зносін, вынаходніцтваў і інш. Першапачаткова дзеянні галоўлітаўскіх цэнзараў прыводзілі да адкрытых канфліктаў з галоўнымі рэдактарамі газет. Напрыклад, 11 чэрвеня 1924 г. галоўны рэдактар газеты «Звязда» звярнуўся да старшыні АДПУ па БССР Ф. Д. Мядзведзя і старшыні агітпрапа ЦК КП(б) А. І. Дзякава з пратэстам супраць забароны друкаваць матэрыялы пра выкрыццё падпольнага «манетнага двара» і павелічэнне абаротных сродкаў беларускай канторы Дзяржбанка.

Сталінскі «вялікі пералом» накіраваў развіццё савецкай журналістыкі ў бок яе поўнага і канчатковага адзяржаўлівання, надання ёй класічных таталітарных якасцяў. Аднак тэндэнцыі да гэтага вызначыліся ўжо ў 1927–1928 гг., пра што сведчыць справаводства рэдакцый перыядычных выданняў. Пытанні аб адкрыцці альбо закрыцці рэспубліканскіх газет узгадняліся з аддзелам

друку ВКП(б). Творчую работу рэдакцый цалкам вызначала вышэйшае партыйнае кіраўніцтва рэспублікі. Гэта выяўлялася ў кантролі за кадравымі прызначэннямі, рассылцы ў рэдакцыі дырэктывных лістоў, а таксама ў правядзенні рэгулярных рэдактарскіх нарад у аддзеле друку ЦК. Рэдактарам давалі падрабязныя інструкцыі наконт таго, як асвятляць у газетах работу вышэйшых органаў улады, унутраную і знешнюю палітыку СССР, выбары, рэвалюцыйныя святы і дробныя пытанні, кшталту ўраджаю льну альбо выступлення Папы Рымскага. Рэдакцыям бесперапынна нагадвалі пра неабходнасць больш актыўна прыцягваць адказных савецкіх і партыйных работнікаў да выступаў у газетах, абавязкова ўзгадняць з аддзелам друку ЦК усе змены і скарачэнні ў такіх артыкулах. Акрамя таго, аддзел друку праводзіў «налёты» (незапланаваныя праверкі) на рэдакцыі газет і часопісаў.

Непадуладныя нармальнаму мысленню тагачасныя ідэалагемы, у межах якіх мусілі працаваць творчыя работнікі, характарызуе вытрымка з аператыўнага цыркуляра ліста ЦК, разасланага ў рэдакцыі газет БССР у 1930 г.: «У «Беларускай Вёске» № 9 дана шапка «Ураджай залежыць ад машын». Шапка гэта ня верна, бо яна дае выхад паражэнчаскім настроям, што без машын нічога зрабіць нельга... «Чырвоная Зьмена» № 31 дае шапку «Зломім і ліквідуем клясу кулакоў». Партыя гаворыць аб знішчэнні кулацтва, як клясы, а не так, як фармулюе «Чырвоная Зьмена», таму што партыя не ўзводзіць кулацтва ў новы клас... У газэце «Камуніст» № 16 заглавак аддзелу «Больш жыцця, больш баявых тэмпаў», але ні слова няма ў загаловку аб кулаку, ні слова аб устаноўцы на арганізацыю беднаты і саюзе з сярэдняком. Уся старонка — беспартыйная». Далей у аператыўным лісце рэдактараў папракаюць за змяшчэнне ў газетах аб'яў, у т. л. аб тэхнічных навінках, у «беспартыйным асвятленні». Палітычнае значэнне надавалася нават шрыфтам.

З пачатку 1929 г. галоўная газета рэспублікі «Звязда», акрамя прапагандысцкай, ужо выконвала і цэнзарскую функцыю. У верасні 1929 г. у «Звяздзе» быў надрукаваны артыкул «Некалькі запытанняў рэдакцыі «Савецкай Беларусі», дзе супрацоўнікі «СБ» абвінавачваліся ў тым, што ператварылі газету ў рупар нацыяналізму (публікавалі артыкулы З. Жылуновіча (Цішкі Гартнага), Т. Глыбоцкага (Алеся Дудара) і інш.). У лістападзе паводле разгромных артыкулаў, апублікаваных у «Звяздзе», была прынята пастанова сакратарыята ЦК КП(б) «Аб памылках газеты «Беларуская вёска», пасля якой змянілі амаль усё кіраўніцтва рэдакцыі. Супрацоўнікам рэдакцыі нельга было пакідаць у сваіх сталах перапіску пад грыфамі «сакрэтна» і «зусім сакрэтна». Усе чарнавікі і адпрацаваная капіравальная папера спальваліся.

Тэхнічна працэс цензуравання перыядычных выданняў у 1930-я гг. выглядаў наступным чынам. Штатны рэдакцыйны цензар цэнтральнай альбо абласной газеты (райліт у раённых газетах) ставіў дазваляльны нумар на канчаткова звярстаных і выпраўленых палосах выдання, на якіх ужо быў подпіс рэдактара «да друку». Пасля першага сігнальнага асобніка цензар павінен быў упэўніцца, што ў газеце няма як палітыка-ідэалагічных, так і тэхнічных хібаў (якасць клішэ, друкарскіх знакаў і г. д.). Пасля вырабу і распаўсюду накладу яго зноў правяралі палітрэдактары Галоўліта БССР.

Чарговую цензуру ажыццяўлялі тры палітрэдактары па газетах у апарце Галоўліта, а папярэдняю — упаўнаважаныя па газетах «Звязда», «Рабочы», «Кастрычнік», «Чырвоная змена», «Піянер Беларусі», «Дэр юнгер Ленінец», «Орка», «Раўдонайсіс артояс», «ЛіМ», «Палеская праўда» (Гомель), «Віцебскі пралетарый» (Віцебск), «Камунар Магілёўшчыны» (Магілёў). Упаўнаважаныя, якія ажыццяўлялі папярэдняю цензуру, утрымліваліся за кошт рэдакцый газет. Такім чынам, усе матэрыялы, што публікаваліся на старонках перыядычнага друку БССР у 1930-я гг., праходзілі тры цензурныя фільтры: рэдакцыйны і галоўлітаўскі (папярэдні і наступны). Акрамя таго, існаваў таксама чацвёрты, нябачны бар'ер — аўтарская самацензура, своеасаблівы самаабарончы механізм, які прымушаў аўтара ўгадваць ідэалагічныя, палітычныя, эстэтычныя і іншыя прэтэнзіі, якія мог выклікаць яго рукапіс у кантрольных інстанцыях.

Нягледзячы на ўсталяваную на пачатку 1930-х гг. цензурную іерархію, канфлікты паміж рэдактарамі газет і цензурным ведамствам працягваліся. 5 чэрвеня 1937 г. начальнік Галоўліта і аддзела ваеннай цензуры пры Савеце Міністраў БССР І. Л. Ахрамовіч накіраваў першаму сакратару ЦК КП(б)Б В. Ф. Шаранговічу і старшыні СНК БССР Д. І. Валковічу (копія — начальніку Галоўліта РСФСР С. Б. Ингулаву) скаргу на дзеянні адказнага рэдактара газеты «Звязда» Д. В. Юркова. У дакуменце апісваўся выпадак, калі Юркоў адмовіўся выконваць загад упаўнаважанага па «Звездзе» цензара Коржыкава аб забароне друку нататкаў «Пакуты пасажыраў», дзе ўзгадвалася вузкакалейка ў Лельчыцкім пагранраёне. 30 траўня 1937 г. матэрыял быў надрукаваны, у выніку чаго «польскі шпіён... атрымаў магчымасць знайсці... бясплатна... сакрэтныя звесткі». Скаргу І. Л. Ахрамовіча прынялі да ведама і ўжо ў кастрычніку 1937 г. Д. В. Юркова звольнілі з працы.

У 1932 г. у БССР цензуравалася 201 выданне, у т. л. 13 цэнтральных газет, 76 раённых, 113 шматтыражных і 28 часопісаў, гадавы наклад якіх набліжаўся да 1,5 млн асобнікаў. Цензуры падлягалі таксама насценгазеты.

Характар стаўлення ўладных структур да беларускай інтэлігенцыі, змены ў інтэлектуальным клімаце рэспублікі напярэдадні новай хвалі рэпрэсій па справе «Беларускай народнай грамады» (1933 г.) ілюструюць два агляды зместу часопісаў, падрыхтаваныя для ЦК КП(б)Б начальнікам Галоўліта БССР Я. І. Сініцкім. Першы агляд храналагічна ахоплівае 1932 г. і прысвечаны літаратурна-мастацкім выданням. Незадвальнае галоўнае цензара рэспублікі выклікаў надрукаваны ў «ЛіМе» верш С. Баранавых «Матчын сын», прысвечаны Я. Купалу: «Купала ў ім паказваецца як адзіны пакутнік за беларускі народ... Купала — месія, збавіцель, прарок». На думку аўтара агляду, артыкулы аб тэатры, якія былі апублікаваны ў часопісе «Мастацтва і рэвалюцыя», характарызуюцца льявцаккай трактоўкай спектакляў. Да прыкладу, спектакль «Свята ў Касрылаўцы», пастаўлены ў БДТ паводле Шалом-Алейхема, трактуецца як «ідэалізацыя яўрэйскага мястэчкавага побыту ў святле дробнабуржуазнага, сузіральнага гумару». Часопіс «Чырвоная Беларусь», на думку Я. І. Сініцкага, знаходзіўся на вельмі нізкім мастацкім і палітычным узроўні, у ім не было разгорнутага паказу сацыялістычнага будаўніцтва, герояў пяцігодкі. Цензар ілюструе гэтак абвінавачанне фрагментам верша С. Грахоўскага «Так пачынаецца вясна», апублікаванага ў чацвёртым нумары часопіса:

*І ў ночы па рэйках
вільготных і сьлізкіх
паймчаць цягнікі
эшалёнаў таварных хвасты —
гэта шле Гомсельмаш
трыеры, каб засеяць чыстым,
каб ніводнага каліва не пакінуць пустым.*

«Гомсельмаш вырабляе цэлы рад машын па пераапрацоўцы кармоў для буйной сацыялістычнай жывёлагадоўлі і ніякіх трыераў не выпускае. Гэта ня лішнім было б ведаць і поэту Грахоўскаму і Чырвонай Беларусі», — абураўся цензар. У часопісе «Маладняк», на яго думку, панавалі «стыхія, абязлічка, самацёк». А вакол часопіса «Беларусь калгасная» згуртаваліся былыя пісьменнікі-нацдэмы (Я. Купала, М. Лужанін, А. Дудар, М. Зарэцкі, У. Хадыка). У восьмым нумары часопіса, прысвечаным 15-годдзю кастрычніцкай рэвалюцыі, была надрукавана «наскрозь варожая» паэма М. Нікановіча «Журавіны», дзе «паказваецца безвыходнай доля селяніна... рабочыя заняты катаржна цяжкай работай і адпыхваюць ад сябе прадстаўнікоў інтэлігенцыі».

Другі агляд таксама ахопліваў 1932 г., але быў прысвечаны часопісам, якія спецыялізаваліся ў галіне гаспадарчага будаўніцтва. Я. І. Сініцкі разглядаў як шкодніцкі выпадак рэдакцыі часопіса «Шляхі калектывізацыі» размяшчэнне на яго старонках матэрыяла пра яўрэйскі нацыянальны

калгас у в. Карпачы Клімавіцкага раёна. У прыватнасці, у артыкуле прыводзіліся выказванні жыхароў навакольных вёсак: «З вашае працы нічога не будзе», «Лепш пакіньце гэтую мужыцкую справу», «Лкія з вас земляробы». Не меншае абурэнне цензара выклікала публікацыя ў часопісе інфармацыі кшталту: «Трактарыст Рабухін перарэзаў рамень у машыне для таго, каб зрабіць дзень адпачынку», альбо «Старшыня калгасу «Пяцігодка» Ізох згнаў каля 1,5 тыс. пудоў бульбы». У часопісе «Паляўнічы Беларусі» палітычныя матэрыялы былі нізкага ўзроўню. А артыкул А. Сідарэнкі, які даводзіў, што ў БССР вядзецца драпежніцкая паляўнічая гаспадарка, на думку Сініцкага, з'яўляўся «выступленнем класовага ворага». У перадавым артыкуле, змешчаным у першым нумары часопіса «Тэхніка масам», непісьменным аўтарам сцвярджалася, што «Маркс, Энгельс, Ленін былі вялікімі тэарэтыкамі, а Сталін з'яўляецца вялікім практыкам». Нарэшце, часопіс «Савецкая краіна» (былі «Наш край») таксама зрабіўся трыбунай нацдэмаў кшталту У. Гесэна — аўтара артыкула «Барацьба сялянства на Беларусі напярэдадні 19 лютага 1861 г.». Сініцкага абуралі трацкісцкія высновы У. Гесэна «пра адносную слабасць сялянскай барацьбы напярэдадні 19 лютага... спецыфічныя асаблівасці становішча беларускага сялянства». Аўтар праграмы вывучэння сацпаборніцтва і ўдарніцтва ў калгасах, змешчанай у першым нумары часопіса, С. Шчучкі, цікавіўся, колькі заможнікаў у складзе ўдарнікаў, а таксама закранаў такое пытанне, як «антысавецкія выступленні ўдарнікаў». А. Васільеў у артыкуле «Тарфяныя рэсурсы БССР» напісаў, што «з належным вырашэннем пытання электрыфікацыі звязана не толькі павелічэнне прадукцыйных сіл краіны, але і эканамічнае і культурнае адраджэнне яе». У гэтым сказе цензара збянтэжыла слова «адраджэнне», якое ён разумеў як нацдэмаўскае, контррэвалюцыйнае.

У 1933 г. у БССР была скасавана колькасць масавых друкаваных выданняў, што афіцыйна тлумачылася фінансавай рэнтабельнасцю і мэтазгоднасцю. 1 красавіка спыніўся выхад беларускамоўных часопісаў «Савецкая краіна», «Мастацтва і рэвалюцыя», «Напагатове», «Чырвоная Беларусь», «Ленінская вучоба», «Шляхі калектывізацыі», «Беларусь калгасная», «Кніга ў масы». З 20 красавіка зніклі газеты «Савецкая Беларусь» і «Рабочы і сялянскі карэспандэнт», былі аб'яднаныя газеты «Сельскагаспадарчы рабочы Беларусі» і «Калгаснік Беларусі». Фонды паперы ад закрытых выданняў перадаваліся для павелічэння накладу выданняў ЦК КП(б)Б — «Звязды» і «Рабочага». Адначасова на працягу 1933 г., выконваючы пастанову ЦК ВКП(б), партыйнае кіраўніцтва БССР стварыла 53 газеты палітаддзелаў МТС і саўгасаў. Гэтыя выданні мелі адкрыта прапагандысцкі, агітацыйны характар. Большасць з іх

стваралася без мінімальнай тэхнічнай базы і кваліфікаваных кадраў.

1933 і 1934 г. характарызаваліся павышанай увагай партыйнага кіраўніцтва і ўрада БССР да ўмацавання цензуры. Гэтаму было прысвечана адмысловае рашэнне ЦК КП(б)Б, прынятае 26 лістапада 1933 г. А 4 і 23 снежня СНК БССР прыняў ажно дзве пастановы, прысвечаныя арганізацыі папярэдняга і наступнага кантролю аховы дзяржаўных тайнаў у друку. 7 сакавіка 1934 г. была прынятая новая сумесная пастанова ЦК КП(б)Б і СНК БССР «Аб умацненні аховы дзяржаўных тайн у друку БССР», дзе канстатавалася, што згаданыя вышэй рашэнні ЦК і СНК па пытаннях паляпшэння работы цензуры не выкананы. У прыватнасці, у гэтым дакуменце адзначалася, што «Галоўліт і Аддзел Ваеннай Цензуры не ўкамплектаваны; газеты на нацыянальных мовах і друкаваная прадукцыя Белдзяржвыда на польскай і літоўскай мовах выходзяць без папярэдняй цензуры; у друку 25 раёнаў БССР папярэдня ваенная цензура (райліты) адсутнічае ўвогуле; з 20 раёнаў, дзе ўстаноўлены штатныя райліты, вызваленымі райлітамі ўкамплектаваны толькі 7 (Мінск, Віцебск, Орша, Слуцк і інш.); на пасады райлітаў прызначаны не члены партыі: у Асіповіцкім, Жлобінскім, Лёзненскім, Жыткавіцкім, Хойніцкім раёнах — кандыдаты партыі, у Бабруйскім і Дрысенскім раёнах — члены ЛКСМБ; у ліку выконваючых абавязкі райлітаў маюцца выхадцы з іншых партый (Орша), атрымаўшыя партспяганні за ідэалагічныя ўхілы ад генеральнай лініі партыі, не дапушчаныя да сакрэтнай работы (Бабруйск)» і г. д.

У дадатак да прынятых раней рашэнняў ЦК і СНК іх сумесная пастанова ад 7 сакавіка 1934 г. вызначала шэраг новых мерапрыемстваў па ўзмацненні аховы дзяржаўных тайнаў у друку. У прыватнасці, было неабходна ўвесці штатныя пасады цензараў у газетах «Окцябер», «Юнгер Арбейтэр», «Юнгер Ленінец», «Орка», «Раўдонайсис артояс». У 24 раёнах, дзе існавалі штатныя пасады цензараў (райлітаў), трэба было правесці іх на прадмет палітычнай граматынасці. У 51 раёне БССР, дзе накладываліся мясцовыя газеты былі невялікія, абавязкі цензараў павінны былі выконваць па сумяшчальніцтве ўпаўнаважаныя АДПУ альбо райваенкомы. Нарэшце, планавалася разгарнуць работу па прыцягненні шырокай навукова-партыйнай грамадскасці да справы добраахвотнага кантролю за ўсёй друкаванай прадукцыяй.

(Працяг у наступным нумары)



Анатолий САНОТЕНКО,
главный редактор еженедельника
«Бобруйский курьер»

«Бобруйский курьер»: ИСТОРИЯ УДУШЕНИЯ

В конце июля 2010 года приостановила свой выход одна из старейших общественно-политических газет Беларуси.

В качестве предисловия

В журналистику я пришел из диссидентства. Считаю себя диссидентом последнего призыва. Противостояние мое с советским строем было скорее морально-психологическим: я был молод и не успел как следует схлестнуться с властью. Но все прочие атрибуты диссидентства присутствовали: это и принципиальное нежелание «делать карьеру» при коммунистическом режиме, и уход в «культурно-духовное подполье», и работа сторожем... Понятно, что при таком раскладе передо мной никогда не стояло морального выбора в журналистике: свободная профессия или лакейское служение властям. Поэтому, когда я возглавил «Бобруйский курьер» (в мае 2003 года), власть имущим уже было понятно: ловить здесь нечего, договориться не удастся. У них главная задача — удержаться у власти, у меня — во что бы то ни стало сохранить принципы профессии, остаться свободным человеком, свободным журналистом. Пусть и в несвободной стране.

Если враг не сдается, или «Мягкое удушение»

Осознав это, власти приступили к постепенному удушению «Бобруйского курьера». Пока — только экономическому. А там, как говорится, посмотрим.

Между тем, став не только редактором, но и издателем-учредителем газеты и, соответственно, получив все необходимые полномочия, я смог достаточно успешно реформировать отдел рекламы, привлечь в него опытнейших и — не побоюсь этого слова — одаренных профессионалов, что позволило нам очень быстро занять лидирующие позиции во многих сегментах рекламного рынка Бобруйска и региона. (Тут надо сделать отступление и дать небольшую справку: в то время, кроме «БК», в Бобруйске было четыре крупных игрока на рекламном рынке, и это, разумеется, сказывалось на нашей работе.) Для

примера скажу только, что через три месяца мы смогли удвоить сумму поступлений от рекламы, еще раньше — увеличить объем газеты, привлечь новых читателей...

Но уже в июне-июле 2003-го местная идеологическая вертикаль взялась за нас. Имея возможность отслеживать, кто работает с нами, кто дает нам рекламу, чиновники «по благословению свыше» принялись осуществлять «план мероприятий» по противодействию нашей хозяйственной деятельности. Время «брутальных решений» тогда уже прошло, поэтому действовали тихо, как говорится, без шума и пыли. Как профессиональная и хорошо подготовленная ОПГ. Через семь лет они смогли добиться результата: газета остановила свой выход. Хотя многие уже устали ждать и разочаровались.

Надо признать, что в краткосрочной перспективе выиграть у государства, конечно, невозможно. И каким бы диссидентом и «врагом народа» ты ни был, в одиночку сломать репрессивный механизм не удастся. Пример тому — судьбы Сахарова и Солженицына.

Победа, как правило, возможна лишь в долгосрочной перспективе.

Хронология репрессий

Для удобства изложения и восприятия мы опишем происходившие события в хронологическом порядке.

Итак, июль 2003 года. Редакции «БК» стало известно, что на одно из крупнейших бобруйских предприятий, с которым незадолго до этого была налажена работа по рекламе, поступило категорическое указание от руководства идеологической вертикали горисполкома: «Не сотрудничать!» Там взяли под козырек и сотрудничество прекратили.

Август 2003 года. Отдел подписки бобруйского Главпочтамта получил приказ не принимать «целевую» ведомственную подписку на «Бобруйский курьер», а также

индивидуальную подписку от так называемых «цеховых почтальонов», то есть людей, занимающихся вопросами распространения газеты на предприятиях и в учреждениях. Кулуарно им предлагалось: «если хотите», идите в любое другое почтовое отделение и подписывайте там каждого из ваших людей в индивидуальном порядке.

Сентябрь 2003 — декабрь 2005 года. «Бобруйский курьер» потерял возможность работать практически со всеми крупными предприятиями, а также с банками. Некоторые наиболее цивилизованные банковские учреждения даже присылали в редакцию письма-уведомления о прекращении договорных отношений. И каждый раз, наводя справки через свои источники, мы слышали одно и то же: указание об этом поступило из горисполкома.

15 июля 2005 года. В редакцию «с официальным визитом» приезжает Анатолий Глаз, тогдашний заместитель председателя Могилевского облисполкома, курирующий вопросы идеологии. Цель визита — «разобраться» с газетой после якобы поступившего в Администрацию президента письма бобруйчанки. Мифический адресат жаловался на фривольность одной из публикаций, вышедшей в специальной рубрике о взаимоотношениях между мужчинами и женщинами «Инь-Янь».

Правда, незадолго до этого «Бобруйский курьер» опубликовал скандальную статью местного независимого депутата, учителя истории Алеся Чигиря, который с возмущением писал о бездействии властей в отношении «фашистского вопроса». Автор задавался вопросом, почему многие месяцы с улиц города не убирается запрещенная по закону фашистская символика, которая рисуется тайными поклонниками Адольфа Гитлера на стенах домов, на остановках и т. д.? Между тем, отмечал избранник народа, так называемые «оппозиционные» надписи ликвидируются силами местных коммунальных служб в одночасье.

Анатолий Глаз в присутствии пяти работников редакции озвучивает угрозу: еще одна такая «аморальная» публикация, и газета будет закрыта, а журналисты — лишены работы.

Начало 2006 года — по сей день. Власти усиленно препятствуют «Бобруйскому курьеру» в его работе с информацией, не предоставляют (по запросу редакции) аккредитацию в горисполкоме, не приглашают на официальные публичные мероприятия и т. д. и т. п. Причем строгий запрет наложен и на предоставление «БК» общественно важной информации от МЧС, УВД, ГАИ, которые заинтересованы в ее распространении среди населения.

2006–2009 годы. «Идеологи» вызывают некоторых внештатных сотрудников газеты и проводят с ними «душеспасительные» беседы о вреде сотрудничества с «этим оппозиционным изданием».

Февраль 2007 года. Бобруйский филиал ОАО «Могилевсоюзпечать» расторгает с редакцией договор о распространении газеты. Официальная причина — экономическая нецелесообразность. Между тем до этого «Бобруйский курьер» распространялся через систему «Союзпечати» на протяжении 16 лет.

Это решение «Союзпечати» — фактически негласный запрет на распространение газеты в Бобруйске.

Ноябрь 2007 года. Газете выносится одно из самых «самодурственных» предупреждений (всего за семь лет их было шесть). В «БК» была опубликована заметка о традиционном праздновании очередной годовщины Октябрьской революции. Претензии со стороны Министерства информации вызвало то, что газета назвала это действо «митингом», хотя власти в том году решили именовать его «торжественным мероприятием». Между тем закон «О массовых мероприятиях в Республике Беларусь» дает четкое описание того, что входит в понятие «митинг». И то, что происходило 7 ноября 2007 года на площади Ленина в Бобруйске, полностью соответствовало этому описанию. Но, как вы понимаете, закон — это то, как считает чиновник. И возражения не принимаются.

Май 2009 года. Местная почта разрывает договорные отношения с «Бобруйским курьером», касающиеся продажи газеты в почтовых отделениях.

Но на дворе — «либерализация»! Как бы. И в середине июля 2009 года «БК» возвращают в киоски «Союзпечати», а с 1 сентября 2009 года, после переговоров с Общественным советом по СМИ (спасибо Павлу Изотовичу), возобновляется продажа газеты в почтовых отделениях.

К сожалению, к этому времени мы были вынуждены вдвое сократить свой тираж, на одну треть — объем; большинство еще оставшихся у нас рекламодателей из-за вышеописанных событий прекратили с нами сотрудничать. Тем более что им было куда идти: к тому моменту в городе выходило десять различных газет.

Эпилог (не путать с некрологом)

По моим скромным подсчетам, «Бобруйский курьер» за семь лет экономических репрессий и противодействия со стороны властей потерял примерно десять своих годовых бюджетов (при том, что у наших ближайших конкурентов таких проблем не наблюдалось). За семь лет мой бизнес был разрушен четырежды, и каждый раз мы возвращались к нулевой отметке, теряя завоеванные позиции, тираж, рекламодателей...

Но мы (говоря за всех) остались в профессии, сохранили себя, свои жизненные ценности. И для нас это самое главное.

«Бобруйский курьер» forever!

Р. С. Разумеется, здесь описана лишь часть происшедших событий, и описана пунктирно. По понятным причинам мы пока не можем говорить обо всем и обо всех. Но «имена, фамилии, явки» нам известны. Думаю, они займут «почетное» место в позорной хронике репрессий, направленных на удушение свободы слова и независимости нашей профессии.

Справка:

«Бобруйский курьер» основан в 1914 году одним из крупнейших на тот момент бобруйских предпринимателей, Гилером Фававичем Фридляндом, который, кроме ежедневной (!) газеты, владел типографией, театром и цирком.

С перерывом на немецкую оккупацию (1918) «Бобруйский курьер» выходил до 1920 года. Был закрыт советской властью, как и все частные, негосударственные издания. Возобновил выход в 1990 году в формате самиздата. С 1991 года — официальный издательский проект.

Кангрэс Асацыяцыі еўрапейскіх журналістаў, які прайшоў на пачатку кастрычніка ў Турцыі, абмеркаваў становішча са свабодай сродкаў масавай інфармацыі ў шэрагу краін Старога Свету. Адною з дзяржаў, на якіх сфакусавалі сваю ўвагу дэлегаты форуму, была Беларусь.

Сітуацыя ў медыясферы нашай краіны шмат у чым адрозніваецца ад становішча ў большасці краін Еўропы. У чым яе адметнасць? З якімі праблемамі сутыкаюцца сёння нашы калегі з іншых еўрапейскіх краін? Якім чынам журналісцкая супольнасць мусіць рэагаваць на новыя выклікі часу?

Аб гэтым у адмысловым інтэрв'ю для «Абжура» распавёў прадстаўнік па свабодзе СМІ Асацыяцыі еўрапейскіх журналістаў **Уільям ХОРСЛІ**.

Уільям Хорслі:

Праблемы грамадства вырашае адкрытая дыскусія ў незалежных СМІ

— Да праблем у беларускай медыясферы ўсе, здаецца, даўно прызвычаліся. А вось іншыя еўрапейскія краіны лічацца ў гэтым плане куды больш паспяховымі, яны ўзначальваюць усе вядомыя сусветныя рэйтынгі свабоды прэсы. Ці насамрэч усё так цудоўна на нашым кантыненте?

— На жаль, не. Калі мы параўнаем цяперашнюю сітуацыю са свабодай прэсы з той, што была ў Еўропе яшчэ дзесяць гадоў таму, то амаль паўсюль можна пабачыць пагаршэнне. У некаторых

краінах, асабліва ва Усходняй Еўропе і дзяржавах былога СССР, праблемы становяцца вельмі сур'ёзнымі — у першую чаргу, гэта тычыцца гвалту і адкрытага ціску на журналістаў. У Заходняй Еўропе такога няма, але гэта не значыць, што там не існуе пагрозаў свабодзе медыяў.

У прыватнасці, вялікую рызыку складае новае антытэрарыстычнае заканадаўства: у сувязі з ім паўстаюць праблемы бяспекі крыніц інфармацыі і спроб урадаў розных краін «абараняць інфармацыю», хаваючы яе ад грамадства.



Андрэй
АЛЯКСАНДРАЎ

Калі мы возьмем прыклады Італіі, Францыі альбо іншых частак Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, тут праблемай з'яўляецца пытанне ўласнасці СМІ ў новых эканамічных умовах. І гэтыя праблемы не заўсёды ляжаць навідавоку. Здавалася б, у такіх краінах шмат газет і разнастайных сродкаў масавай інфармацыі. Але, як толькі пачынаеш глыбей разбірацца ў тым, хто валодае гэтымі газетамі і чаму, вынік будзе іншым, чым ён быў 10 альбо 20 гадоў таму. На змену, так бы мовіць, «традыцыйным» уладальнікам СМІ, якія ў пэўнай ступені былі адданыя плюралізму меркаванняў, прыходзяць новыя ўласнікі. І сродкі масавай інфармацыі становяцца інструментамі вырашэння палітычных альбо бізнесовых пытанняў.

Таму наогул можна сказаць, што ўзаемадчынненні ўладаў і медыяў сталі нашмат больш напружанымі. Гэта своеасаблівы адбітак агульнага «дэмакратычнага здароўя» еўрапейскіх грамадстваў, якое зараз становіцца слабейшым.

У некаторых частках Еўропы, як, напрыклад, у маёй роднай Брытаніі, медыі застаюцца вельмі моцнымі, і перш за ўсё ў эканамічным плане. Да таго ж мы маем грамадскія медыі, якія знаходзяцца ў добрым стане. Але калі мы возьмем краіны Цэнтральнай Еўропы, то пабачым сур'ёзныя праблемы палітычнага кантролю і ўплыву палітычных груп на СМІ, а ў выпадку Італіі — нават уплыву самога прэм'ер-міністра. Гэта з'ява, якую немагчыма было ўявіць яшчэ некаторы час таму.

Шмат у якіх краінах Цэнтральнай і Усходняй Еўропы зніжаюцца стандарты журналістыкі, змяншаецца павага да журналістыкі і прэсы як грамадскіх інстытутаў. Прафесійная якасць таго, што можна пабачыць сёння на тэлеканалах і ў іншых СМІ ў такіх краінах, сапраўды расчароўвае — асабліва ў параўнанні з тым, што адбывалася яшчэ 20 гадоў таму. Тады паўсюль была сапраўдная эйфарыя з нагоды трыумфу свабоднага слова, якое адыграла значную ролю ў перамозе над таталітарнымі рэжымамі. Але тая «рамантычная» эпоха мінула, і сёння спажываюць больш задумваюцца аб уласным дабрабыце, аб сваёй кішэні...

— Ці можаце вы прывесці нейкія канкрэтныя прыклады, што адлюстроўваюць выклікі, з якімі сутыкаюцца нашы калегі ў іншых краінах Еўропы?

— Францыя ў пэўным сэнсе з'яўляецца сумным прыкладам. Я ўжо казаў пра так званых «традыцыйных» уладальнікаў медыяў — людзей, якія маглі мець уласныя палітычныя погляды, але былі прыхільнікамі плюралізму меркаванняў і лічылі прэстыжным сам факт валодання незалежнай газетай, якая з'яўляецца часткай адкрытага грамадства. Дык вось, зараз у іх руках не сталася ніводнай агульнанацыянальнай газеты!

Большасць уплывовых французскіх выданняў знаходзяцца зараз у руках бізнесу, у якога, да таго ж, ёсць і свае палітычныя зацікаўленні. І ў выніку журналісты адчуваюць ціск з боку ўласнікаў. Улады са свайго боку таксама ціснуць на СМІ ў шэрагу выпадкаў — напрыклад, каб абараніць асобу прэзідэнта альбо прымусяць журналістаў раскрыць свае крыніцы інфармацыі.

Яшчэ адзін з найбольш вядомых прыкладаў — гэта, безумоўна, Італія. У гэтай краіне відавочная тэндэнцыя да манапалізавання СМІ вельмі абмежаванай колькасцю медыягруп. І вялікая колькасць тэлевізійных і радыёстанцый, газет належыць адной з такіх груп, якая фактычна кантралюецца прэм'ер-міністрам краіны. Шмат у якіх дзяржавах такое становішча проста немагчымае — гэтага не дазволілі б ні антыманапольнае заканадаўства, ні грамадства. Але ў Італіі гэта магчыма. Такая сітуацыя, безумоўна, негатыўна ўплывае на свабоднае абарачэнне інфармацыі ў грамадстве, робіць значна больш складанымі пытанні чысціні ў палітыцы, карупцыйных скандалаў і змен заканадаўства.

Спадар Берлусконі паўставаў перад судом па некалькіх справах, звязаных з карупцыяй, але ён папросту змяніў закон праз большасць, якую ён кантралюе ў парламенце, — змяніў, каб тое, што лічылася злачынствам, больш такім не лічылася, каб яго нельга было абвінаваціць, дзякуючы яго статусу. Берлусконі выкарыстоўвае сваю палітычную партыю як інструмент уласнай абароны. Гэта насамрэч жудасна. У рэйтынгу свабоды прэсы, які складае *Freedom House*, Італія панізілася ў статусе са свабоднай краіны да часткова свабоднай менавіта праз гэта. І зусім непрямна, што іншыя групы кансерватыўных партый па ўсёй Еўропе, у тым ліку ў Еўрапейскім парламенце, спрабуюць абараніць спадара Берлусконі ад крытыкі на палітычным узроўні. Гэта прыклад таго, як стан рэчаў можа пагаршацца нават у дэмакратычнай краіне, дзе праходзяць адкрытыя выбары і дзейнічаюць грамадскія інстытуты.

— Аналагічныя праблемы існуюць і ў Беларусі. Наша заканадаўства дадаткова абараняе дзяржаўных службоўцаў і асабліва кіраўніка дзяржавы ад крытычных выпадкаў. У Крымінальным кодэксе існуе цэлы шэраг артыкулаў, якія прадугледжваюць пакаранне за дыскрэдытацыю краіны, знявагу прэзідэнта...

— Гэта прыкры падыход. Тут можна прыгадаць адзін з крытэрыяў, якія Рада Еўропы выкарыстоўвае для ацэнкі свабоды медыяў. Паводле яго, дзяржаўныя службоўцы не павінны быць абароненымі больш за звычайных грамадзян. А паводле Еўрапейскага суду па правах чалавека, афіцыйныя асобы мусяць мець нават меншую ступень абароненасці ад крытыкі, чым

звычайныя грамадзяне — на падставе іх адказнасці перад людзьмі! Выкарыстоўваць сваю ўладу дзеля таго, каб абараніць сябе ад крытыкі, — гэта злачынства з боку дзяржавы. Роля дзяржавы — даць магчымасць грамадству функцыянаваць, прычым не ў інтарэсах дзяржавы, а ў інтарэсах самога грамадства.

У кожным грамадстве ёсць небяспека таго, што пэўныя медыі хочучь сябраваць з уладай. Магчыма, такое «сяброўства» дазваляе некаторым рэдактарам ці ўладальнікам СМІ адчуваць сябе значнымі — але пры гэтым яны перастаюць быць журналістамі. Яны адмаўляюцца ад сваёй ролі, становяцца часткай істэблішменту, а па сутнасці — палітыкамі другога гатунку...

— Апошнім часам на міжнародных журналісцкіх форумах няспынна абмяркоўваецца праблема абароны правоў журналістаў-фрылансераў...

— Гэта насамрэч вялікая праблема, якая зноў-такі вынікае з тых новых эканамічных умоў, у якіх зараз вымушаныя працаваць медыі па ўсім свеце. І агульная карціна, шчыра кажучы, не надта вясёлая. Шмат каго з нашых калег зараз прымушаюць сыходзіць са штату рэдакцый і працаваць у якасці фрылансераў, пры гэтым зніжаецца іх сацыяльная абароненасць. Усё гэта вядзе да таго, што зніжаецца і якасць іх працы — журналісты становяцца больш залежнымі, на іх лягчэй уплываць, каб яны пісалі «адпаведным чынам» альбо не мелі часу правесці інфармацыю. Працоўныя месцы не гарантваныя, працу лёгка згубіць, таму людзі перасцерагаюцца.

Улады некаторых краін пераследуюць фрылансераў, каб зрабіць з гэтага ўзор для ўсіх журналістаў, такім чынам ціснуць на ўсю супольнасць. Напрыклад, журналісты-фрылансеры паўстаюць перад судом па справах, звязаных з абразай, пры гэтым у іх няма падтрымкі рэдакцый, яны не абароненыя ў такіх выпадках. Таму яны вымушаныя саступаць са сваіх пазіцый і прасіць прабачэння ў палітыка альбо іншай публічнай асобы — нават калі ў сваіх матэрыялах гэтыя журналісты маюць рацыю. Такім чынам страчваецца якасць журналістыкі.

— Выходзіць, сітуацыя са свабодай прэсы ў Заходняй Еўропе зусім не такая радасная, як гэта прынята лічыць...

— Вядома, у журналістаў на Захадзе ёсць свае праблемы. Але, шчыра кажучы, сітуацыя там не такая драматычная ў параўнанні з іншымі часткамі Еўропы. Трэба сказаць, што найгоршы прыклад сярод краін, якія ўваходзяць у Раду Еўропы, зараз паказвае Расія. Дзяржаўны кантроль за медыямі, запалохванне журналістаў і наўпроставы фізічны гвалт, сітуацыя, калі СМІ валодаюць прадстаўнікі дзяржаўнай улады альбо

іх сябры, — усё гэта абсалютна непрымальна для свабоды прэсы. Гэткае становішча не проста наносіць шкоду свабодзе прэсы, а знішчае яе!

Пэўны час таму я пабачыў навіну пра тое, што студэнткі факультэта журналістыкі МГУ зрабілі календар, дзе змешчаны іх напаўголыя выявы і ў правакацыйных двухсэнсоўных выразях гаворыцца пра іх закаханасць ва Уладзіміра Пуціна... Для мяне гэта гучыць як смерць незалежнай журналістыкі! Гэткія паводзіны абсалютна непрымальныя, яны папросту дыскрэдытуюць такіх людзей і журналістыку ў Расіі. І гэта пры тым, што ў краіне ёсць нямала смелых і сумленных журналістаў. Але большасць альбо жыве ў страху, альбо проста сышла з прафесіі, у тым ліку з прычыны фізічных пагроз. Гэта жахліва!

— А як у такім выпадку вы можаце ацаніць сітуацыю са свабодай прэсы ў Беларусі? Мне падаецца, што праблемы, з якімі вымушаныя сутыкацца беларускія журналісты, адрозніваюцца ад тых, што стаяць сёння перад іх калегамі ў іншых частках Еўропы...

— На фоне медыясітуацыі ў Еўропе становішча ў Беларусі выглядае даволі змрочным. Прынятыя законы і практыка іх выкарыстання дазваляюць уладам краіны ціснуць на журналістаў, закрываць сродкі масавай інфармацыі альбо ствараць перашкоды для іх свабоднага распаўсюду, фактычна манапалізаваць сферу тэлевізачання. Дзяржава, якая робіць гэтыя рэчы, папросту выключае сябе з супольнасці свабодных нацый. І я прыемна здзіўлены тым, што ў гэтых умовах незалежныя беларускія медыяарганізацыі працягваюць паспяхова змагацца супраць ціску.

Вядома, і перад заходнімі журналістамі стаіць сёння нямала праблемаў. Але ў любым выпадку да прэсы ставяцца як да канструктыўнай апазіцыі, як да ўсталяванага і паўнаўладнага грамадскага інстытута. Беларускім журналістам даводзіцца працаваць у непараўнальна цяжэйшых умовах.

Роля журналіста — быць вяртаўніком дэмакратыі і кантраляваць уладу. Рада Еўропы нават карыстаецца азначэннем журналіста як «вартвога сабакі» ў дачыненні да ўлады — але ж, як вядома, Беларусь застаецца адзінай краінай на кантыненте, якая не ўваходзіць у Раду Еўропы... Свабодная прэса — гэта адзіны шлях да адкрытага грамадства, дэмакратыі, да ўрада, якому можна давяраць, да правасуддзя і справядлівасці. Беларусі патрэбны радыкальныя перамены. І прыкра, калі прэзідэнт альбо тыя, каго ён прызначае, так жорстка кантралююць прэсу, парушаючы амаль усе правілы і законы, якія базуюцца на Еўрапейскай канвенцыі правоў чалавека.

— Вы адзначалі ўжо, што журналістам і медыям у Еўропе даводзіцца працаваць у новых эканамічных умовах. Але ёсць яшчэ і новае



Уільям Хорслі мае багатую прафесійную біяграфію, якая цалкам звязаная са структурай брытанскай грамадскай тэлерадыёкампаніі Бі-бі-сі. Больш за трыццаць гадоў ён працаваў там: рабіў рэпартажы, ствараў праграмы, быў замежным карэспандэнтам, вядоўцам тэлевізійных перадач. Уільям Хорслі дагэтуль супрацоўнічае з каледжам журналістыкі Бі-бі-сі і робіць каментары для сайта. Значны складнік яго цяперашняй дзейнасці — вывучэнне еўрапейскага медыйнага асяродку.

інфармацыйнае і камунікацыйнае наваколле. Адным з выклікаў журналісцкай прафесіі сёння нярэдка называюць інтэрнэт. Ці сапраўды гэта так? Якім чынам журналісцкая супольнасць рэагуе на новы медыйны асяродак?

— Сітуацыя ў гэтым сэнсе неадназначная ў розных рэгіёнах Еўропы. У тых краінах, дзе традыцыйная прэса зазнае рэпрэсіі і ціск, інтэрнэт і новыя медыі могуць стаць выратаваннем, крыніцай новай надзеі. Гэта тычыцца Беларусі ці, напрыклад, Расіі. У прыватнасці, у Інгушэціі можна пабачыць, наколькі ўплывовымі могуць быць інтэрнэт-выданні. Іх цяжэй кантраляваць, і яны могуць стаць вельмі папулярнымі, размяшчаючы незалежныя навіны і робячы публічнымі рэчы, якія ўлады хацелі б схаваць.

Але, з іншага боку, калі мы кажам пра агульную сітуацыю, сама канцэпцыя «бясплатных навін» падрывае бізнес-мадэль традыцыйнай журналістыкі і традыцыйных медыяў. Больш за тое, сэрвісы кіталту Google альбо YouTube выштошваюць цікаўнасць да таго, што завецца «грамадска значнай інфармацыяй», даючы замест яе «белы хлеб» — то бок лёгкую «ежу» для маладых мазгоў.

У Еўропе нават з'явіўся панятак «turnalism» (ад ангельскага «turn» — варочаць, пераварочваць) замест панятку «journalism» (журналістыка) — то бок, замест здабывання ўласнай інфармацыі журналіст «пераварочвае» артыкулы іншых. Навінавая агенцыя робіць матэрыял, які потым зноў і зноў перарабляецца рознымі веб-сайтамі, і ў выніку адыходзіць далей і далей ад арыгінальных крыніц дакладнай інфармацыі. І гэта непрыемная тэндэнцыя.

— І што ж параіце рабіць журналістам у такіх умовах? Як нам супрацьстаяць усім гэтым выклікам сённяшняга часу?

— Мая парада вельмі простая, нават крыху банальная: быць прафесіяналам, добра і сумленна працаваць.

Я не кажу, што Брытанія з'яўляецца ідэалам, але ў нашай краіне мы сёння маем медыяландшафт, у якім прысутнічаюць сем моцных нацыянальных штодзённых газет з вялікімі накладамі, эканамічна моцных — і ўсё дзякуючы цяжкім намаганням журналістаў, якія шмат працуюць, імкнуцца быць першымі ў сваёй прафесіі. У выніку грамадства мае патрэбную яму інфармацыю, якая паступае са шматлікіх крыніц і паказвае розныя бакі любой тэмы. І брытанскія журналісты працуюць надзвычай прафесійна, яны насамрэч шукаюць розныя аспекты гісторый, якія асвятляюць. Плюс, што істотна, журналісты маюць вельмі добрых прававых дарадцаў.

Нават у такіх краінах, як Германія альбо Францыя, журналісты не прызвычаеныя працаваць настолькі шмат і з такім імпэтам, не заўсёды

маюць моцныя традыцыі супрацьстаяння палітыкам, традыцыі зноў і зноў задаваць непрыемныя пытанні. Вядома, гэта няпроста. Магчыма, яны думаюць, што іх рэдактары і ўласнікі лічаць за лепшае «не вылучацца з натоўпу». З брытанскага гледзішча такая «мацерыковая» еўрапейская журналістыка — крыху нядбайная і ляютная.

— Але чаму Брытанія так адрозніваецца ад іншых краін у гэтым сэнсе? Што стала таму прычынай: традыцыі, школа журналістыкі? Чаму брытанскія журналісты такія прынцыповыя ў стаўленні да сваіх абавязкаў?

— Брытанскае грамадства шмат у чым мае спаборніцкую натуру. Гэтым духам спаборніцтва прасякнута літаральна ўсё: сістэма юрыспрудэнцыі, палітыка, грамадскае жыццё... Трэба даводзіць, што ты маеш рацыю, трэба прыводзіць моцныя аргументы, пацвярджаць свой пункт гледжання. Гэта дух, які і дае моц дэмакратыі. Тое самае мы бачым і ў медыях.

Зноў-такі, не хачу ідэалізаваць брытанскую журналістыку. Калі мы прыгадаем вайну ў Іраку, трэба прызнаць, што шмат якія з нашых медыяў «купіліся» на прапаганду з боку ўрада, якая апраўдвала ўдзел Брытаніі ў захопе Ірака. Але пазней журналісты вельмі добра папрацавалі, каб знайсці праўду і данесці яе да грамадства. Таму падчас акупацыі Ірака медыі задавалі вельмі непрыемныя пытанні ўраду, трымалі гэтую тэму ў цэнтры ўвагі, выкрывалі памылкі, якія былі зробленыя падчас вайны. І менавіта рэпарцёр Бі-бі-сі, грамадскага брытанскага тэлеканала, упершыню сказаў у наўпроставым эфіры аб тым, што ўрад наўмысна маніпуляваў інфармацыяй, якая была адпачатку лжывай, каб удзельнічаць у гэтай вайне. І грамадская думка, якая падмацоўвалася працай журналістаў, запатрабавала праўды. У выніку былі пакараныя тыя, каго, на думку грамадства, трэба было пакараць у палітыцы за гэты падман. І ўрэшце справядлівасць узяла верх — а гэта можна смела назваць перамогай свабодных медыяў.

Брытанская прэса таксама вельмі разнастайная. Калі вы пагаворыце з кімсьці з журналістаў вядучых брытанскіх тэлеканалаў, вам можа нават падацца, што яны знаходзяцца ў стане «вайны» — яны відавочна лічаць палітыкаў ды іншых публічных асоб ледзьве не сваімі праціўнікамі. А на вайне — як на вайне! Таму нярэдка яны выкарыстоўваюць не зусім законныя метады здабывання інфармацыі — напрыклад, даюць хабар за нейкія звесткі, праслухоўваюць тэлефоны альбо плацяць ахоўнікам, каб патрапіць у нейкія прыватныя месцы. Але гэта — толькі невялікая частка медыякарціны.

А што тычыцца ўзроўню брытанскага грамадскага вясчання — я маю на ўвазе Бі-бі-сі — ён проста фантастычны! І кажу я гэта не таму, што



больш за трыццаць гадоў працаваў у структуры Бі-бі-сі. Навіны, ідэі, дыскусія — у гэтым выгледзе і ў гэткай якасці аналагаў проста не існуе больш нідзе ў свеце! Але гэта стала рэальнасцю не ў адзін момант. Гэта было вынікам агульных намаганняў грамадства і агульнай дамовы пра тое, што такія рэчы, як прафесійная журналістыка і свабодная прэса, ёсць важнымі для грамадства.

Можна сказаць, што ў Брытаніі існуе прароджаная любоў да рознабаковасці і разнастайнасці, любоў да жывых дэбатаў. Вядома, у нашым грамадстве ёсць шмат праблем — але існуе традыцыя грамадскага абмеркавання. І гэта адзіны шлях, якім грамадства можа справіцца з гэтымі праблемамі. Не важна, якія гэта пытанні: знешняя палітыка, інтэграцыя эмігрантаў, забарона альбо дазвол абортаў, — ды што заўгодна! Адзіны спосаб справіцца з гэтымі праблемамі — весці адкрытую і шчырую дыскусію, якая грунтуецца на незалежнасці СМІ: пры гэтым медыі, так бы мовіць, «кіруюць рынгам», не даючы адназначных ацэнак. Гэта — адзіны магчымы шлях.

Але моцная сістэма грамадскага тэлерадыёвяшчання, якое мае сапраўдны аўтарытэт, існуе яшчэ хіба ў некаторых скандынаўскіх краінах. На жаль, у іншых рэгіёнах Еўропы ў грамадскіх медыях у большай ці меншай ступені адчуваецца палітычны ўплыў, які адбіваецца на якасці журналісцкай працы.

Женская природа изменилась.

Сейчас женщины – «сильный пол»

Анастасия НАРЫШКИНА, GZT.ru

Еще поколение наших матерей настроенно относилось к женщинам, не выходящим замуж, не имевшим детей или родившим их вне брака. Это было как-то странно, не комильфо.

Сегодня это нормально. И в моем поколении, и среди тех, кто младше, предостаточно женщин, оставшихся – незамужними? одинокими? свободными? Пожалуй, в нашем языке даже нет соответствующего прилагательного, безоценочного, а только констатирующего.



Сегодня нормально не иметь детей и не желать их, нормально знакомиться с мужчинами в ночных клубах и «снимать» их на одну ночь или как получится. Я даже знаю парочку браков, заключенных благодаря отношениям, завязавшимся именно после таких ни к чему не обязывающих ночей.

Нормально — делать карьеру, много зарабатывать, быть себе хозяйкой, быть с мужчиной на равных... Список вы можете продолжить сами.

Это заставляет задуматься: а что же такое женщина, и что же такое женственность? Оказывается, это совсем не то, что об этом думали веками. Как только исчезло давление общественного мнения, заставляющее женщину, не задумываясь, стремиться к браку, к определенным отношениям с мужчиной и — через него — с социумом, так сразу и выяснилось, что многим женщинам это все не очень-то и нужно. Или нужно, но не так.

Женщина все чаще играет роль мужчины на экранах.

Речь не о том, что женственность исчезает, что женщины ее теряют. О нет. Они избавляются от того, что, как им внушали, является женственностью. Так же, как когда-то они избавились от корсетов, от запрета на образование и на изъявление политической воли. Тает и исчезает демонстративная женственность, которая заключается в презентации себя как объекта мужского интереса, без которого женщина не может реализовать себя в традиционной роли. Тает и исчезает и более глубокая вещь — фундаментальное представление о себе именно как о таком объекте, который обязан соответствовать мужским ожиданиям.

Эти ожидания настолько въелись в культуру, что стали уже и женскими: дескать, «настоящая женщина» должна то-то и то-то, выглядеть — так-то, чувствовать — то-то. Но та, которая должна — кому, интересно? — так-то выглядеть и то-то чувствовать, — она как раз не вполне настоящая, бедняжка.

А какая же настоящая?

А кто же ее знает.

Сейчас она только на пути к себе, она — собирательная женщина — в некоторой растерянности мечется между салоном красоты и, допустим,

Гарвардом, между кухней, детской, спальней — и кафедрой, директорским кабинетом и автосервисом. Она, похоже, еще не вполне определилась с тем, кто она и что она может себе позволить, чтобы не превратиться в «мужика в юбке», то есть не утратить — в глазах окружающих, это раз, и в собственной душе, это два, — того неуловимого, эфемерного и непонятного, что мы называем женственностью.

Об этих волнениях очень хорошо писала в своей книге «Второй пол» Симона де Бовуар: «Она не хочет терять ни малейшей крупинки женственности потому, что стремится добиться как можно большего успеха в отношениях с другим полом. И именно в области сексуальных отношений перед ней встают самые трудные проблемы. Для того чтобы стать полноценным, равным мужчине индивидом, женщине должен быть доступен мир мужчин так же, как мужчине доступен мир женщин, ей должен быть доступен другой человек. Однако потребности в другом в каждом из этих случаев не симметричны. Положение, состояние, известность, которых добилась женщина, могут восприниматься как ее имманентные достоинства и увеличивать ее сексуальную привлекательность. Но сам факт автономной деятельности делает сомнительной ее женственность, и женщина это знает».

Особенно, поддакнем мы Симоне де Бовуар, если, как в нашей стране, мужчин на 16,2% меньше, чем женщин (из 141,9 млн населения первых 65,6 млн человек, вторых — 76,3 млн), если мужчины мрут в так называемом трудоспособном возрасте как мухи и если средняя зарплата у женщин по-прежнему значительно меньше, чем у мужчин. То есть, с одной стороны, мужчина — дефицит, а с другой — конкурентное преимущество в борьбе за экономическое выживание.

Тем не менее женщины как-то с этим со всем справляются, а как именно — об этом я спросила у психолога Михаила Папуша. Он считает, что в сегодняшнем мире сильный пол — это женщины, а мужчины психически очевидно слабее женщин. Иногда они бывают сильными в профессии и в деньгах, но и только.

Михаил Папуш: «В сегодняшнем мире женщины — это сильный пол»

— В чем вы измеряете их силу и слабость? В чем она выражается?

— В способности принимать решения, держать удар, создавать и поддерживать определенный образ жизни и быть центром этой жизни. Самая серьезная и самая обычная проблема пар, которые ко мне приходят, — это инверсия психической силы: женщина сильнее, и она ведет в паре, притом культурные нормы заставляют людей то ли относиться к этому настороженно, то ли не

признавать ее силу. Получается, что женщины вынуждены исполнять и мужские роли — и в смысле заработка, и в семье, — и женские, в смысле обслуживания мужчины, который по-прежнему считает себя царем и богом, не будучи ни тем, ни другим. Женщины везут на себе все.

— Вы говорите о ролях... Вы имеете в виду социальные роли? Женщина такая-то и такая-то (допустим, слабая), стало быть, она должна делать

то-то и то-то (сидеть дома, варить щи), мужчина — соответственно. Но эти роли сложились бог весть когда. А сейчас женщины совсем не такие, какими их пытались представить, диапазон их гораздо шире, в рамках этой роли им тесно. Одним словом, женщина и ее женская роль — это две большие разницы. Не означает ли это, что так называемая мужская роль ей вполне по силам, что она может ее играть?

— Она не столько может, сколько ей приходится. Чтобы что-то «катило» — семья или небольшой коллектив, — женщине приходится брать на себя очень многое. А мужчины, ее сверстники и партнеры, как правило, этого не могут.



— Но это в ее природе? Или ей приходится это делать, как в войну, скажем, когда женщины заменили мужчин в поле?

— Природа женщины изменилась. Женщины, как я уже говорил, являются сейчас «сильным полом». И это меняет как социальные роли (к чему, как я сказал, трудно приспособиться), так и внутреннее состояние женщин. Они, например, хотят большего, чем мужчины. Мужчины — и в массе, как мы их наблюдаем «статистически», и в большинстве пар, которые я знаю, — довольствуются тем, что есть, и не слишком рыпаются. А женщина почти всегда хочет большего.

— Что это означает на бытовом уровне? Чего она хочет — машину-квартиру или звездного неба над головой?

— И звездного неба она хочет, и материального достатка, и понимания. Мужчины же, как

правило, до тридцати-сорока очень инфантильны. Мужчина видит в своей партнерше маму, которая должна обеспечить то, что ему надо. Хорошо, если он в состоянии хотя бы зарабатывать... А среди тех пар (клиентов), которые я веду, у мужчин в 30 лет способность зарабатывать очень слаба. Они не умеют, они не знают, куда ткнуться, чувствуют себя маленькими при каких-то старших, а старшие — это те, кому лет 50–60. Ну а женщине надо нормально жить. И ей приходится самой выбиваться.

— Значит, проблема не в том, что женщина сейчас делает и то, что делают обычно женщины, и то, что раньше делали мужчины, а в том, что она волочет на себе мужчину? То есть не в том, что она играет и мужскую, и женскую роль, — как вы говорили, она это может, ей это свойственно, — а в том, что на ней двойная нагрузка?

— Она «волочет на себе» прежде всего дела пары — как быт, так и отношения, а по ходу дела надеется, что ее мужчина вырастет, и потихоньку пытается его растить, с переменным успехом.

— Это как-то сказывается — то, что ей приходится брать на себя обе роли, — на том, что мы называем женственностью?

— Очень сказывается. Женственность очень связана с тем, есть ли рядом с женщиной мужчина, который ведет ее. Так ведь и говорилось раньше: за-мужем. Предполагалось, что мужчина — глава семьи, что он принимает важные решения про то, как жить. Также имелось в виду, что мужчина более социализирован и ведет семью, как корабль, по социуму. Кроме того, в хорошем случае предполагалось, что мужчина более «духовен» (что бы мы ни вкладывали в это слово): «Голова мужчины повернута к Богу, голова женщины повернута к мужчине». А если мужчина есть, но он не ведет, а расстаться с ним женщина боится, потому что лучше такой, чем никакой, — она, соответственно, «пасет» этого мужчину, тащит его за собой, надеется... И в лучшем случае он за ней тянется, и лет через пять он окажется на том месте, где она сейчас, но она лет через пять будет уже другой.

— Как вы могли бы определить женственность?

— Женственность сейчас совсем не та, что 100 лет назад. Теперь женщины сильные, и утверждение, что-де «сила женщины в ее слабости», сейчас абсолютно бессмысленно. Слабая женщина сейчас — это нонсенс. Если рядом со слабой женщиной слабый мужчина, получается вообще черт знает что... Пример? Ну, я знаю такую семью, где оба слабые. Они оба борются за то, кто слабее. Они болеют, живут кое-как, у них всегда нет денег, они с трудом выцарапывают себе какую-нибудь работу и довольно быстро ее

оставляют — в общем, все у них плохо. Женственность нынче должна быть сильной...

— Для вас женская сила измеряется так же, как и сила мужчины? Способность принимать решения, держать удар, быть центром чего-то?

— Слова похожие, только делает она это иначе, по-женски. Во-первых, поступки женщины гораздо менее рациональны, чем поведение, которого ожидают от мужчины и которого можно было бы ждать от женщины. Там, где обычно вел мужчина — и вел рационально, — женщина опирается не на рациональность, а на интуицию. Если она пытается опираться на рациональность или нормы соревновательности, принятые в мужском мире, она сразу... становится маскулиннее, жестчает, и получается у нее неумно. Неумно, неженственно, некрасиво. А когда она ведет интуитивно и целостно, идя от понимания, а не от построения, — она сильна. Женщина выращивает там, где мужчина строит. Например, отношения: мужчина начинает их строить, а женщина — выращивать.

— Женственность — это то, что можно потерять, что уходит в каких-то ситуациях?

— Она не теряется, а... не актуализируется. Мои представления об этом в целом такие: мужская культура кончилась. Тот цивилизационный кризис, который мы видим и в котором живем (я это обозначаю как конец света — он уже наступил, а люди не заметили), — это конец мужской, мужецентрированной цивилизации. Был когда-то матриархат, его сменили мужские культуры, цивилизация в целом — та, которая сейчас умирает, — она мужская, а следующая должна быть цивилизацией союза мужчины и женщины. Равноправного, равносильного союза. Но на этом переходном этапе Ева, которая когда-то соблазнила мужчину, должна своими усилиями вернуться назад, поэтому женщине дается больше силы, а мужчина за ней идет. Когда-то говорили, что мальчики взрослеют и растут, отставая от девочек, сейчас это отставание длится до 30–40 лет.

— С чем вы это связываете?

— А бог его знает, но это факт. Они действительно инфантильны, может быть, потому, что с войны так повелось: женщины несут на себе мир. В деревнях и в маленьких городках очень заметно, что мужчины пьянствуют и их как бы нет, а держится все на женщинах.

— Вы много встречали женственных женщин?

— Встречал, да, но, естественно, не среди своих клиенток. Женственные женщины не нуждаются в моей терапии. Я чаще встречаю женщин-девочек: они и выглядят, как девочки, и ведут себя, как девочки, и думают, к сожалению, тоже как маленькие девочки: «Я маленькая девочка, танцую и пою...» Они хотят и могли бы стать женщинами — и тянутся, ищут, формируются, заботятся об этом. И — дорастают, но я имею с ними дело на стадии, когда они «начинашки». А мужчины гораздо легче и свободнее чувствуют себя в мальчиках. Они вяло, лениво и только по необходимости отказываются от своей инфантильности — лишь постольку, поскольку от них этого требуют. Женщина требует, семья требует, жизнь... но вообще-то им, мальчикам, не хочется. Наиболее мужские мужчины, которых я знаю, если не подростки, то юноши. Они выросли в чем-то однобоко, они на этом стоят — на том, что они могут, а в остальном...

— А если переводить это на бытовой язык — кто это, вот такой мужчина, который в чем-то вырос, а в чем-то нет?

— В семье он опять же за женщиной, по жизни в массе проявлений он инфантилен, в частности, все решения по жизни за него — не только за себя и за семью, но и за него — принимает женщина, а он что умеет, то и умеет. Допустим, он хороший профессионал. И все видят это, ценят и любят его за это, но за пределами своей деятельности он остается слабым. И даже если он остается сильным и передает свою силу, то он ею наделяет свою женщину, а уже она обустроивает их жизнь. К сожалению, это не распространяется за пределы жизни семьи или пары, умирающая культура остается мужской (иначе бы, например, войны давно прекратились).

— В танго точно такая история: мужчина, как говорят преподаватели, «дает импульс», то есть ведет, и женщина чувствует эту мягкую и пластичную силу. Но что такое сила в танце — это понятно, а что такое сила в жизни? Мы говорим, что женщина вдохновляет мужчину, — и мужчина тоже вдохновляет женщину?

— Да. Он вдохновляет женщину на организацию их жизни. Пример? Вот, скажем, хороший физик, ценимый, зарабатывающий своим делом. Он женился, она любима, ее носят на руках, и она чувствует себя любимой и ценимой. При этом он — физик, а всей остальной жизнью занимается она. И она выстраивает

их жизнь, потому что она чувствует, что он всегда за нее. Это, конечно, прекрасно, но я полагаю, что будущая культура — это культура союза мужчин и женщин, в которой мужчина, имея свой сектор ответственности (профессиональный), и женщина, имея свой дом («дом» в самом широком смысле), организуют жизнь совместно — как на уровне пары и семьи, так и на уровне социума, от малой группы — до общества в целом. Такая жизнь будет совсем другой, нам сейчас даже представить себе ее трудно, мы видим только ее зародыши.

— *А как люди ощущают женственность? Один мой знакомый сказал, что это красный цвет, тепло, как от огня.*

— Разные люди ощущают это по-разному. Мужчина-мальчик женственную женщину откровенно боится, потому что, во-первых, такая женщина от него потребует, чтобы он стоял с ней вровень, — прежде всего в смысле способности отвечать за себя и окружающих, ну и умения решать все вытекающие из этого задачи. Во-вторых, подходя к женщине, он чувствует, что надо ей соответствовать по психическому, бытийному уровню... а ему не очень охота.

— *Вы говорите, что это другой бытийный уровень? Как это?*

— Когда-то еще в детстве я встретил настоящего виолончелиста. Сначала я видел его, когда он играл, потом он заходил к нам в гости. Я чувствовал, что вокруг него воздух вибрирует. Знаешь, как вибрирует виолончель? Ни на фортепьяно, ни на скрипке этого так остро не ощутишь, а виолончель вокруг себя создает вибрацию воздуха. Так и вокруг настоящей женщины атмосфера несколько сгущена, насыщена и вибрирует. И «мальчика» это пугает, в особенности если это не «мама». «Мама» создает какие-то каналы, по которым к ней «пройти» помягче. А женщина — она ждет мужчину, и она создает каналы не для мальчика, а для мужчины, и мальчик пугается.

— *То есть «мама» подстелет соломки, а женственная женщина, как царица Тамара, сядет в башне у окна и будет ждать того, кто убьет дракона, перелетит через ров и не помню что еще совершит, чтобы получить ее руку? А как же милосердие и сострадание? Получается, что женственная женщина — эдакая потребительница?*

— Милосердие и сострадание я бы отличал от жалости к слабым. А про потребительницу — тоже не так: она-то свой уровень держит, и готова за это платить, и платит.

— *А как обычные женщины реагируют на такую редкость, как женщина женственная?*

— Они ведут себя по-разному. Одни ценят чужую женственность и хотят этому учиться. И, как

правило, настоящая женщина, много чего умея, готова учить тех, кто хочет учиться. Другие завидуют женственности, злятся до ненависти, а третьи — боятся, как и «мальчики», потому что это недоступный им уровень бытия, и главное — потому что настоящая женщина иррациональна и от нее всегда неизвестно чего ждать. Инфантильных людей — мужчин и женщин — это пугает, они стараются держаться подальше.

— *Как это — иррациональна? Головой совсем не думает? Как же она на работу ходит или там... в ДЭЗ?*

— На работе и в ДЭЗе ей хватает здравого смысла, которого у женщин всегда было больше, чем у мужчин. Что же касается мышления, то женщина думает от интуитивно понятного целого — к деталям, не всегда умея объяснить, почему так, а не иначе. Мужчина же тщится выстроить целое из частных, так получается то теоретическое мышление, на котором мы все воспитаны.

— *Часто ли встречаются женственные женщины?*

— Очень редко. Одна из наиболее настоящих женщин, каких я видел в своей жизни, — это Вирджиния Сатир. Я ее видел живьем на семинарах. Это — мощь, притом совсем не мужская, а очень женская: она и материнская, и женственная. И это пугает — свою мощью. Вокруг нее дрожит воздух!

Я могу назвать еще одну фигуру — есть такая очень известная в эзотерических кругах женщина, ее зовут Виргиния Калинаускене. Книжка у нее есть — «Искусство возвращения королевы». Она — настоящая женщина.

— *Можно ли сказать, что женственная женщина непременно сексуально, по-женски привлекательна?*

— Безусловно. Это обязательно входит в список того, что она умеет и чем владеет. «Быть женщиной — великий шаг, сводить с ума — геройство». Пастернак!



Сцяпан НЕФІДОВІЧ

Благаслаўлены будзь,
Стары бацькоўскі дом!
Тут песні, як і хлеб,
Цанілі бацька, маці.
Я песень дар прыняў
І ўнукам перадам,
Хай стане
Найкаштоўнейшым багаццем.

На світанні

Прыцярушана даллю дарога.
На ўсходзе за лесам — пажар.
Цішыня. І нікога, нікога —
толькі я, у фантазіі мар.

Ноч канае ў золкім світанні,
на травінках — крышталікі рос.
Цішыня. І чутно: прарастае
каля ног на загоне авёс.

Заблудзілася зорка Вілюя
ў ружавеючых кудзерках хмар.
Цішыня. І нікога. Стаю я
у палоне і чараў, і мар.

Восеньскі матыў

Адлятае клін гусіны,
Коціць холад па зямлі,
Па-пад вокнамі вярціні
Пачарнелі, адцвілі.
Дрэў лістота, што лістоўкі,
Шалясціць над маставой,
Ды рабінавыя гронкі,
Бы агні над галавой.
Вераб'і маўчком паселі,
Сцерагуць пакой глушы.
І пануе сум асенні
На дварэ і на душы.

Асяніны¹

З дажджом халодны вецер у ладзе
Скубе лісты ў астылым садзе.
А за сцяной то загручоча,
То ў вокны б'е, бы ў хату хоча.
На шыбах чорнае вуалі —
Сумотны плач — слязінкі жалю.
То просіць восень разумення...
Сяджу ў самотнасці нязменнай.
У памяці маёй ёсць келіх
Сяброў і сваякоў памерлых.
Я ў келіх лью віно паволі
Ды п'ю за ўсіх памерлых долю,
Хто ўвайшоў у маю памяць
І хто ў душы змог след аставіць.
Мне сёння сумна, горка досыць.
Паплач і ты са мною, восень.

¹Асяніны — вечар восеньскіх Дзядоў.

Мы з ёй — дзве зоркі ў Сусвеце —
Дзве таямніцы ў гэтым свеце
Між незавершаным і вечным,
Між недасяжным і часовым,
Між неакрэсленым і ясным
Ў бяздонні мараў і жаданняў.
Ды ў нас — зямныя парыванні:
На вуснах — хмельны водар кветак,
Ды лучнасць рук і лучнасць сэрцаў,
І лучнасць цел — пяшчоты хвалі...
Мы зорку новую запалім.

Варушыць памяць напамінак

Я ведаю, не раз згадаеш,
Якое лета то было:
Мы з ёй — шчаслівыя, кахалі —
Зайздросціла ўсё сяло.
Другі развеяў шчасце гэта,
Яму даверылася ты,
І панясло з сабою лета
Удалячынь і назаўжды.
Варушыць памяць напамінак.
Прайду праз дзень, прайду праз ноч
І акунуся ў бляск расінак,
Што ранак сонечны прынёс.
А можа, гэта не расінкі,
Бо саланеюць на губах,
Мо — развітальныя слязінкі,
Што ціха стынуць на шчаках.
А лета, што тады спявала,
Далёка збегла за сяло
Ды павуцінкай тонкай стала
І з павучкамі адплыло.

Салдацкая ўдава

Былой суседцы Ганне Аляксееўне
Дземідовіч прысвячаю

У парошах далёкіх нягод
Вецер песні вайны разгубіў,
На прасторах палаткаў і вод
Новай песні навеяў матыў:
Дзе калісьці аюпы былі,
Родзіць жыта, буяе трава.
Дажывае свой век у сяле
Бабка Ганна — салдатка-ўдава.
Ўсе надзеі згубіла даўно,
І даўно ужо слёз нестае,
Хоць ля тэлеэкрана адно
З сумама плача надзея яе.
Мо пакажацца дзе? Не відаць.
Нават вечар стаміўся, прыстаў.
За гадамі — жыццёвая гладзь.
А салдат яе песняю стаў.

Адпраўлена на пенсію вайна
І болей не грыміць і не трывожыць,
А для мяне яшчэ крычыць яна
Маленькім хлапчуком на раздарожжы.

Як рэдка цяпер
у палескія хаты
прыносіць дзяцей
белы бусел цыбаты!
Затое штотыдзень
у вёсцы памінкі,
праз годзікаў дваццаць —
па вёсцы памінкі.

Вядома, у прыродзе ўсё часова:
І птушкі, і звяры, і чалавек,
Ды толькі бессмяроцце мае мова,
Яна народу дадзена навек.
Маёй жа, беларускай, шлях пакутны
Уратавалі людзі ці сам Бог.
Яе, бы на сцяжыне той трыпутнік,
Знявечылі, стапталі да знямог.
Ды, як бы ні тапталі падарожнік,
Ён лісце выпрамяе зноў, цвіце.
Вясной ён зноў на сцежцы прарасце
І распрастае лісце пераможна.

Калі б падняўся
з таго свету Колас
і ўбачыў, што зрабілі
з нашай мовай,
не толькі закрычаў бы
ва ўвесь голас,
а ўсім кіраўнікам
паскручваў бы
галовы.

Быў беларус — знікае беларус

Сказаў хтось: «Памяць узвышае нас...»
Няпраўда — памяць гіне і канае:
Пры гэтым пакаленні, у наш час —
Паклон чужому, хоць сваё знікае.
Ты песню беларускую пачні,
Падхопіць хто? Беспамяцтва заела,
Ды і радні згубілі карані.
Тлум і віно ўсім розум адалела.
Быў беларус — знікае беларус,
Бязмоўным кожны з нас цяпер стаецца.
Квітнела Беларусь, нібы абрус,
Радном, здаецца, шэрым застаецца.

Хай не стыгне ласка

Я ў сінь вачэй тваіх дзіўлюся,
Бачу ў іх прыгожых нас і юных,
І каханне, што звінела маем,
Шчэ й цяпер гучаць суладна струны.
Ўсё з табою папалам дзялілі,
Як магли: і радасць, і трывогі.
А на твары праляглі маршчынкі —
Гэта знакі пройдзенай дарогі.
Павуцінкі бабінага лета
Густа ў валасы твае ўпляліся.
Адляцелі дзеці, нібы птушкі,
Мы ж з табою шчэ не нажыліся.
Нашы вёсны паўтарацца ў дзедях.
Хай не стыгне ласка пад вятрамі.
Ну а павуцінкі, баразёнкі —
Гэта наша восень бродзіць з намі.

Равеснікам

*Калі табе гадоў капа — чакай папа.
Прымаўка*

Ну хто сказаў, што ў шэсцьдзясят
Жыццё пражыта беззваротна
І твой канчаецца прасцяг?
Чуць гэта прыкра і гаротна.
Так, пасівела галава,
Так, мы прыкметна пастарэлі,
Падводзім вынікі жніва,
Узважваем, ці жыць умелі.
Ды рана нам, сябры мае,
Да пажыццёвай пераправы.
Фінал пакуль не настае,
На скон пакуль не маем права.



Амаль год на Кобрыншчыне дзейнічае італьянская аграфірма. Яна паўстала на месцы адной з самых адсталых гаспадарак рэгіёна. У суседнім Пружанскім раёне другі год спрабуюць атайбавацца кітайскія раслінаводы. Для Беларусі — выгода ці экзотыка?



Сямён Печанко,
Залесе — Шчарчова — Мінск

Першапачаткова я задумаў зрабіць рэпартаж пра так званы «кітайскі калгас» у вёсцы Шчарчова на Пружаншчыне, дзе другое запаркітайскае прадпрыемства спрабуе вырашчваць гародніну. Па інфармацыю звярнуўся да свайго сябра, які жыве ў тых мясцінах. «Кітайцы? Ведаю, быў у іх колькі разоў. А я ж сам у італьянцаў працую, у Кобрынскім раёне. Прыязджай — пакажу і раскажу, як яны тут працуюць». Чаму б не? Калега бярэ відэакамеру, і мы выпраўляемся ў падарожжа. Першым пунктам нашага маршруту стала вёска Залесе, што ў лічаных кіламетрах ад леташняй сталіцы Дажынак.

«А што вы хацелі ўбачыць — партрэт Берлусконі?»

Залесе сустракае прыдарожным крыжам і шылдай, з якой вынікае, што першая згадка пра паселішча датуецца 1563 годам. Здымаем на відэа шылду, бурты цукровых буракоў наўзбоч дарогі. У гэты момант міма нас колькі разоў праязджае навуаткі джып. Спыняецца нарэшце. Кіроўца і пасажыр неславянскай знешнасці, у запыленай рабочай вопратцы, на ламанай расійскай мове пытаюць, што мы робім. Пры слове «журналісты» насцярожанаць на іх тварах саступае месца шырокім усмешкам. Нас запрашаюць у кантору і абяцаюць распавесці пра ўсё!

Кіраўніцтва італьянскай аграфірма месціцца ў двухпавярховым будынку стандартнай вясковай канторы. Побач і сельсавет, і пошта. У падвале канторы прыватнік адчыніў краму з патрыятычнай назвай «Нашы вытокі». Перад будынкам, як напамін пра італьянскі паход 1799 года — помнік генералісімусу Сувараву. Яго імя ў часы Другой сусветнай вайны насіў мясцовы партызанскі атрад. Фасад дома культуры, які стаіць побач з канторай,



Уладзімір Марчук і Аліва Дыега ў канторы



Італьянцы ўсю тэхніку прывезлі з сабой

упрыгожаны фрэскамі з выявай Францыска Скарыны і сцэнамі з купальскай ночы. Праз дарогу — прыпынак, з якога можна выправіцца на гарадскім аўтобусе ў блізкі Кобрывн.

Са сцяны прасторнага і халаднаватага кабінета дырэктара аграфірма глядзіць партрэтны Лукашэнка. «А што вы хацелі ўбачыць? Партрэт Берлусконі і сцяг Італіі?» — смяецца мой сябар Уладзімір Марчук, які працуе тут намеснікам дырэктара фірмы па вытворчасці. Ён расказвае нам, як і чаму на Кобрыншчыне з'явіліся італьянцы.

4000 гектараў зямлі і 7 мільярдаў пазык

Італьянская аграфірма «Бісала Габрыэле Фарм» паходзіць з Вероны, мае філіялы на радзіме і ў Чэхіі. Займаецца вытворчасцю мяса-малочнай прадукцыі, вырошчваннем садавіны і гародніны. У Беларусі аднайменнае замежнае таварыства з абмежаванай адказнасцю з'явілася ў снежні мінулага года.

Чаму менавіта ў нас? Бо беларусы, што працуюць на італьянскіх і чэшскіх палетках фірмы, зарэкамендавалі сябе найлепшым чынам, кажуць у Залессі.

У сваёй краіне і ў Чэхіі італьянцы зазналі праблемы з арашэннем. Таму, аб'ездзіўшы ў пошуках прыдатнага месца ўсю Брэсцкую вобласць, абралі СВК «Быстрыца», зямлі паміж Мухаўцом і Днепра-Бугскім каналам. Нягледзячы на «імклівую» назву, гаспадарка апынулася ў самым хвасце абласнога спісу паказчыкаў. Як вынік, разам з больш як 4000 га зямлі інвестар атрымаў у спадчыну лядашчы парк тэхнікі і 7 мільярдаў рублёў пазык.

Новае сям'ягаспадпрыемства не мае пакуль нават фірмовай шыльды. Грушы ідуць на больш важнае — інвестар набывае тэхніку і абсталяванне для арашальнай сістэмы.

Дарэчы, фірма ідзе па пратаптанай землякамі сцежцы: у Івацэвіцкім раёне другі год дзейнічае італьянскае прадпрыемства «Белагракультура». Як і «Бісала Габрыэле Фарм», яно таксама паўстала на базе заняпалай гаспадаркі з «хвастом» пазык у 3 мільярды рублёў.

«Працаваць усюды цяжка»

Пакуль Уладзімір Марчук расказвае нам пра справы аграфірма, у пакой зазіраюць самыя розныя людзі — ад механізатара да ўчастковага міліцыянта. Пабачыўшы камеру, на секунду губляюцца. Потым прыходзяць італьянцы — дырэктар фірмы ў Беларусі Тыёца Фабрыцыа і яго памочнік Аліва Дыега. «Ці цяжка працаваць у Беларусі?» — пытаем. Італьянцы на хвіліну задумаліся: «Працаваць, калі працаваць паспраўднаму, цяжка ўсюды».

Уражвае веронцаў памер іх беларускай фірмы: у Італіі ды Чэхіі іх землі вымяраюцца сотнямі гектараў, а тут цэлыя чатыры тысячы. Італьянцы хутка адаптаваліся да жыцця сярод беларусаў, але па сваіх сем'ях, якія засталіся на радзіме, натуральна, сумуюць. Аднак на доўгае настальджы ім нестае часу. Дырэктар працуе нароўні з іншымі. «У мяне вопратка чысцейшая, чым у начальніка. Падумаюць, што я тут самы гультай», — смяецца Уладзімір, фатаграфуючыся для прэсы з італьянцамі.

Якія ж вынікі першага сезона «Бісала Габрыэле Фарм» у Беларусі? Пшаніца, піваварны ячмень і кукуруза далі добры ўраджай, нават удалося перавыканаць дзяржаўнае заданне (яно пакуль што распаўсюджваецца і на замежнае прадпрыемства, але часова, кажуць у «Бісала Габрыэле Фарм»). А рапс і цукровікі не ўрадзілі. На прадукцыю італьянцаў ужо прэтэндуюць пакупнікі з Расіі і Украіны.

Адзін «Беларус» сярод «Джон Дзіраў»

На мехдвор іздём з намеснікам дырэктара Андрэем Парычэўскім. Ён ездзіць на працу з Брэста. Раней у «Быстрыцы» было трохі старой



Італьянскі «Тэрмінатар»



Суво­раў — як напамін пра італьянскі паход 1799 года

тэхнікі. Новыя гаспадары прыгналі з Італіі з дзясяткаў трактароў з прычэпнымі агра­гатамі, некалькі адзінак спецыяльнай тэхнікі, дажджавальную ўстаноўку. Сярод на­вю­ткіх машын у ан­га­ры ўзвышаецца савецкі «кі­ра­вец». «Па­куль не вы­зна­чы­лі­ся з яго­ным лё­сам — ці ра­ман­та­ваць, ці пра­даць», — ка­жа Ан­дрэй Фё­да­ра­віч. Ін­шай ай­чы­н­най ці «са­ю­знай» тэх­ні­кі на мех­д­ва­ры не від­но. «А як жа лозунг: «Куп­ляй белару­скае»? Не за­ах­во­ча­юць вас пад­тры­маць МТЗ?» — цікаў­лю­ся ў на­мес­ніка. Той ка­жа, што ад­на­го «Бе­ла­ру­са» та­кі на­бы­лі — пра­цуе на ма­ло­чнай фер­ме.



Залескі ДК з шыкоўнымі фрэскамі

Сярод механізатараў-беларусаў завіхаецца чарнявы мужчына ў фірмовым камбінезоне. Італьянец працуе на найбольш складаных агра­гатах. З мясцовымі калегамі, як і яго начальнікі, паразумеўся хутка. Калі нестася словаў, дапама­гаюць жэсты.

«Беларусам трэба дыктатар»

Самае цяжкае ў працы на замежным прадпры­емстве — змяніць псіхалогію мясцовых супра­цоўнікаў, кажа Марчук. «Мы выгадалі цэлае пакаленне халяўшчыкаў: людзям далі бясплатную адукацыю, потым працу. Ды яшчэ ў бясплатныя дамы пасялілі. І як іх можна пасля гэтага пры­му­сіць працаваць, калі чалавек можа ўсё кінуць, паехаць у суседнюю гаспадарку і атрымаць там такое самае бясплатнае жылло і працу?»

Са сваёй ініцыятывы італьянцы не звольнілі ніводнага работніка былога СВК. «Усім далі маг­чы­масць працаваць, злосных парушальнікаў дыс­цы­пліны ўга­вор­валі да апошняга», — ка­жа Мар­чук. Але ўтры­ма­лі­ся не ўсе. І гэта пры тым, што па­мер заробкаў у некалі адсталай гаспадарцы ско­чыў на трэцяе месца ў раёне, а супрацоўнікі зай­ме­лі рэальны вы­ход­ны па нядзелях. Сёння ў фірме стала пра­цуе больш за сем­д­зе­сят чала­век, яшчэ ка­ля тры­ццаці запра­шаюцца сезонна.

«Парадокс, але мне даводзіцца прымушаць сваіх падначаленых зарабляць больш! — дзівіцца Уладзімір. — У нас працуеш болей — адпаведна маеш вышэйшы заробак».

І ўсё ж сітуацыя пакрысе змяняецца. У гаспа­дарку актыўна пацягнулася моладзь, нават з Ко­брына едуць. Марчук дзеліцца назіраннем: у вёсках, дзе створаныя чалавечыя ўмовы працы і за яе няблага плацяць, жыццё віруе.

Другая кітайская спроба

Дзякуючы кітайцам, вёска Шчарчова на Пружаншчыне не выходзіць з-пад увагі СМІ: за гэты час тут ужо другая кітайская кампанія спрабуе займацца вырошчваннем агародніны. Летась га­зеты пісалі пра фірму «Шэнян», якая арандавала на гэтыя мэты зямлю ў Шчарчоўскім сельсавеце, а таксама пра амбітныя планы збудаваць пад Пружанамі комплекс з некалькіх сотняў цяпліц. Скончылася тая гісторыя тым, што кітайцы з «Шэняна», падманутыя сваім інвестарам, не мелі грошай нават на квіток і рушылі пешшу ў Мінск шукаць праўды.

Цягнікі з кітайскімі цяпліцамі, пра якія гаварыў пасол Беларусі ў Кітаі Анатоль Тозік, да нас дагэ­туль не патрапілі.

У гэтым годзе тую ж зямлю ў Шчарчове аран­давала новая кампанія — «СінБелАгра». Займацца вырошылі таксама гароднінай. Гэтым разам прыехалі паўтара дзясятка кітайцаў — у разы менш, чым летась. Ім дапамагаюць беларусы. Па



Кітайская салата ў Шчарчове

вясковых мерках кітайцы пляцяць шчодро: каля 30 тысяч рублёў за працадзень.

«У іх сёлета атрымаўся неблагі ўраджай салаты і морквы, а вось памідоры пагнілі. Былі праблемы з пустазеллем — такога кітайцы яшчэ не бачылі. Дапамог Інстытут аховы раслін», — раскажаў Уладзімір Марчук, які цікавіцца «канкурэнтамі» ды часам заяджае ў Шчарчова.

Яшчэ ў Залессі нам распавялі, што летась прадукцыя першай кітайскай фірмы не прайшла хімічнага кантролю. Нібыта ў пагоні за хуткім і багатым ураджаем кітайцы не пашкадавалі ўгнаенняў і пестыцыдаў. Мы вырашылі пабачыць «кітайскі» калгас на свае вочы.

«Мая твая не панімай»

Да Шчарчова вядзе вузкая дарога, на якую трэба збочваць з прамой, як страла, трасы Брэст — Пружаны. Кітайскія палеткі пачынаюцца яшчэ да вёскі: з паўдзясятка чалавек нетаропка працавалі пасярод поля, засаджанага нечым падобным да



Парнікі

капусты (кітайскай салатай, як высветлілася пазней). Пайшлі знаёміцца. І дзівімся на кітайскія цяпліцы: на ўскрайку поля стаіць каркас парніка, зроблены... з сасновых бярвенняў. На суседнім полі, за палявой дарогай і меліярацыйнай канавай, бялеюць парэшткі іншай будаванкі. Падобна да шкілета гіганцкай дагістарычнай істоты.

Кітайцы пры нашым набліжэнні ўстаюць і пачынаюць нешта выкрыкваць. Іх шасцёра, у руках нажы. Робіцца ніякавата. Яны не разумеюць ні рускай, ні англійскай ці робяць выгляд, што «мая твая не панімай». Не дабіўшыся толку, сыходзім, каб агледзець палеткі.

Кавалак зямлі, аддадзены кітайцам, падзелены меліярацыйнымі каналамі на чатыры ўчасткі. Зразумець, што вырошчвалася на трох бязлюдных, цяжка. На адным, парослым па пояс пустазеллем, адшукаліся шэрагі ўчарнелых раслінаў, падобных да таматаў.

Падыходзім да канала. На беразе ляжыць выкарыстаная ёмістасць ад гербіцыдаў са жме-



Былая вайсковая часць

най белых гранулаў на дне. Яшчэ адна кайстра проста ў вадзе. Такое водзіцца і за беларускімі гаспадаркамі, але вялізныя штрафы ад прыродаахоўных ведамстваў прымушаюць рабіць гэта не так нахабна.

Прычыны разбурэння парніка, які здалёк нагадваў дыназаўра, робяцца зразумелымі на месцы: элементы каркаса, зробленыя з палімерных трубак, мацаваліся... капронавым шпагатам. Што тут вырошчвалася, і ці вырошчвалася ўвогуле, мы так і не высветлілі.

Ураджай за калючым дротам

На полі з'яўляецца трактар, на яго пачынаюць грузіць салату. Кіруемся туды, адкуль трактар прыехаў. Кажуць, што недзе там месціцца кантора «СінБелАгра». Дарогу падказваюць салатныя лісты.

Трапляем на тэрыторыю гаражоў былой вайсковай часці. Тут пануе запусценне. Праз акно кантрольна-тэхнічнага пункта заўважаем разасланы ложкак. На падваконні — пакункі таблетаў

з іерогліфамі, зубачысткі, кітайскія гумовыя боты і пляшка ад гарэлкі «Беларусь сінявокая».

Сляды з салаты вядуць нас да ангараў. Над галавой шумяць хвой. Пад адной з іх знаходзім чарговую кайстру ад «хіміі». Даходзім да падвойнай агароджы з калючага дроту. За дротам — ангары з ураджаем. Пра тапаная сцежка кіруе да дзірак у «калючцы» — у рост чалавека.

У боксах дзе-нідзе няма дзвярэй. Проста на зямлі, насыпам, у некалькі гурбаў зваленая морква. Частка ўраджаю запакаваная ў сеткі і накрытая цэлафанам. Пасярод ангара — патухлае кастрышча. На парозе ляжаць звялыя грыбы, пакусаныя яблыкі і морквіна. За боксамі ў некалькі шэрагаў бялеюць знаёмыя ўжо «дыназаўры».

Шукаем кіраўніцтва. На парозе адной з былых казармаў сустракаем мужчын. Яны працуюць не з кітайцамі, але побач — на адным з прадпрыемстваў, адчыненых на тэрыторыі былой вайскавай часці. Тут дзейнічаюць невялікая мэблевая фабрыка і швейнае прадпрыемства, што вырабляе спецвратку і абутак.

Выпраўка і манера гаварыць выдаюць у дзядзьках іх магчымае вайскавае мінулае: многія з адстаўнікоў знайшлі тут працу пасля расфарміравання часці. Яны падказваюць нам дарогу да кітайцаў. Кантора замежнікаў знаходзіцца ў былой салдацкай чайной.

Каб мы так працавалі, як кітайцы...

Але і тут няўдача! Дзверы зачынены з сярэдзіны, у памяшканні нехта грукае, але на нас ніяк не рэагуе. На падлозе аднаго з пакояў стаяць вагі, на іх — ці то капуста, ці то салата.



«Калючка»

Ідзём у вёску, каб распытаць у мясцовых пра суседства з іншай культурай і побытам.

«Каб мы так працавалі, як кітайцы, то даўно б жылі, як у раі», — кажа немалады мужчына. Ён характарызуе замежнікаў як надзвычай працавітых і згадвае пра высокія заробкі, якія ў кітайцаў можа атрымаць кожны ахвочы. Побач спыняюцца «Жыгулі», з іх выходзіць мужчына, які прадстаўляецца старшыней сельсавета. Не адразу пагаджаецца гаварыць пра кітайцаў. Потым усё ж кажа, што кітайцы ўжо згортваюцца, збіраюць рэшту ўраджаю. І дадае, што ў наступным годзе яны зноў будуць вырошчваць гародніну.

Старшыня расказвае нам пра новыя прадпрыемствы на тэрыторыі былой часці, паўтараючы пачутае ў Залесі: жыццё ў сучаснай вёсцы трымаецца пры наяўнасці працы, інфраструктуры і магчымасці нармальна адпачыць. Шчарчова, на яго думку, гэтым крытэрам адпавядае.

«Нам яны не перашкаджаюць, працуюць сабе і нашым даюць зарабіць», — расказвае дзядзька, што выйшаў з крамы. Сам ён на кітайцаў не працаваў, але чуў, што заробкі ў іх прыстойныя.

Наведванне «кітайскага калгаса» ў Шчарчове пакінула падвойныя ўражанні. З аднаго боку, часцей за ўсё мясцовыя выказваюцца пра кітайцаў прыхільна-нейтральна: і працавітыя, і не лезуць у справы аўтахтонаў, і зарабіць даюць. З іншага боку, не многія з тутэйшых спяшаюцца на працу ў «СінБелАгра».

Хочацца памыліцца, але ўбачанае за гэты кароткі адрэзак часу стварае адчуванне пэўнай імітацыі. А можа, гэта толькі пачатак? Кітайцы абяцалі вярнуцца...

Фота аўтара



Морква ў боксах ляжыць проста на зямлі



Почему «60»?

Накануне президентских выборов тема социальной защиты населения (от младенца до убеленного сединами ветерана) стала главной в выступлениях всех державных мужей. О необходимости повышения пенсионного возраста, которая активно обсуждалась еще два года назад, больше вообще не говорят.

Однако нет сомнения — в случае очередной «элегантной победы» эта абсурдная задача будет решена.

Но почему эта задача абсурдна?

СССР, всегда гордившийся особой социальной защищенностью своего населения, предоставил народу право на пенсию по старости лишь в 1956 г., намного позже, чем это сделали в «буржуазных странах». Советским колхозникам старость стали оплачивать лишь с 1964 г., т. к. до 1963 г. учет их заработной платы велся в «трудоднях» и начислялись за это «палочки».

В лучших традициях введение пенсионной системы преподносилось пропагандой как результат достигнутых под руководством партии и правительства экономических успехов и как свидетельство неустанной заботы о росте народного благосостояния. Все объяснялось «объективным действием» основного экономического закона

социализма, когда благосостояние народа реализуется как цель. Многие, однако, вследствие недостатка жизненных сил до светлых дней пенсии просто не доживали.

На самом деле «советский» пенсионный возраст был ниже, чем в большинстве развитых стран. На этом тоже наживался изрядный идеологический капитал. Мол, наши пенсионеры выходят на заслуженный отдых вполне молодыми и здоровыми (всячески этому сопротивляются — тема многих художественных произведений и социально-психологических трактатов), а тамошних вырабатывают до полного износа. И этим гордились как доказательством несомненного преимущества социализма над



Константин
СКУРАТОВИЧ

капитализмом. Но на самом деле границы пенсионного возраста определялись средней продолжительностью жизни, а также установленными статистическими методами крайним сроком полной потери трудоспособности. Переступив этот рубеж, работник болел настолько часто, что оплата больничных листов превышала размер стоимости продукта, создаваемого его трудом. А средний советский человек жил намного меньше европейца. И женщины, и мужчины. Но особенно мужчины.

Так что пенсионный возраст можно было бы и увеличить (этот вопрос всегда вызывал живой интерес заинтересованных структур), но продолжительность жизни росла не так быстро, как, допустим, объемы выплавки чугуна или производства цемента. А среди отдельных категорий населения она падала. Даже приняв как руководство к действию сентенцию про то, что экономика должна быть экономной, нельзя было сокращать численность пенсионеров простым вычеркиванием из списков тех, кто стал бы умирать на производстве по причине увеличения пенсионного возраста.

Сейчас средняя продолжительность жизни мужчин и женщин еще более сократилась. Поэтому нет никаких предпосылок для увеличения пенсионного возраста. В противном случае это будет равносильно упразднению всей пенсионной системы. Для большинства работающих. Но, если говорят, значит, есть необходимость, есть определенные трудности. Правда, в других государствах тоже бывают трудности, но их обычно преодолевают более гуманными способами.

В Беларуси и в России в преодолении подобных проблем решающая роль отводится объективным условиям. О том, каковы они в настоящее время, точно, хоть и образно, выразился бывший российский министр труда и социального развития Михаил Зурабов: «Средств в пенсионном фонде достаточно, если мы считаем, что мужчины у нас будут доживать до 59 лет».

Но поскольку среди мужчин попадаются и такие, кто доживает до 70–80 лет, то, как можно понять Зурабова, нет никаких серьезных возражений против того, чтобы увеличить пенсионный возраст.

По понятным причинам пенсионеры являются основной и самой многочисленной категорией населения, подлежащей государственному попечительству. По состоянию на 1 января 2008 г. на учете в органах по труду и соцзащите в Беларуси стояло 2 млн 591 тысяча пенсионеров, и их численность с 1985 г. увеличилась на 434 тысячи. Пик был достигнут к началу 90-х: на 1 января 1993 г. количество пенсионеров возросло до 2 млн 605 тысяч, — а после постепенно пошло на убыль и к 2008 г. уменьшилось на 14 тысяч. Это стало очевидным итогом общего сокращения численности

населения Беларуси, обусловленного не только падением рождаемости, но и уменьшением средней продолжительности жизни по причине увеличения смертности преимущественно людей в нетрудоспособном возрасте.

То есть никаких демографических взрывов «с отрицательным знаком» (резкого увеличения количества пенсионеров) в Беларуси не происходит. Более того, по официальным данным численность занятых в экономике, приходящихся на одного пенсионера, даже несколько повысилась: в 2008 г. она составила 1,71.

Таким образом, общая ситуация могла бы выглядеть и получше, но она остается стабильной, что хорошо уже само по себе, поскольку явно не угрожает пенсионной системе обвалом. Иными словами, в Беларуси в настоящее время есть необходимые и достаточные предпосылки не только для повышения размеров пенсий (в силу их обусловленности перспективами прогрессивного развития всей экономики), но и для глубокого реформирования пенсионной системы с учетом демографической ситуации, которая возникнет в будущем.

С другой стороны, такая ситуация не требует экстравагантных политических решений в виде повышения пенсионного возраста, но дает повод задуматься о пенсионной реформе. Тем более что необходимость в этом давно назрела. Например, в 1987 г. средний размер назначенной пенсии в СССР составлял 45 процентов от средней заработной платы. Это соотношение было признано совершенно ненормальным. Для исправления ситуации было предложено осуществить пенсионную реформу, которая, среди прочего, решала бы и задачу адаптации работника к изменяющимся социально-экономическим условиям. В скором времени это конкретизировалось в программном заявлении руководства страны о переходе к рыночной экономике. В Беларуси в январе 2010 г. средний размер пенсии, назначенной органами по труду, занятости и социальной защите населения, составил 468,2 тыс. рублей, что равнялось 46,8% от средней заработной платы. В 2009 г. соотношение начисленных пенсий и среднемесячных заработков было еще более удручающим: например, в августе того года пенсия составила всего 37,6% от средней зарплаты по народному хозяйству.

Мы не спрашиваем, почему так плохо, и не собираемся выслушивать комментарии на сей счет. Мы констатируем: наличное состояние пенсионного обеспечения населения Беларуси по сравнению с советскими временами существенно ухудшилось.

Поэтому «отдельные заявления отдельных руководителей» о необходимости ужесточения пенсионной практики выглядят откровенно неискренними, а, возможно, и циничными.

В свою очередь президент Беларуси тоже любит ссылаться на опыт «развитых стран», где пенсионный возраст выше, чем в Беларуси. Но при этом всегда держит пропагандистский козырь за пазухой: мол, я на такое не пойду, хоть меня и склоняют. На самом же деле повышение пенсионного возраста сдерживается низкой средней продолжительностью жизни населения, которая не растет, а падает. В 1970–71 гг. ожидаемая продолжительность жизни составила 72,5 года (68,1 у мужчин и 76 у женщин), что в то время почти соответствовало европейским стандартам. В 2005 г. — 68,8 года (62,8 и 75,1 соответственно).

Женщинам, вроде бы, пенсионный возраст можно и повысить. А для мужчин такая мера будет равносильна упразднению пенсионной системы вообще. То есть возможностей для маневра нет никаких.

Кстати, в настоящее время средняя продолжительность жизни в «старых» европейских странах превысила 80 лет. Женщины здесь живут дольше, но и мужчины успевают разменять восьмой десяток.

В 2008 г. на одной из пресс-конференций для российских журналистов Александр Лукашенко, рассказывая о достижениях и проблемах жителями белорусских пенсионеров и, должно быть, высоко оценивая успехи своей социальной политики, отметил: «Сегодня в России и Беларуси назрела необходимость повышения пенсионного возраста — не 55 и 60, а 60 и 65. В самых богатых странах Европы так и есть».

Действительно, там пенсионный возраст выше, но лишь потому, что люди не только дольше живут, но и дольше сохраняют трудоспособность. И большинство граждан идут на заслуженный отдых, имея гарантированный и высокий доход. Западные пенсионеры в старости предаются развлечениям, на которые в молодости недоставало времени и средств. Наши же трудятся «на дачах», пытаются таким примитивным способом заработать хоть какие-то гроши сверх нищенских пенсий. Западные пенсионеры путешествуют по миру и таким образом поддерживают экономику различных экзотических стран, а наши старушки занимаются «индивидуальным предпринимательством», торгуя зеленью с собственных грядок (когда это разрешает милиция).

Если сильно беспокоит рост численности пенсионеров, то необходимо поощрять занятость лиц пенсионного возраста. Но вот что белорусский лидер сказал о работающих пенсионерах, когда рассматривал вопрос упорядочения социальных льгот: «Им пошли навстречу — получаешь пенсию и имеешь возможность устроиться на работу, так они еще хотят в общественном транспорте бесплатно ездить». Это заявление

свидетельствует о непонимании сущности вопроса или о неготовности ее понимать. Работающий человек в любом возрасте — это и есть основное богатство страны, а все остальное — государство, правительство, президент — это только инструменты, если хотите, вспомогательный материал для его работы.

Если даже учитывать напряженное состояние рынка труда, места на котором нужно обеспечивать прежде всего молодежи, то только в исключительных случаях работающие пенсионеры и молодые «новобранцы» конкурируют между собой за свободные вакансии. Очевидно и то, что большинство работающих пенсионеров занимают свои, а не чужие рабочие места. Например, специалисты сельского хозяйства или учителя в тех далеких уголках, до которых не могут доехать по распределению даже члены БРСМ — выпускники бюджетных отделений. А ведь и в городах существует множество вакансий, которые по причине своей малой привлекательности не могут быть заполнены более молодыми людьми. Зарботки такие, что на них не проживешь. А вот получая пенсию — можно исхитриться.

И вообще, надо больше уважать людей. А это невозможно без уважения к источникам их доходов и самим доходам. Утверждают, что на помощь государства смогут рассчитывать только самые бедные. А работающие пенсионеры к их числу не относятся. На самом деле — не относятся. Но самые бедные у нас — бомжи, и они совершенно исключены из системы государственного попечительства. К ним и отношение такое — как к мусору. Но ведь к формированию пенсионного фонда государство имеет очень косвенное отношение, и поэтому должно испытывать к нему особый пиетет. В силу обстоятельств оно получило возможность контролировать формирование и использование этого фонда. И всё! Однако власть, злоупотребляя традиционной вседозволенностью в том, что касается чужой собственности, рассуждает и действует по своему усмотрению. Часто вопреки социально-экономическим реалиям.



Игорь КУЗНЕЦОВ

НКВД — гестапо: брак по расчету

Ужасное требует объяснений. Сталин и Гитлер. Гром оваций в СССР и Германии, где необычайно устрашающее влияние быстро приобрели НКВД и гестапо. Миллионы жизней, утративших смысл и цену. И уничтожение людей, ставшее обыденностью, превращенное в универсальный способ «решения проблем» между человеком и властью.

Был ли смысл в этих кровавых спектаклях, и почему они пользовались таким успехом у современников? Есть ли граница террора, переступив которую тираны теряют авторитет в глазах сограждан? О чем думали и что чувствовали те, кто голосовал за диктаторов, не зная — или зная? — что завтра окажутся в камере пыток? Во что верили десятки миллионов людей, которые ждали своей участи, в то время когда миллионы уже были уничтожены?

Мыслим ли другой конец диктатуры, кроме смерти самих диктаторов? И, наконец, самый важный и самый трудный вопрос: где искать гарантии, что все это вновь не повторится?

Сознание, пытающееся понять, что случилось с нашей (да и не только с нашей) страной, застывает перед подробностями кровавого террора, многозначными цифрами потерь и зловещими фигурами убийц. Гнев и страх парализуют нас, и вместо взвешенного анализа слышатся проклятия.

Многие говорят, что здесь нужна не наука, здесь требуется свой Нюрнберг. Но осудить террор и поставить памятники его жертвам недостаточно. Памятники можно уничтожить, можно заставить забыть тех, кому они поставлены. Поэтому только осмысление и понимание могут сорвать с тоталитарной власти ее мистический покров и дать если не гарантию, то шанс, что прошлое не воскреснет. Иначе какой-нибудь новый энтузиаст тоталитаризма сможет воскресить его в непривычном облике, и мы слишком поздно поймем, что запреты на алкоголь и курение не так уж сильно отличаются от знаменитой трубки и любви к хорошим грузинским винам. Безусловно, важно понять, что «Сталин умер вчера», но еще важнее разобраться, почему Сталин «жив» и сегодня.

Роковая любовь

Любовь к вождю представляется наиболее последовательным воплощением тех искажений картины мира, которыми живет тоталитарная личность. Чары еще действуют. Немалое число наших современников, несмотря на все разоблачения, продолжают испытывать по отношению к Сталину чувства поклонения и любви. Не менее ужасно и то, что есть люди, которые равнодушно

относятся к личности генералиссимуса, но они готовы отдать свою преданность новому тирану, в каком бы обличье он ни появился. Это не просто мечта о сильной власти, это мечта о любви к ней.

Конечно, искать рациональные объяснения любви одного человека к другому бессмысленно, вопрос: «*За что ты ее (или его) любишь?*» — не имеет ответа. Однако в межличностных отношениях крайне редко встречаются случаи, когда страстную и устойчивую любовь вызывает тот, кто постоянно унижает, обманывает, грабит, избивает и эксплуатирует тебя. Такого рода феномены скорее относятся к компетенции психиатрии. Любовь же народа к диктатору — явление слишком распространенное, чтобы просто отмахнуться от него, отнеся к «*тайнам человеческой психики*», подавшейся харизме или массовому психозу.

Любовь является исключительно важным механизмом установления и поддержания тирании. Вождя не просто боятся, не просто признают его власть разумной и целесообразной — его любят, боготворят. Если насилие является необходимым условием утверждения диктатуры, то любовь составляет основу ее стабильности. Власть опирается уже не только на развитую систему слежки и подавления, не только на усилия идеологов.

Граждане, несущие на себе весь груз последствий некомпетентной (а в отсутствие обратных связей она неизбежно становится таковой) и жестокой политики диктатора, сами охраняют и его, и всю его систему от малейших проявлений недовольства и, тем более, от «враждебных действий». Фактически охраняют от самих себя. Обеспечив себе любовь народа, вождь получает индульгенцию за любые преступления и ошибки, рабскую благодарность за все, что бы он ни совершил.

Иными словами, он получает абсолютную власть. Гнев народа может обратиться на внутренних или внешних врагов, на бояр или чиновников, но никогда — на священную особу диктатора. Ему не грозит восстание, ему грозит только дворцовый переворот.

Понимая, что любовь — основа их власти, диктаторы заботятся об отношении к себе больше, чем об экономике, жизненном уровне населения и даже обороноспособности. Здесь и старательное формирование соответствующего образа — от сусальных рассказов о юношеских годах и портретов с ребенком на руках до эпических полотен, повествующих о неустрашимости, гениальности и прозорливости диктатора.

Вспомним, как гитлеровские юристы объявили любовь к фюреру юридической категорией. Не любовь к нему стала преступлением. Недаром Оруэлл в «1984» назвал свой вариант НКВД или гестапо Министерством любви. Это не только

смешение всех понятий в условиях диктатуры, это демонстрация того, что тираны требуют не столько послушания, сколько искреннего и страстного чувства.

Гигантский аппарат, созданный Сталиным, как к делу государственной важности относился к уничтожению тех, кто, не планируя никаких действий и вообще не имея возможности их совершать, мог просто не любить вождя и созданную им систему. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи репрессий не только за анекдоты и критические высказывания, но даже за случайные опiski и оговорки в газетах.

Возможно, в этом независимо от воли субъекта и проявлялось его подлинное, вероятно, не всегда осознанное отношение к окружающему миру. Объектом «работы» органов, таким образом, было не поведение — с ним в большинстве случаев все было в порядке, — а именно чувства человека, о которых они параноидально судили с изощренностью доморощенных психоаналитиков. Собственно, преступлением жен и детей «врагов народа» считалось то, что у них были основания не любить лучшего друга всех детей на свете.

Любовь народа дает власти куда большую уверенность, чем бронированные автомобили и неразвитость политических структур, лишаящая людей возможности вмешаться в диалог диктатора с историей. То же требование любви мы находим и на нижних этажах социальной иерархии.

Любви добиваются — и, главное, карают за не любовь — декан факультета и бригадир, учитель и забулочной — каждый, имеющий власть над людьми. И, если подчиненный не хочет неприятностей, он должен убедить начальника не только в своей дисциплинированности, квалификации и прочих полезных качествах, но и в положительном отношении к нему, начальнику.

Объективно любая тоталитарная власть применяет ко всем общие критерии: подданные равны в бессилии и бесправии. Но восприятие власти, психологический смысл государства для индивида мог быть разным: более реалистическим или, наоборот, более культовым и магическим. В субъективном образе власти, сформированном у каждого человека, которому довелось жить в тоталитарном обществе, сосуществуют три способа объяснения своих взаимоотношений с диктатурой: любовь, согласие и насилие.

Палачи обмениваются жертвами

Долгое время историки и публицисты с неловкостью обходили проблемы, связанные с советско-германским договором от 23 августа 1939

года. Да и до сих пор не стихают дискуссии вокруг политической ситуации лета 1939 года. Причин тому несколько. Главная из них — понятное желание постичь суть приведших к войне драматических событий и сделать необходимые выводы для современности. Но есть и другие причины...

Сегодня читателю практически ничего не известно о том, с какой «специфической» целью использовался с 1939 года ряд пересыльных тюрем НКВД в Минске и Бресте.

Декабрь 1939 года. «Нас было двадцать восемь мужчин и три женщины... Все лица от страха казались застывшими. Мы стояли и смотрели на железнодорожный мост, который разделял занятую немцами Польшу и ее часть, оккупированную русскими. Через мост к нам медленным шагом направлялся военный. Когда он подошел ближе, я разглядела эсэсовскую фуражку. Офицер НКВД и эсэовец приветствовали друг друга, приложив руку к козырьку. Из узкой светло-коричневой сумки офицер НКВД вытащил список и стал называть фамилии. В этот момент от нашей группы отделились трое, бросились к энкаведисту и стали что-то взволнованно ему объяснять. Рядом со мной кто-то прошептал: «Отказываются переходить мост!» Один из трех был еврей-эмигрант из Венгрии, двое других — немцы: учитель по фамилии Кениг и молодой рабочий из Дрездена, который участвовал в вооруженной стычке с нацистами, бежал в Советскую Россию и заочно в Германии был приговорен к смертной казни. Конечно же, всех троих погнали через мост...»

Это отрывок из книги воспоминаний Маргарет Бубер-Нойман «Узница Сталина и Гитлера», вышедшей во Франкфурте-на-Майне в 1949 году. Той же теме отдал должное австрийский историк Ханс Шафранек: он «поднял» в политическом архиве германского МИДа соответствующие нацистские документы и опубликовал их в книге «Между НКВД и гестапо» (Франкфурт-на-Майне, 1990). Ширятся возможности и для работы в отечественных, прежде секретных, архивах. Наконец-то мы узнаем некоторые реальные подробности сталинско-гитлеровских игр — до и после пакта 1939 года.

Выдачу немцев, арестованных НКВД, принято связывать с пактом 1939 года. Теперь становится очевидным, что активная высылка (единичные случаи бывали и раньше) развернулась уже в самом начале 1937 года. И до пакта, можно предположить, из Союза в Германию было отправлено несколько сот человек (общее число высланных и выданных — более тысячи).

Как это происходило? Ранней осенью 1936-го германский посол Шуленбург высказывает Молотову и Литвинову пожелание германской стороны, чтобы находящиеся под следствием НКВД

германские граждане, признанные невиновными, или те, против кого имеется недостаточное количество улик, были высланы из СССР. В ноябре 1936 года Шуленбург еще раз обращается к Литвинову с просьбой выяснить судьбу арестованных германских граждан. Советская сторона дает понять, что высылка возможна.

В начале 1937-го замнаркома иностранных дел Крестинский сообщает Шуленбургу, что согласно приговору Особого совещания из СССР в Германию высылаются десять человек.

Практически все это выглядит так: германское посольство обращается в Наркоминдел, который в свою очередь связывается с НКВД. Германское посольство направляет в Наркоминдел списки, в ответ немцам называются имена. Среди высылаемых были и спецы, и политэмигранты, и просто люди, десятилетиями жившие в СССР. Объединяет их только одно — все они арестованы. Как же воспринимали свой приговор сами высылаемые? Были такие, которые считали: если уж сидеть, так у себя на родине, и даже настаивали на высылке. Но очень часто это воспринималось как трагедия.

Иногда высылка происходила и без предварительного ареста. Так было, например, с известным немецким актером Эрвином Гешоннеком. В 1937 году в немецком театре в Одессе он играл как раз роль следователя НКВД, успешно раскрывшего вредительский заговор. Но НКВД ставил свои «спектакли»: труппа была разогнана, Гешоннек исключен из партии и в три дня выслан из СССР, чтобы вскоре оказаться в концлагере «у своих».

После пакта 1939 года ситуация с высылкой меняется. Теперь германское посольство уже не просит и не осторожничает, оно требует: «...настоящие дружественные отношения между III рейхом и СССР несовместимы с тем, чтобы такое количество германских подданных находилось в советских тюрьмах».

11 ноября 1939 года в ответ на настойчивые требования Шуленбурга тогдашний заместитель наркома иностранных дел Потемкин просит его обратиться непосредственно к Сталину и Молотову. 14 октября 1939 года Шуленбурга принял Молотов, который заверил, что займется этим вопросом.

Если в 1937–1938 годах высылали осужденных по приговорам Особого совещания НКВД СССР, то в 1939-м выдавали тех, кто уже просидел 2–3 года в советских тюрьмах и лагерях. Изможденных узников лагерей и заключенных тюрем везли из Орла и Ярославля, Норильска и Воркуты, из Новосибирска и Владивостока и помещали в спецкамеры в Бутырке. Их подкармливали, выдавали кое-какую одежду — подготавливали к передаче. По этапу доставляли в минскую пересыльную тюрьму, а затем уже отправляли в Брест.

И все же, как в 1937–1938 годах, даже в большей мере, эти камеры наполнялись теми, кто имел все основания бояться гестапо.

С декабря 1939 года по апрель 1941-го НКВД и гестапо вступают в непосредственный контакт, отношения между карательными аппаратами двух режимов напоминают игру: партнеры садятся за стол, играют, и каждый старается обмануть другого.

Трудно представить, что происходило с людьми, попавшими в это чертово колесо. Тех, кого собирались выдавать немцам, заставляли как бы становиться агентами НКВД и подписать, например, фиктивные расписки в получении денег, а тем, кто отказывался, угрожали, что дадут на них компромат в гестапо.

Но это еще не означало, что НКВД передавал в руки гестапо всех без исключения германских подданных. Тех, кого можно было эффективно использовать для работы на оборону, не торопились высылать. Для событий тех лет характерна судьба профессора Ф. М. Неттера. В 1934 году он прибыл в СССР в связи с тем, что в Германии как лицо еврейской национальности подвергался преследованиям и гонениям. Первый год он жил в Москве и работал в одной из закрытых лабораторий, выполнявшей оборонные заказы. С лета 1936 года Ф. М. Неттер работал профессором Томского научно-исследовательского института математики и механики. В декабре 1938 года он был арестован Томским горотделом НКВД и доставлен в г. Новосибирск с целью дальнейшей высылки в Германию. Правда, последующие события стали развиваться совсем по другому сценарию.

Ф. М. Неттеру было предъявлено обвинение в том, что он, якобы являясь агентом разведотдела генерального штаба Германии, был заброшен в СССР со шпионским и разведывательным заданием. За совершение «контрреволюционных преступлений» его приговорили к 25 годам тюремного заключения, однако через три года расстреляли в Медведевском лесу под Орлом.

После заключения пакта о ненападении и раздела Польши спецслужбы Германии (СД) в Варшаве и Кракове действовали по указанию имперского министерства безопасности, которое предписывало им вступать в тесный контакт со службами НКВД в Перемышле и Бресте, чтобы гарантировать беспроблемное пересечение границы выдаваемыми.

Война, начавшаяся в июне 1941 года, подвела черту под этим «мирным сотрудничеством». Многих немецких эмигрантов, уже подготовленных к выдаче, не успели довести до Бреста из дальних лагерей, им оставалось досиживать еще с десятков лет. Других постигла участь Неттера. У тех, кого выдали, судьба складывалась по-разному, на сей счет в Германии были

разработаны четкие инструкции: тех, против кого имелся компрометирующий материал, ждал концлагерь, «незапятнанные» и подходящие по возрасту призывались в вермахт, евреи однозначно подлежали депортации в гетто, а оттуда — в лагеря уничтожения.

Два диктатора

Каждый из них заметно отличался своим стилем. Отчасти это было следствием разницы в темпераментах. Сталину была присуща сдержанность, Гитлеру — многословность и переменчивость; Сталин держался в тени, Гитлер легче выигрывал, когда находился в центре внимания.

Сталин полагался на расчет, Гитлер был игроком. Грузин был «государственным мужем», опытным администратором, приучившим себя к регулярной работе; австриец — художником-политиком, ненавидевшим рутину и избегавшим любых решений, кроме самых важных. Различия проистекали также и от несхожести обстоятельств.

Гитлер доверял любому человеку не больше Сталина. Но был менее подозрителен и в 1939 году (пока его главные преступления принадлежали будущему) чувствовал себя увереннее Сталина, лично подписавшего расстрельные списки на более чем 40 000 человек, многих из которых вождь хорошо знал. Еще больше было тех, кого просто расстреляли или бросили в лагеря. Атмосфера в Кремле была гнетущей от страха и подозрений, от мести со стороны Сталина и ответной мести других людей за его будущие преступления.

Стиль различия, но природа власти, которой пользовались оба диктатора, была одна. Это была личная власть, зависящая от человека, а не от поста, который он занимает.

Любители истории часто делают ошибку, предполагая, что Гитлер и Сталин решали все. Но затем добавляют, что в большом современном государстве такое невозможно. Конечно, это так. Обладая личной властью, оба решали, пусть не все — это неоспоримо, — но все то, что считали нужным. Гитлер и Сталин могли принимать решения, ни с кем не советуясь, ни у кого не спрашивая согласия, ни перед кем не отчитываясь. У них не было конкурирующих центров власти, не было влиятельных противников, их не связывали законы. И весьма сомнительно, что их тревожили совесть или чувство жалости.

Наконец, каждый из них обладал — в виде НКВД и СС — гестапо — инструментами, созданными специально для выполнения авторитарных решений, подчинявшимися только им и

использовавшими насилие в любой его форме, включая пытки и убийства. И эти структуры были поставлены над законами или судами.

Перечень этот впечатляет. Но во многих случаях было достаточно, чтобы люди знали, что эти диктаторы обладают такой властью и пользуются ею капризно и непредсказуемо. Как правило, те, кто получал приказы, с готовностью бросались их выполнять.

Здесь следует сделать оговорку. Эффективность стоящего вне критики авторитарического правления зависит от продуктивности и надежности разведывательных служб, которыми располагает властитель. Эта незаменимая функция также осуществлялась НКВД и СС, гестапо и СД.

В 1938–1939 годах у Гитлера было два преимущества. Он находился в большей безопасности, чем Сталин, который только-только пережил период важнейших «чисток». И, как признанный фюрер, Гитлер не нуждался в маскировке своего положения.

Хотя «культ личности» представлял Сталина как вождя со сверхчеловеческими достоинствами. Это было частью фикции, необходимой для того, чтобы он мог по-прежнему претендовать и на марксистско-ленинскую преемственность, и на поистине царские полномочия и почести. При этом должно было казаться, что стихийное всеобщее преклонение смущает человека, вышедшего из народа и не просящего ничего, кроме возможности служить массам и партии как ее генеральный секретарь.

Достижения Сталина были легендарными, прославлялись всеми мыслимыми формами пропаганды и искусства, но власть его не выставлялась напоказ. «Высшее советское руководство» — секрет, многозначительность которого усиливалась тем, что он был известен всем в любом учреждении, но публично никем не признавался.

Власти Гитлера еще предстояло пройти испытания и утвердиться в тех же масштабах, что и власти Сталина, и для этого должна была начаться война. Но уже летом 1939 года германо-советский пакт явил собою образчик авторитарического решения, тем более поразительный, что это был единственный случай, когда оба правителя применили свою власть в совместном действии.

Для каждого из них в этом пакте таилось множество несомненных выгод. Гитлер получил возможность напасть на Польшу, а в случае необходимости — и на западные державы, не опасаясь вмешательства России. Сталин больше не беспокоился по поводу войны с Германией, к которой Россия была плохо подготовлена. Кроме того, ему была тайно обещана половина Польши, а также Германия признала балтийские

государства и Финляндию советской сферой влияния.

При всем этом подобное неприкрытое оправдание произвола под видом интересов государства — особенно, когда секретный протокол нельзя было упоминать, — создавало неудобства для обоих режимов, каждый из которых был связан идеологическими принципами и совсем еще недавно разоблачал своего партнера как воплощение всего, чему сам противостоял.

Одна сторона должна была отречься от крестового похода на большевиков в защиту Европы. Другая — отказаться от союза всех прогрессивных сил, выступивших за коллективную безопасность, — вот что значило взять и подписать пакт о ненападении, который на деле развязывал руки германской агрессии против Польши. Все это должно было стать шоком для преданных сторонников одного и другого курсов.

Такой резкий пируэт могли совершить только два человека, которые были неподотчетны никому, кроме самих себя, которым не нужно было представлять предложения на обсуждение или бояться оппозиции внутри своих партий и которые имели возможность диктовать, каким образом преподнести их действия народу и всему миру.

Несомненно, и тот, и другой обсуждали пакт и протокол с двумя или тремя из своих приближенных, но сделка была завершена, только когда Гитлер направил Сталину личное письмо о том, что препятствия устранены, и когда Сталин лично дал ответ.

Еще более красноречивы некоторые обстоятельства раздела Польши. Когда Сталин предложил иной вариант границы между зонами оккупации, Риббентропу пришлось прервать переговоры и по телефону заручиться согласием Гитлера. Так была решена судьба государства, с которым обе стороны все еще находились в состоянии мира.

Вплоть до июня 1941 года по Москве ходили слухи, будто Сталин и Гитлер скоро объединят Германию и СССР в одно государство: они там, в Берлине, тоже социалисты, только с приставкой «национал»...

Олег Грицкевич победил в конкурсе «National Geographic»



Фотографию 38-летнего жителя Беларуси Олега Грицкевича «Переполнение священных вод» назвали лучшей на международном фотоконкурсе «Самые удивительные фотографии National Geographic», сообщает ресурс znyata.com.

Грицкевич получит главный приз — путешествие на двоих в Вашингтон на экскурсию в главный офис общества «National Geographic».

Жюри выбирало из более чем 2200 работ, заявленных на участие в конкурсе «Наши самые удивительные фото», организованном каналом «National Geographic» и телекомпанией НТВ-ПЛЮС при поддержке журнала «National Geographic».

Олег рассказал, как родился снимок-победитель. «Это верхушка затопленного во время наводнения в августе 2009 года индуистского храма в индийском городе Варанаси (древний Бенарес). Снято с балкона отеля со штатива с выдержкой в 30 секунд — на малой выдержке в этой быстрой реке были бы видны пепел, венки, мусор и не до конца сожженные человеческие останки. В пятидесяти метрах справа от этого храма (здесь на снимке не видно) находится Маникарника Гхат — самое главное место для кремации на реке Ганг», — объясняет победитель.

Олег Грицкевич родился в России, живет в Беларуси с 1985 года. Закончил Мозырское медицинское училище, работал фельдшером выездной бригады скорой помощи. В 1995 году участвовал в AXA World Ride'95 — кругосветной велогонке, через год организовал велогонку по Беларуси — «Чернобыль — Надежда-96» с участием инвалидов. В 1997 году работал в США в компании «WorldTeamSports».

В 1999 году основал рекламно-информационную газету «Полесье СВОИМИ ГЛАЗАМИ», которая издается по сей день в полесском регионе.

